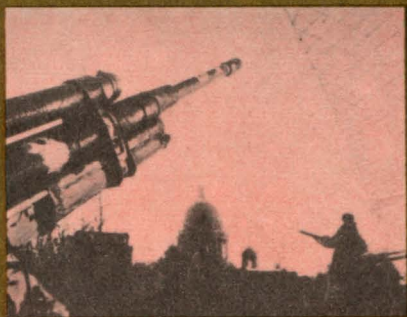

ЛЕНИНГРАД

Города-
герои

ЛЕНИНГРАД

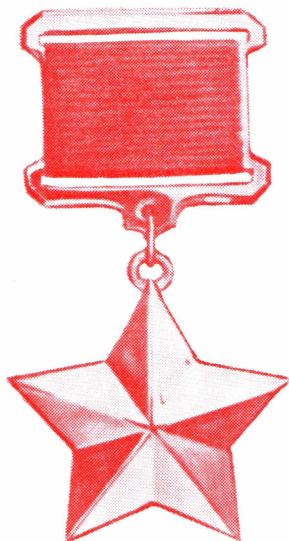
Города-герои

Это был один из самых выдающихся,
самых потрясающих массовых подвигов
народа и армии
во всей истории войн на земле.
Мужество ленинградцев,
доблесть защитников города Ленина
навсегда сохранятся в благодарной памяти
нынешнего и грядущих поколений
советских людей.

Л. И. Брежнев

Города- герои

Указом Президиума
Верховного Совета Союза ССР
от 8 мая 1965 года
за выдающиеся заслуги перед Родиной,
мужество и героизм,
проявленные трудящимися
города Ленинграда в борьбе
с немецко-фашистскими захватчиками
в тяжелых условиях
длительной вражеской блокады,
и в ознаменование 20-летия
победы советского народа
в Великой Отечественной войне
1941—1945 годов
городу-герою Ленинграду,
ранее награжденному
за эти заслуги орденом Ленина,
вручена медаль «Золотая Звезда»

ВЛАДИМИР
МИХАЙЛОВ

ЛЕНИНГРАД

Героическая оборона города
в 1941—1944 гг.

Москва
Издательство
политической
литературы
1980

63.3(2)722.72

М69

Михайлов В. В.

М69 Ленинград: Героич. оборона города в 1941—1944 гг.— М.: Политиздат, 1980.— 199 с., ил.— (Города-герои).

63.3(2)722.72
9(С)27

М $\frac{10604-126}{079(02)-80}$ БЗ—12—31—80 0505030202

© ПОЛИТИЗДАТ, 1980 г.

Ленинград. Колыбель Октября. Город великого Ленина. Невская твердыня.

По-разному и о разном рассказывают его монументы и памятники, названия улиц, площадей, набережных. Многие из них подобны шрамам, оставшимся от суровых испытаний и кровопролитных сражений. Вечному огню Марсова поля, который словно бы вобрал в себя пламя отважных сердец борцов революции, погибших на баррикадах 17-го года и в период становления Советской власти, не суждено было остаться единственным. Ленинградцам, как и всему советскому народу, пришлось отстаивать великие завоевания революции еще и в смертельной, небывало ожесточенной схватке с фашизмом. События того времени отодвинулись от нас на десятилетия, у детей, родившихся после войны, давно свои дети, растет второе поколение, для которого ленинградская блокада — это книги, кинофильмы, рассказы старших. Время, однако, не гасит живого чувства человеческой благодарности к тем, кто жизнью своей преградил путь в город фашистским полчищам. Рассекая небо, поднялся на въезде в город, в его южных парадных воротах, четырехгранный обелиск, по сторонам которого, как современники наши, наших внуков и правнуков, застыли бронзовые фигуры героических участников легендарной обороны Ленинграда в годы Великой Отечественной войны; сотни тысяч советских людей своим трудом или своими средствами приняли участие в его сооружении. Превратилось в 220-километровый пояс Славы, оделось в гранит и бетон монументов, мемориалов огнен-

ное, несжимаемое кольцо блокады: у Пулкова и у Ям-Ижоры, у Колпина, на Пулковских высотах, в районе Лигова и бывшего Урицка, по границам Ораниенбаумского «пяточка», на Невском «пяточке» застыли, подобно бессмертным часовым, в почетном карауле обелиски, стелы, памятные знаки, скульптуры, вознесенные на пьедесталы орудия и боевые машины. Вдоль Дороги жизни от Ленинграда до Ладожского берега выстроились памятные путевые столбы. Вечные огни пылают на Пискаревском и Серафимовском кладбищах. Давно уже сомкнули свои кроны деревья над аллеями Приморского и Московского парков Победы...

Годы идут, но прошлого не уносят, герои тех лет и сегодня с нами. Площади Победы, Мужества. Проспекты Народного Ополчения, Героев, Ветеранов, Непокоренных... Улицы Маршала Говорова, Генерала Симоняка, Солдата Корзуна, Танкиста Хрустицкого, Подводника Кузьмина, Пограничника Гарькавого, Летчика Пилютова, Партизана Германа, переулок Красноборский, улицы Синявинская, Партизанская, Лени Голикова, Севастьянова, Бурцева, Покрышева, Грибалевой, Гривцова, Типанова, Ивана Черных, Зайцева, Графова, Косинова, Ефимова...

В пояс Славы каждый год вплетаются новые звенья, проектируется новый мемориал, возникают новые и новые музеи, мемориальные уголки в школах, на предприятиях... Никто не забыт и ничто не забыто! Эстафета благодарной памяти передается от отцов к сыновьям, внукам и правнукам как самое ценное достояние; каждое новое поколение стремится отдать свою дань преклонения перед легендарным подвигом ленинградцев, которые стояли насмерть в самом точном, буквальном значении этих слов; смерть они безоговорочно предпочитали бесславию и рабству.

Вернемся же к ним и вместе с ними проживем, хотя бы мысленно, те бесконечно долгие 900 дней, каждый из которых отмечен подвигом и самопожертвованием во имя Победы...

Удар с юго-запада

Уже совсем рассвело, поднявшееся над берегом светлое солнце уничтожило таинственное очарование белой ночи. Маленький экскурсионный парходик подходил к самому Выборгу, когда неподалеку появились самолеты и от них стали отделяться, падая в воду, длинные черные предметы.

— Маневры,— воскликнул кто-то, и пассажиры стали тесниться к бортам, стараясь получше разглядеть, что происходит.

Потом вдруг налетели другие самолеты, размером поменьше, заквакали пулеметы, закрутилась карусель в воздухе. Один из пассажиров, радуясь новому приключению, простодушно произнес:

— Надо же! Никогда не видел.

Только капитан парходика, обычно хладнокровный и невозмутимый, бессознательным движением поправляя и без того аккуратно сидевшую на голове фуражку, проговорил:

— Война, товарищи. Немцы на нас напали.

Факт этот взят из очерка Николая Тихонова, поэта, писателя, гражданина, чья жизненная и творческая судьба теснейше переплетена с блокадным Ленинградом. Зная, что в документальных материалах поэт не давал волю фантазии, я постарался уточнить, когда и как это было. Найти удалось несколько, несомненно основанных на документах, свидетельств. В деталях они разнятся, но совпадают в главном. Судя по всему, действительно, в промежутке от 4 часов утра до 5.30—5.40 «мессершмитты» минировали залив севернее Выборга и одновременно пытались блокировать аэродром под Выборгом. Навстречу им

взлетели летчики 7-го Краснознаменного истребительного полка во главе с командиром эскадрильи старшим лейтенантом Николаем Ивановичем Свитенко (в будущем Герой Советского Союза, он дослужился до генеральского звания, командовал крупным авиационным соединением, а демобилизовавшись, работал конструктором в родном Харькове).

Тихая, белая ночь на 22 июня таила коварные, неожиданные опасности не только там, у ближайшей к Ленинграду сухопутной государственной границы. Вот еще несколько взятых из разных источников сообщений.

3 час. 20 мин. Летчики Шавров и Бойко, патрулировавшие на подступах к Ленинграду, отогнали звено «Мессершмиттов-110», которые пытались обстрелять один из наших аэродромов.

3 час. 20 мин. В районе шведского острова Готланд атакован торпедными катерами и потоплен транспорт Латвийского пароходства «Гайсма».

3 час. 30 мин. На подходах к Кронштадту фашистский самолет обстрелял пароход «Луга».

3 час. 45 мин. 12 иностранных самолетов сбросили магнитные мины на кронштадтском рейде.

Телеграмму наркома обороны маршала С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба генерала армии Г. К. Жукова, предупреждающую о возможном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз, в штабе Ленинградского военного округа получили в половине первого ночи. С ней сразу же познакомился и второй секретарь Ленинградского горкома партии Алексей Александрович Кузнецов, который после закончившегося накануне пленума горкома партии так и не уходил из своего рабочего кабинета. Кузнецов тут же распорядился вызвать в Смольный группу ответственных руководящих работников, в том числе секретарей райкомов партии. Из Келомякк (ныне Комарово), с других пригородных дач, с разных концов города съезжались к Смольному «эмки». Сгустившаяся ненадолго светлая ночная мгла уже рассеялась, ласковое утреннее солнце поднялось над городом. Кузнецов без особых предисловий прочел

переданную ему из штаба телеграмму. В кабинете секретаря горкома повисло тяжелое молчание. Наконец кто-то спросил:

— Что же это? Война?

Для Кузнецова, знавшего несравненно больше других, сообщение не было полной неожиданностью. Еще в декабре прошлого года наша разведчица сообщила, что у норвежско-финляндской границы сосредоточено около 60 тысяч немецких солдат. Разведчица прямо предупреждала: «Нападение должно быть весной на Ленинград. Будьте на страже». Тогда же стало известно, что в оккупационных фашистских войсках на севере Европы изучают русский язык. В Финляндии строились дороги, ведущие к советской границе, в приграничных районах была создана запретная зона, закрыт свободный въезд в портовые города, на побережье Ботнического залива, а с 10 июня началась эвакуация населения из приграничных районов, скрытно приступили к мобилизации и переброске войск к советской границе.

Последние дни чрезвычайно подозрительно вели себя немцы, по разным причинам оказавшиеся в Ленинграде. В частности, немецкие торговые суда (их всегда много стояло здесь) снимались с якоря, не закончив погрузки. Взвешивая еще раз все ему известное, Кузнецов помолчал, потом решительно подтвердил:

— Скорее всего — война.

Обменяться мнениями толком не успели: Кузнецова вызвали к аппарату прямой связи с Москвой. Он внутренне был готов к тому, что услышал, и вернулся обратно внешне таким же спокойным, каким был. Только еще собраннее обычного:

— Война, товарищи!

Похоже, Кузнецов заранее обдумывал, как быть и что делать в этом именно случае. Напутствие у него получилось четким и конкретным. Заключил так:

— Никакой паники и малодушия! Но надо и отрешиться от настроений мирного времени... Как учил Ленин: «Коль война, так по-военному».

В действие вступал четкий, отлаженный во

всех своих звеньях партийный аппарат. В райкомы срочно созывали партийный актив, председателей исполкомов, руководителей предприятий и организаций. Представители райкомов направлялись в военкоматы, на спешно организуемые мобилизационные пункты, вокзалы, предприятия и в организации железнодорожного транспорта — во все те места, которые становились сейчас своего рода нервными узлами, главными точками притяжения огромного города. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР мобилизация должна была начаться на другой день, но уже через полчаса после правительственного сообщения о начале войны в райвоенкоматы стали приходить первые добровольцы; многие, судя по всему, даже не заглянули домой.

В Ленинграде немало предприятий в то воскресенье работало; по всему городу негодующей, бурной волной прокатились митинги, и уже тогда в резолюциях, принятых в цехах Кировского завода, прозвучало:

— Мы превратим навязанную нам войну в войну Отечественную и разгромим, как всегда громили, врага!

Когда поздно ночью в горкоме партии подводили итоги дня, представители горвоенкомата доложили, что действуют почти все призывные пункты и туда без всяких повесток явились десятки тысяч человек, а в Московском районе почти все военнообязанные — больше 90 процентов. Кузнецов размышлял:

— Отовсюду звонят, что приходит много пожилых или совсем молодых людей, не подлежащих мобилизации. Что с ними делать? Может, есть смысл формировать из них добровольные отряды для охраны предприятий, военных объектов, для борьбы с лазутчиками, которые не замедлят объявиться...

Предложение приняли; забегая вперед, скажем, что к 5 июля в городе насчитывалось 168 истребительных батальонов общей численностью 36 тысяч человек, коммунистов среди них было 10 тысяч. В области в состав таких баталь-

онов, ставших первыми добровольческими формированиями ленинградцев, вошел весь партийный и советский актив, начиная с секретарей райкомов партии.

23 июня горком партии провел в Смольном совещание руководящих работников. Речь шла о мобилизации военнообязанных и транспорта, об оборонных работах, об охране жизненно важных объектов, о перестройке промышленности на военный лад...

— Секретари и заведующие отделами горкома,— четко сформулировал одну из ближайших задач А. А. Кузнецов,— должны через час представить свои соображения о том, какое количество людей потребуется предприятиям, расширяющим производство.

Обмен мнениями на совещании predeterminedил многие из решений, принятых вскоре бюро городского комитета партии, Ленгорисполкомом и командованием Северного фронта, развернутого на территории Ленинградского военного округа.

Командующий Ленинградским военным округом Маркиан Михайлович Попов, переведенный сюда в феврале 41-го (прежде он служил на Дальнем Востоке), в начале июня был назначен председателем комиссии, которой предстояло выбрать площадки для строительства военных аэродромов на берегу Баренцева моря. По пути в Мурманск он заехал на участок границы, где располагались части, прикрывавшие стратегически важное кандалакшское направление. Все там были встревожены, и Попов сам наблюдал с пограничных вышек необычное оживление на сопредельной стороне: группы немецких офицеров с картами и биноклями в руках, солдаты, множество машин, передвигавшихся ночью (но какие в это время ночи на севере!), а днем множество дымов — скорее всего от полевых кухонь. У командира стоявшей в тех местах 122-й дивизии сомнений не было:

— Наступать они будут. Хорошо бы подготовиться к обороне.

Поколебавшись (директив сверху на этот счет не было), Попов все-таки разрешил:

— Занимайте оборону, ставьте проволочные заграждения, мины. Но не в открытую, как немцы и финны.

Такую же обстановку Попов застал под Мурманском: у границы прохаживаются немецкие офицеры с биноклями, устанавливаются на позиции орудия, над приграничными дорогами весь день висит пыль. Миноносец, на котором комиссия должна была совершить поездку вдоль побережья, готовился выйти в море, когда Попов позвонил в Москву наркому Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецову. Доложил об обстановке на границе, о своих личных наблюдениях и заметил:

— Выход в море в этих условиях считаю нецелесообразным.

— Хорошо, что позвонил,— ответил нарком.— Выход в море пока отложим. Немедленно возвращайся в Ленинград.

В Петрозаводске вагон командующего отцепили от экспресса, подали отдельный паровоз, и этот коротенький, странноватый поезд помчался вперед вне всякого графика. На полпути к Ленинграду, во время короткой остановки, к Попову явился взволнованный комендант станции.

— Товарищ генерал, нам передали по селектору, что немцы бомбят советские города, обстреливают железнодорожные узлы. И границу нарушили. Фашистская Германия напала на Советский Союз, война началась.

В штабе округа Попов застал генералов, командиров, склонившихся над картами. Финская граница оставалась спокойной, войска Ленинградского военного округа выдвигались в оборонительные районы, не встречая противодействия. Убедившись, что все идет как положено и необходимые распоряжения отданы, Попов остался в своем кабинете с начальником разведывательного отдела штаба округа П. П. Евстигнеевым, чтобы повнимательнее изучить разведывательные данные о группировках врага, нацеленных на Ленинград, Карелию и Мурманск из Финляндии и Норвегии.

В ночь на 23 июня фашистские эскадрильи по-

пытались пробиться к Ленинграду, но, потеряв пять машин, повернули назад. Первой, пусть небольшой, но победе радоваться довелось недолго. Утром стало известно, что 8-я и 11-я армии Северо-Западного фронта, стоявшие на границе с Восточной Пруссией, прикрывая Прибалтику, а следовательно, южные и юго-западные тылы Ленинградского военного округа, отходят. Заместитель наркома обороны генерал армии К. А. Мерецков, прибывший в Ленинград, сказал вдруг Попову:

— Я советовал бы вам приступить к выбору и рекогносцировке возможных оборонительных рубежей между Псковом и Ленинградом. И немедленно развернуть там оборонительные работы. Привлечь свободные войска и, главное, местное население. Какие сейчас там части?

— В Псковско-Островском укрепрайоне одна пулеметная и одна учебная роты. Их едва хватает для охраны сооружений. Сами эти сооружения законсервированы, часть оборудования и вооружения демонтирована. Из мехкорпуса, что стоит там, одну танковую дивизию мы перевели в Кандалякшу...

— Тем более!

Попову, мысли которого все еще были заняты исключительно финской и норвежской границами, разговор показался неожиданным. С тех пор как Прибалтийские республики вошли в состав СССР, все считали, что с юго-запада Ленинград защищен надежно. Рекомендациями недавнего начальника Генерального штаба пренебречь, однако, было нельзя. В принципе Попов сразу согласился с ними, но тут же подумал, что спешное строительство оборонительных рубежей, даже на дальних подступах к Ленинграду, может вызвать нездоровые, упадочнические настроения. Вслух поэтому произнес:

— Я должен согласовать и обсудить этот вопрос с руководством Ленинградской партийной организации. Подготовительную работу начну немедленно.

Оставшись один, Попов хотел позвонить секретарю ЦК ВКП(б), областного и городского

комитетов партии Жданову или Кузнецову, но вдруг представил себе немецкие танки где-то на подступах к Даугаве и приказал немедленно вызвать своего заместителя генерала К. П. Пядышева. Задачу ему поставил предельно ясную:

— Константин Павлович! Я возлагаю на вас подготовку оборонительных рубежей на южных и юго-западных подступах к Ленинграду. План работ доложите завтра.

Когда дверь за Пядышевым закрылась, Попов тут же снял трубку прямой связи. Услышал голос Кузнецова.

— Алексей Александрович! Это Попов...

Пядышев с начальником инженерного управления округа подполковником Борисом Владимировичем Бычевским (Попов тоже успел с ним переговорить) уже расстилали на столе в своем кабинете новехонькие карты. На размышления времени не оставалось. Пядышев решительно провел линию от Кингисеппа на Лугу и к озеру Ильмень, в основном по реке Луге.

— Это и будет лужская позиция. Видимо, для ее обороны придется выделять отдельную группу войск.

Борис Владимирович Бычевский, высокий, интеллигентного склада командир, известный в округе ясным умом и широкой эрудицией, озабоченно заметил:

— Надо только побыстрее заняться лужским предпольем, направить туда отряды заграждения из общевойсковых и саперных частей.

— Правильно.

— Только вот мин и взрывчатки у нас мало. Запрашивали Москву, но нам ответили, что есть более важные направления, и порекомендовали использовать местные ресурсы. Придется обратиться за помощью в горком партии.

Скоро в кабинете Бычевского уже сидел заведующий промышленным отделом горкома партии Михаил Васильевич Басов, деловитый, немногословный человек. И без того худощавый, после двух бессонных ночей он осунулся еще больше.

— Горком направил меня для помощи, вроде

комиссара к тебе. Что нужно вам в первую очередь?

Бычевский протянул ему запрос, посланный в Москву, и телеграмму с отказом.

— Картина ясная. Начнем, пожалуй, с противотанковых мин. 100 тысяч на первые пять суток хватит? — сразу приступил к делу Басов. — Только вот металлические корпуса сделать не сможем. Нет штампов. Закажем деревянные. Кому? Фанерному заводу имени Аврова, мастерским Древоргтреста...

— А где взять взрывчатку?

— С гражданского строительства...

24 июня в присутствии А. А. Кузнецова, секретаря обкома партии Терентия Фомича Штыкова состоялось заседание Военного совета Северного фронта. К этому времени стало очевидно, что на Северо-Западном фронте, призванном оборонять Прибалтику и соответственно юго-западные подступы к Ленинграду, складывается чрезвычайно тяжелая обстановка. Границы Восточной Пруссии пересекла группа армий «Север»: 16-я, 18-я армии и 4-я танковая группа — всего 29 дивизий. Поддерживал их 1-й воздушный флот. Назначение этой мощной группировки (одной из трех, брошенных на Советский Союз) определялось самим названием: она должна была захватить Прибалтику, наши балтийские порты, включая Кронштадт и Ленинград, лишив тем самым Балтийский флот всех его опорных баз. Этим преследовалась чисто военная, стратегическая цель. Была и политическая. Гитлер считал необходимым специально разъяснить, что в итоге осуществления этого плана у Советского Союза «будет утрачен один из символов революции, являвшийся наиболее важным для русского народа на протяжении последних 24 лет, и что дух славянского народа в результате тяжелого воздействия боев будет серьезно подорван, а с падением Ленинграда может наступить полная катастрофа».

Войсками, нацеленными на Прибалтику и Ленинград, командовал 65-летний фельдмаршал фон Лееб.

Бои в Прибалтике были ожесточенными, но гитлеровцы обладали подавляющим превосходством в силах и стремительно продвигались вперед. Создание укрепленных позиций к юго-западу от Ленинграда приобретало характер острой необходимости, и все члены Военного Совета согласились, что надо немедленно приступить к мобилизации населения на оборонные работы.

Сразу после окончания заседания А. А. Кузнецов и М. М. Попов поспешили к Андрею Александровичу Жданову. Выслушав их, он одобрил принятые решения, но посчитал целесообразным посоветоваться с И. В. Сталиным и позвонил в Москву. А. А. Кузнецов и М. М. Попов, сидевшие рядом, не без тревоги ждали, чем завершится разговор. Он затянулся; чувствовалось, что и А. А. Жданов испытывает немалое напряжение, но, видно, у него еще раньше сложилось внутреннее убеждение в том, что лужский рубеж укреплять нужно, и после очередной, неторопливой, как всегда, выверенной реплики Сталина он приводил новые и новые доводы в пользу разработанного Военным советом плана. Положив наконец трубку, А. А. Жданов после недолгой паузы коротко сообщил:

— Товарищ Сталин согласился с нашим планом, но указал на необходимость провести большую разъяснительную работу среди населения.

В тот же день, 27 июня, было приостановлено сооружение ленинградского метрополитена, свернуто строительство гидроэлектростанций: рабочие, инженеры, техники, машины, материалы — все передавалось военным организациям. Одновременно постановлением Ленгорисполкома к оборонным работам привлекались мужчины в возрасте от 16 до 50 лет и женщины от 16 до 45 лет. Эшелоны, по преимуществу с пассажирками, один за другим уходили к Кингисеппу, Луге, на Батецкую — к лужской линии обороны, протянувшейся на 250 километров. В штабе фронта теперь постоянно находились заместители председателя Ленгорисполкома Н. Н. Шевцов и В. М. Решкин. На заводах Ижорском, Кировском, Балтийском, Металлическом, «Нев-

гвоздь», «Баррикада», № 189, в строительных трестах, на многих других предприятиях налаживали изготовление башенных орудийных установок, броневых и сборных железобетонных сооружений, огневых точек, противотанковых надолб, колючей проволоки, мин и т. п. В ход пошли запасы брони на кораблестроительных заводах: в короткий срок военно-морские инженеры сконструировали до 20 типов различных броневых точек, монтировали их нередко под огнем противника рабочие-такелажники ленинградского треста «Стальконструкция» и саперы.

27 июня в горкоме партии созвали совещание, чтобы обсудить, как быстрее и лучше организовать строительство оборонительных линий. Совещание подходило к концу, когда А. А. Жданов спросил у представителей штаба Северного фронта:

— Какие части и соединения займут рубежи, которые подготовят ленинградцы?

Ответом было:

— Мы со дня на день ждем начала военных действий на финской и норвежской границах. Все наши части, а их мало,— там.

Наступило тяжелое молчание.

— Андрей Александрович! — Поднялся с места заведующий оргинструкторским отделом горкома партии Леонтий Макарович Антюфеев.— Мы уже обменивались мнениями по этому вопросу. Добровольцев у нас десятки тысяч, и пока из них формируются только истребительные отряды. Может быть, нам создать еще и добровольческую армию. Комплектовать ее можно будет по производственно-территориальному признаку. Она и станет резервом фронта...

Кое-кто из военных, присутствовавших на совещании, недовольно поморщился: где взять оружие, обмундирование, сколько нужно времени, чтобы обучить тех, кто вовсе не брал в руки винтовки. Жданов не колебался:

— Так и поступим. Я немедленно запрошу Ставку, чтобы нам дали необходимые полномочия, а вы приступайте к делу.

29 июня Ставка Главного Командования ут-

вердила план формирования ленинградской добровольческой армии, и на другой день к вечеру комиссии, во главе которых встали секретари райкомов партии, уже отобрали 10 тысяч 890 добровольцев, а заявлений все прибывало и прибывало. Только с Кировского завода их поступило 15 тысяч. Встал под ружье почти весь институт имени П. Ф. Лесгафта во главе со своим руководством. Собирали походные рюкзаки писатели, художники, композиторы, архитекторы. Настойчиво добивались, чтобы их приняли в добровольческие формирования народный артист СССР Н. К. Черкасов, Д. Д. Шостакович, член-корреспондент Академии наук СССР М. П. Костенко и многие другие видные представители науки и культуры.

— Фашизм — это конец культуре, конец цивилизации. Спасти человечество от гибели можно только сражаясь, — убежденно говорил Д. Д. Шостакович на одном из митингов.

Удовлетворить просьбу Дмитрия Дмитриевича сочли нецелесообразным, и тогда он стал бойцом МПВО — одним из самых старательных и добросовестных. Печатные издания многих стран мира обошла впоследствии фотография: в обмундировании и в пожарной каске Д. Д. Шостакович несет вахту на крыше консерватории.

Уже действовали разместившиеся в нынешнем здании Ленгорисполкома Военный совет и штаб армии, а называли ее по-разному: и добровольческой, и народной, и особой, и даже армией по истреблению фашизма. А. А. Жданов, с довоенных лет занимавшийся как секретарь ЦК ВКП(б) вопросами пропаганды и агитации, хорошо понимал, как важно дать новым воинским формированиям яркое, мобилизующее название, и не раз со многими беседовал по этому вопросу. Предложений было много, а требовалось единственно возможное, такое, которое бы сразу прижилось и было всеми принято. Только через два дня в выступлении Жданова прозвучало, наконец, теперь такое привычное словосочетание:

— Необходимо поддерживать и развивать боевые традиции русского народа, который в

Отечественную войну 1812 года создал народное ополчение, разгромившее вместе с армией войска Наполеона.

По постановлению горкома партии, которым было узаконено принятое ранее решение резко увеличить численность добровольческих формирований, они окончательно получили официальное название — Ленинградская армия народного ополчения (ЛАНО). К 10 июля она насчитывала уже 110 тысяч человек, в числе которых было около 20 тысяч коммунистов и 18 тысяч комсомольцев. Одновременно проводились еще и специальные партийные мобилизации. Так, 27 июня Политбюро ЦК партии обязало Ленинградскую партийную организацию отобрать 4 тысячи коммунистов и комсомольцев; в самом скором времени в качестве политбойцов или в составе коммунистических батальонов они уже воевали на Западном фронте. Еще раньше военно-политическими стали Ленинские курсы в Ленинграде, где обучалось около тысячи партийных работников.

В добровольческие формирования по партийному призыву шли сотни секретарей первичных партийных организаций, руководящих работников районных, городских и областных партийных, советских, комсомольских организаций. Только из аппарата обкома партии в ЛАНО вступили 58 человек, из сельских райкомов партии — 374 человека. Справиться с возросшими задачами, действуя обычными методами, было невозможно; требовались чрезвычайные органы руководства. 1 июля областным и городским комитетами партии по образцу Государственного Комитета Оборона Ленинграда, возглавил ее А. А. Жданов. Таким образом, все нити управления жизнью города, оперативно-хозяйственное руководство промышленностью были переданы в Смольный в городской комитет партии. Для оперативного решения хозяйственных вопросов исполкомы городского и областного Советов выделили специальные «четверки». В районах всей работой руководили «тройки» во главе с первы-

ми секретарями райкомов партии. Задания комиссии, решения «четверок» и «троек» выполнялись теперь как боевые распоряжения, в организации и методах работы партийные организации перестраивались на военный лад.

Уже в самые первые дни войны стало очевидно, что наркоматам не под силу оперативно руководить переводом промышленности на выпуск военной продукции, и значительная часть их функций также перешла к партийным органам, поскольку многое приходилось решать на месте, не считаясь с ведомственными разграничениями. 23 июня горком партии направил в промышленность женщин-шоферов, 24 июня обязал ряд предприятий передать квалифицированных столяров-модельщиков на завод, расширяющий военное производство, 25 июня постановил излишки металла расходовать только на оборонные заказы. Большинство предприятий были переведены на 11-часовой рабочий день и полутрассменную работу; рабочие, инженеры, техники, служащие отказались от выходных, сверхурочной оплаты; повсеместно становилось правилом не покидать цеха, пока не выполнено задание.

Не прошло еще и четырех суток с начала войны, как на Кировский завод пришло радостное известие. Звонили из горкома партии:

— Нам передали, что на Западном фронте прекрасно показали себя созданные вами танки КВ. Несколько ваших машин разгромили вражескую механизированную колонну. Целую колонну...

25 июня ЦК партии и правительство поручили Кировскому заводу в кратчайшие сроки организовать серийное производство танков КВ. Многие из того, на что прежде уходили дни и недели, теперь делалось в считанные часы. Сразу же пустили паровой молот, установленный в кузнечном цехе незадолго до войны. Смелее стали переходить на прогрессивную, но недостаточно изученную технологию. Танки обкатывали и снаряжали прямо на заводском дворе; из добровольцев-кировцев, пожелавших пойти на фронт тан-

кистами, сформировали свой, Кировский батальон.

«Каждый танк, который вы выпускаете,— писал в те дни кировцам начальник Главного автобронетанкового управления генерал-лейтенант Я. Н. Федоренко,— есть удар по врагу».

Приехав затем на завод, генерал прежде всего передал кировцам благодарственные отзывы о танке КВ; на фронте этот танк называли сухопутным дредноутом, на врагов он наводил панический страх. Зашла речь и о некоторых конструктивных просчетах танкостроителей.

— Очень высокая башня,— отметил генерал.— Если снаряд попадает в зазор между корпусом и башней, она заклинивается. Нужен и вариант танка с более мощной пушкой для прорыва укрепленных линий.

6 июля партком Кировского завода постановил: «Обязать секретарей партбюро, начальников всех цехов и отделов подчинить всю партийно-политическую и хозяйственную работу выполнению правительственного задания по выпуску машин КВ». В ходе заседания парткома с полной ясностью определилось, что танков можно бы собирать больше, если увеличить мощности заготовительных цехов. Партком потребовал резко расширить производство штампованных деталей, решительнее применять вместоковки литые. В цехах партийные рекомендации приняли к немедленному исполнению. Это позволило разгрузить кузницу и высвободить около 200 станков. Уже началась перебазировка завода на восток, а выпуск мощных боевых машин продолжал возрастать: в июле их отправили на фронт вдвое больше, чем в июне.

На изготовление военной продукции к началу июля в той или иной степени переключилась большая часть ленинградских предприятий. Через полтора месяца после начала войны они освоили 84 новых образца боевой техники и вооружения.

На лужском рубеже

Маннергеймовские войска и немецко-фашистская армия «Норвегия» развернули активные боевые действия в период с 29 июня по 1 июля. Наступали сразу и на Мурманск, и на Канда-лакшу, и на Ухту, и на Петрозаводск, и на Свирь, и прямо на Ленинград через Карельский пере-шеек. Силы начального удара, однако, у них хватило только на то, чтобы продвинуться впе-ред не больше чем на 15—30 километров. Неожиданный, трагический оборот события приобрели не здесь, а на Северо-Западном фронте. Не с се-вера, как ожидали, а с юго-запада надвигалась на Ленинград главная опасность. Спешно орга-низованная нашим командованием оборона на правом берегу Западной Двины не устояла, и со-единения Северо-Западного фронта отступали по расходящимся направлениям. В образовавшуюся брешь к Пскову поползли бронированные колон-ны 4-й танковой группы гитлеровцев. 6 июля фа-шисты захватили Остров, дважды переходивший из рук в руки (удержать его пытался подоспев-ший туда 1-й механизированный корпус), а 9-го к вечеру с боем ворвались в Псков. Теперь, как считал фон Лееб, им открылись прямые дороги к Ленинграду. Одна — через Порхов и Новгород наперерез шоссе и железной дороге Ленинград — Москва, другая — по Киевскому шоссе, через Лугу и Гатчину.

Все, что только можно, Северный фронт слал теперь к Луге, войска частично снимались даже с петрозаводского направления и с Карельского перешейка. До подхода немецкой 4-й танковой группы оборону на Луге, ближе к Шимску и озе-

ру Ильмень, успели занять 1-я горнострелковая бригада и 1-я дивизия народного ополчения, сформированная в Кировском районе. Киевское шоссе и железную дорогу из Ленинграда на Псков в районе южнее Луги оседлала 177-я дивизия, мощно подкреплённая артиллерийскими подразделениями. На правом фланге, в стороне от больших магистралей, позиции заняли Ленинградское стрелково-пулеметное училище и Ленинградское Краснознаменное пехотное училище имени С. М. Кирова. У Поречья на Луге и в районе села Ивановского наших частей не было вовсе. Кингисепп и непосредственно прилегающую к нему часть лужского рубежа прикрывала 191-я дивизия.

Командующий 4-й танковой группой генерал Геппнер направил 56-й моторизованный корпус на Ленинград обходным путем через Новгород, а 41-й — напрямую по Киевскому шоссе через Лугу. Раньше всех других на Северном фронте в борьбу с фашистами, надвигавшимися с юго-запада, вступили ленинградские летчики. Уже 29 июня они бомбардировали мост через Западную Двину у Якобштадта, а на другой день — скопления фашистских войск в районе Даугавпилса. 28 июня младшие лейтенанты С. И. Здоровцев и П. Т. Харитонов пошли на таран, сбив по фашистскому бомбардировщику, а на другой день их однопольчанин младший лейтенант М. П. Жуков сумел загнать в Псковское озеро фашистского аса! Здоровцев, Харитонов и Жуков стали первыми, кто получил звание Героя Советского Союза за подвиги, совершенные в ходе Великой Отечественной войны.

Ленинградские саперы по инициативе подполковника Б. В. Бычевского выдвинулись далеко за Плюссу и там минировали дороги, мосты, устанавливали минные заграждения, закладывали радиофугасы — глубоко засекреченное оружие, которым немцы не располагали. Когда в Ленинград сообщили, что фашисты уже в Стругах Красных, М. М. Попов вызвал к себе Бычевского:

- Сколько у тебя там фугасов заложено?
- Три по 250 килограммов.

— Разведчики сообщают, что все крупные здания заняты гитлеровцами. Взрывай.

Машина со специальной радиостанцией была укрыта в одном из самых глухих уголков Гатчинского лесопарка. Рация включена, вокруг по-прежнему тихо, спокойно, но в голосе Бычевского чувствуется волнение:

— Все!?

— Все,— отвечает командир роты спецминирования старший лейтенант Владимир Яковлев, он сам закладывал те фугасы.

В эти минуты здания, забитые по преимуществу фашистскими офицерами, превратились, как это потом подтвердила аэрофотосъемка, в развалины.

Киевское шоссе километрах в 50 южнее Луги — примерно там, где его пересекает река Плюсса. Оно значительно уже нынешнего. Неровный, выщербленный асфальт местами сменяется булыжником. Над шоссе стоит тоскливая коричневая пыль. Жара. Люди бредут усталые, обессиленные. Женщины, дети, старики, нередко и группы красноармейцев с винтовками за спиной, с каким-то военным имуществом. Скот, конные повозки, машины.

Со стороны солнца неожиданно доносится прерывистый рокот авиационного мотора, дорога сразу пустеет, все живое стремится в сторону от нее, но пулемет уже застучал, рвутся бомбы, вот кого-то прошло очередь, стонет кто-то из раненых, одна из лошадей давится предсмертным хрипом. Потом все смолкает, на дороге возобновляется движение, и снова только скрип колес, усталые шаги, плач детей, надсадное мычание коров...

В нескольких сотнях метров перед мостом через Плюссу шлагбаум и за ним наскоро вырытые окопчики. Деловитые красноармейцы направляют весь этот живой поток в сторону, в обход, и люди, увлекаемые общим движением, только что не знавшие, куда идти и на что надеяться, наконец оказываются в зоне хоть сколько-нибудь определенного порядка.

Разрозненные группы военных формируют неподалеку, с ходу образуя из них отделения, взводы, роты и отправляют в окопы, на левый фланг, где постепенно собираются участвовавшие в предыдущих боях Северо-Западного фронта воины 111-й, 235-й и 90-й стрелковых дивизий и строительных частей. Распоряжается ими по преимуществу генерал Михаил Григорьевич Ефремов, прибывший сюда как представитель Северного фронта. Многие его узнают: герой гражданской войны, уважаемый, известный военачальник, в Красной Армии он с 1917 года. Здесь, под Лугой, Ефремов успеет очень много, но уже через десять дней его отзовут, а поэтому имя его забудется в этих местах. Памятник Михаилу Григорьевичу Ефремову сейчас стоит в Вязьме: в контрнаступлении под Москвой, в боях под Вязьмой с особой силой проявились его талант и мужество. Там, попав в окружение со своей 33-й армией, он и погиб: тяжелораненым застрелился, чтобы избежать плена.

Женщины, дети, девушки, старики, которых сейчас объединяет горькое, полузабытое слово «беженцы», переправляясь через Плюссу, всюду видят окопы, пулеметы, орудия, даже танки. Впервые за много дней к ним приходит спокойствие, и они, поддаваясь невольному чувству расслабленности, устраиваются на привал, но им не дают задержаться, торопят:

— Уходите! Скоро и тут будет бой!

Впечатление порядка и организованности, которое оставалось тогда у всех, кто попал в эти места, не было обманчивым. 177-ю дивизию, оборонявшую Лугу, сформировали весной 41-го — еще перед войной. Командиры, красноармейцы успели узнать друг друга, пройти курс обучения. 1 мая в Боровичах дивизия промаршировала в парадных колоннах перед праздничными трибунами этого небольшого, в то время почти целиком деревянного городка. Лужские окрестности многим тоже были знакомы: сюда предполагалось выезжать в летние лагеря.

С началом войны дивизию в считанные дни развернули по штатам военного времени, попол-

нив людьми и техникой, и спешно, эшелон за эшелон, стали отправлять в Лугу. 4 июля она получила приказ выдвинуться к Пскову. Как раз в это время, следуя директиве Генерального штаба, Военный совет Северного фронта для обороны лужской укрепленной позиции создал специальную оперативную группу во главе с генерал-лейтенантом К. П. Пядышевым. Награжденный еще в гражданскую двумя орденами Красного Знамени, он обладал большими знаниями, высокой культурой. Лужская оборонительная линия возводилась при его участии. А теперь, получив дополнительные полномочия, он сразу же, с 6 июля, остановил продвижение 177-й дивизии к Пскову и приказал ей закрепиться на рубежах, подготовленных ленинградцами и лужанами между Плюссой и Лугой. Это было разумное и своевременное решение: если бы дивизия встретилась с танками Геппнера на марше, она скорее всего была бы смята и отброшена от Киевского шоссе.

Командир 177-й дивизии полковник Андрей Федорович Машошин, зная, как неважно сложилась обстановка на Северо-Западном фронте, распорядился, чтобы один из его лучших полков, 483-й, с гаубичной и противотанковой батареями и частью 46-го понтонно-мостового батальона расположился в предполье у Плюссы и на промежуточном рубеже между станцией Серебрянка на железной дороге Псков — Ленинград и Городцом на Киевском шоссе. Таким образом, заслон на случай прорыва передовых разведывательных отрядов фашистов был поставлен еще тогда, когда они только-только вытеснили механизированный корпус Северо-Западного фронта из Острова.

На другой день, 7 июля, два других полка 177-й дивизии — 502-й и 486-й — к 10 часам утра вышли в район главной полосы обороны, прикрытой минными полями, надолбами, провололочными заграждениями. Эта полоса пересекала Киевское шоссе там, где сейчас поворот на совхоз «Скреблово», известный своими садами и ягодниками. Дорога туда идет прямо вдоль за-

росшего лесом, но все еще различного рва. В самый последний момент, в ночь на 9 июля, сюда подоспела переброшенная с Карельского перешейка 24-я танковая дивизия 10-го механизированного корпуса.

Машошин, начальник штаба Иван Семенович Павлов расположили свой штаб чуть южнее Луги, на Лангиной горе: там, как и до войны, теперь пионерский лагерь, даже сохранилась сосна с вбитыми в нее металлическими скобами, по ним взбирались тогда на вышку наблюдательного пункта. Машошин, однако, больше находился в частях. Старший унтер-офицер и полный георгиевский кавалер в империалистическую войну, кавалер двух орденов Красного Знамени в гражданскую, участник советско-финляндского вооруженного конфликта, Машошин обладал кипучей энергией и весьма взрывчатым темпераментом, который не раз приносил ему неприятности. Теперь он старался себя сдерживать, а храбрость, знание воинского дела, боевой опыт, природный ум за ним признавали и прежде.

Начальник штаба дивизии Иван Семенович Павлов внешне выглядел сурово, будто срублен из угловатого кряжа; на первый взгляд, больше всего ему подходило быть строевым командиром, но вместе с тем он обладал той педантичностью и скрупулезностью, которые так необходимы штабному офицеру. В роду Павлова четко прослеживалась склонность к военной службе: отец его в первую мировую войну заслужил два Георгиевских креста, в гражданскую стал красным командиром, сын Ивана Семеновича в наши дни дослужился до адмирала. Сам Павлов в армии с 1919 года, окончил академию, имел боевой опыт, командовал полком, прошел хорошую школу, работая в оперативном отделе штаба Ленинградского военного округа.

В состав 177-й дивизии входили два полнокровных артиллерийских полка — 706-й легкий и 710-й гаубичный, противотанковый и зенитный дивизионы. Неподалеку от Луги, кроме того, перед войной находились на лагерных сборах так и оставленные здесь полк, батарея и дивизион

трех ленинградских артиллерийских училищ и полк — Артиллерийских Краснознаменных курсов усовершенствования командного состава (АККУКС). Два с лишним десятка орудий вывели при отступлении дивизии Северо-Западного фронта. Всего под Лугой, по самым скромным подсчетам, набралось свыше 150 орудий и, что еще важнее, было много артиллеристов высокой квалификации, с большим опытом, в том числе преподаватели артиллерийских училищ. Окружающая местность для них на протяжении ряда лет служила учебным полем, они хорошо здесь ориентировались. Нашелся и человек, который значительную часть артиллерии — примерно 80—90 орудий среднего и крупного калибра — собрал в единый кулак, в особую группу, оперативно подчиненную командованию 177-й дивизии. Это был командир АККУКС — полковник Г. Ф. Одинцов, впоследствии командующий артиллерией Ленинградского фронта, а после войны маршал артиллерии.

В боевое соприкосновение с 41-м моторизованным корпусом генерала Рейнхарда 177-я дивизия вступила утром 10 июля. Счет времени сразу пошел не на сутки, а на часы и минуты. Этот и два последующих дня по существу и стали началом грандиозной битвы за Ленинград.

«Днем и ночью шли упорные, изматывающие бои. Населенные пункты и выгодные в огневом и тактическом отношении позиции по нескольку раз переходили из рук в руки.

Действия наших войск в предполье отнюдь не носили характера пассивной обороны. Сильными контратаками, поддержанными мощным артиллерийско-минометным огнем, наши батальоны выбили 15 июля гитлеровцев из предполья и вновь заняли рубеж по реке Плюсса...» — пишет в своих воспоминаниях генерал-майор П. С. Мазец, в то время командир легкого артиллерийского полка 177-й стрелковой дивизии.

В ночь с 12 на 13 июля генерал Рейнхард пришел к выводу, что напрямую по Киевскому шоссе сейчас не пройти, и принял решение предпринять обходный маневр. Сплошной обороны

на Луге силами Северного фронта создать все еще не удалось, не занятые войсками участки достигали 25—30 километров, к одному из них и устремились механизированные колонны гитлеровцев. Они двигались лесными дорогами, открыв люки, не встречая сопротивления. Дни стояли жаркие, солнечные.

К возможному вторжению врага в южных районах Ленинградской области, конечно, готовились, но никто не предполагал, что это произойдет так скоро. В глухих тихих деревушках появление фашистских машин было полной неожиданностью. Они воспринимались, как кошмарный сон, в реальность которого трудно поверить.

Проскрежетав гусеницами, опавнув избы и огороды бензиновым перегаром, танки шли дальше, не останавливаясь. Гитлеровцы понимали, что положение меняется каждый час, они торопились проскочить в не закрывшуюся пока что брешь, форсировать Лугу, вырваться на Таллинское шоссе, чтобы уже по нему не с юга, а с запада ринуться к Ленинграду. Таллин и вся Северная Эстония еще были в наших руках. 8-я армия вела бои на рубеже от Пярну до западного берега Чудского озера, так что удар с запада явился бы для ленинградцев полнейшей неожиданностью, а последствия его, в случае удачи фашистского маневра, — катастрофическими для нас.

Над Ленинградом нависла прямая угроза. 12 июля обком партии и облисполком направили секретарям райкомов и председателям райисполкомов телеграмму, обязывая их «поднять поголовно все население колхозов и других организаций на оборонительные сооружения в соответствии с указаниями военных представителей». Ленинград слал на лужский рубеж новые и новые тысячи строителей, рабочих, работниц, служащих, учащихся. По заданию городского комитета партии промышленность увеличивала выпуск противотанковых гранат, бутылок с горючей смесью, боеприпасов, в том числе стальных заготовок для 76-миллиметровых бронебойных

снарядов. Поскольку не исключалась возможность выброски в районе Ленинграда крупных вражеских десантов, ленинградцы готовились к борьбе с ними. Партийная организация выдвинула лозунг: «Превратим город Ленина в неприступную крепость!» 14 июля только что созданное главнокомандование северо-западного направления, которое возглавил маршал К. Е. Ворошилов, обратилось к войскам с такими словами:

— Товарищи красноармейцы, командиры и политработники! Над городом Ленина — колыбелью пролетарской революции — нависла прямая опасность вторжения врага...

Новое направление вражеского удара разведка Северного фронта обнаружила своевременно, наиболее точные и четкие данные о движении немецких танков и мотоколонн от Струг Красных и Плюсы на Ляды и дальше к реке Луге передала разведывательная группа В. Д. Лебедева, засланная в тыл врага. 13 июля, а по некоторым свидетельствам еще вечером 12-го, из Ленинграда спешно эшелон за эшелонем стали отправлять 2-ю дивизию народного ополчения, сформированную в Московском районе в значительной степени из рабочих завода «Электросила» и фабрики «Скороход». Ей и предстояло закрыть ту брешь, к которой устремлялись фашисты, двигавшиеся безостановочно: утром 14 июля они ворвались в районный центр Осьмино, где только что закончилось собрание актива. По сигналу тревоги около 100 бойцов истребительного батальона заняли оборону по берегу Сабы и какое-то время удерживали левобережную часть поселка. Завязалась рукопашная. Секретарь райкома партии Иван Григорьевич Калабанов, взявший на себя командование, застрелил фашистского офицера. Отряд держался стойко, но вражеские танки все же прорвались к мосту через Сабу и продолжали движение к реке Луге. В числе погибших в том бою были участники собрания актива — заместитель председателя облисполкома В. Е. Лебедев и работник сельхозотдела Ленинградского обкома партии А. П. Нем-

ков. Прикрывая отход своих товарищей, сложил голову и Иван Григорьевич Калабанов.

Силы были, конечно, несоизмеримыми, и все-таки осьминцы на какое-то время задержали гитлеровцев; в районе Сабска, где занимали позиции курсанты Краснознаменного пехотного училища имени С. М. Кирова, фашисты появились только к вечеру 14 июля.

На дороге к Ивановскому, расположенному в нескольких километрах от Луги, не было даже добровольческих формирований, а только небольшая охрана моста. Гитлеровцы послали вперед на машинах переодетых в красноармейскую форму солдат из диверсионного полка «Бранденбург». Они захватили мост, и вот уже его деревянный настил рвут траками танки передового отряда. Танков было только 20.

На колокольне Ивановской церкви располагался пост наблюдательно-оповестительной службы (три или пять красноармейцев). Судя по всему, они сумели передать сообщение о танковом прорыве, даже попытались оказать сопротивление. Так сегодня рассказывают об этом в Ивановском. На существовавшей там до войны бумажной фабрике в тот день спокойно работали, не подозревая об опасности; фашисты поняли это, заперли на всякий случай фабричные ворота и, не задерживаясь, погнали машины вперед. Плацдарм на правом берегу Луги они уже получили, но им хотелось большего — они рвались к станции Веймарн, к Таллинскому шоссе.

Полки и батареи 2-й дивизии народного ополчения в это время уже выгружались в Веймарне, а от Красного Села мчался танковый батальон бронетанковых курсов усовершенствования командного состава. Местом встречи устремлявшихся навстречу друг другу войск предстояло стать селу Среднему, примерно на полпути между Ивановским и Веймарном...

2-я дивизия народного ополчения грузилась на станции Витебская-товарная. По эшелонам передали, что путь будет недолгим — до Красного Села, где ополченцы продолжают занятия. Все считали, что в бой им не скоро; может, и дома успе-

ют побывать: от Красного Села до Ленинграда меньше часа езды на поезде. Только уже в пути, когда в вагоны потянуло свежим морским ветром (составы направили кружным путем — через Петергоф, Ораниенбаум, Котлы), ополченцы поняли, что везут их, скорее всего, прямо на фронт.

Утром 14 июля первый эшелон прибыл в Веймарн. Станцию еще не бомбили, выгрузка прошла без особых сложностей. Единственным событием, взбудоражившим всех, было появление низко летевшего небольшого самолета. Пока разобрались, что это наш разведчик, кто-то успел по нему выстрелить. С самолета сбросили вымпел с запиской, в которой сообщалось, что фашистские танки уже в Ивановском, то есть в 10—12 километрах от станции.

По дороге в Ивановское тотчас ушла группа разведчиков под командой бывшего матроса-балтийца, кронштадтского плотника Ф. П. Узелкова. В селе Среднем они столкнулись с фашистами, которых было больше, но Узелков четко организовал бой, сам уничтожил трех гитлеровцев. Оставшиеся в живых бежали из села. Теперь не оставалось сомнений, что уже сегодня или завтра придется принимать бой. Принять его предстояло людям, многие из которых десять дней назад впервые взяли в руки винтовки, а некоторые до сего дня не сделали ни одного выстрела. Рабочие, бригадиры, мастера, начальники участков, цехов, партийные, комсомольские, профсоюзные руководители из числа ленинградских энергомашиностроителей, обувщиков, работников мясокомбината, студенты. Навстречу им двигались уверенные в себе, вымуштрованные, обладающие опытом войны в Европе профессиональные грабители и убийцы...

Так случилось, что политрук одной из батарей артиллерийского полка дивизии Павел Данилович Бархатов, подвижный, рассудительный 34-летний мужчина, сразу после выгрузки остался за старшего. Перед уходом в ополчение Бархатов был начальником отдела кадров Московского райжилуправления. Смолоду он поработал кузнецом, мастером на Волховстрое и Свирьстрое,

потом инструктором райкома партии, окончил рабфак, комвуз, начал заниматься в Промакадемии — всего этого уже было достаточно для его возраста, но сам Бархатов, помимо всего прочего, считал себя еще и военным человеком. И не без оснований. Во время советско-финляндского конфликта он добровольцем пошел в армию, начал, как сейчас, политруком батареи, потом стал комиссаром дивизиона, оставался в армии до ноября 40-го года и немало преуспел в артиллерийском деле. Расчеты в их теперешней батарее были составлены по преимуществу из студентов авиационного (ныне авиаприборостроительного) института, не прошедших сколько-нибудь серьезной подготовки, но за те десять дней, что они провели вместе в районе мясокомбината, Бархатов успел научить их самому основному, потренировать и теперь в общем полагался на них. Жаль только, что перед самой погрузкой у них забрали гаубицы и теперь вся батарея состояла из двух 76-миллиметровых орудий, лишенных прицельных приспособлений — панорам.

— Плохо, конечно, но можно целить и через ствол,— утешал Бархатов ребят, тут же объясняя, как это делать.

Сейчас в Веймарне новоиспеченные артиллеристы не без тревоги наблюдали, как к станции (видимо, от Ивановского и Среднего) по одной и группами выбегают смертельно напуганные женщины, работавшие где-то у Луги на окопах:

— Фашисты там!

К Среднему уже уходили подразделения сформированного на «Электросиле» 1-го полка 2-й ДНО. Бархатов получил приказ поставить орудия на позиции сразу за станцией и собрался тут же его выполнить, но потом вдруг подумал о том, что заслон на дороге к Ивановскому пока еще слабый, а если фашисты сомнут и его батарею, они сразу ворвутся на станцию, откроют огонь по эшелонам, которые все прибывают... Представив, что может случиться, Бархатов решительно направился к командиру артиллерийского полка капитану Кочатурияну:

— Товарищ капитан! Считаю более целесооб-

разным не занимать позицию прямо у станции, а выдвинуться как можно дальше навстречу фашистским танкам.

— А если танки сомнут вас с ходу, в пути?

— Не сомнут. Успею развернуться.

— Воевали?

— Имею боевой опыт. Кроме того, в военных лагерях учился сопровождать пехоту огневым валом.

— Хорошо. Действуйте.

— Транспорт нужен.

— Берите любые машины.

Машины стояли неподалеку. Шоферы собрались в кружок.

— Мы выдвигаемся навстречу фашистам. Кто согласен ехать с нами, взяв на буксир пушки?

Отозвалось несколько человек:

— Поехали! Где твои пушки?

— Это опасно. Фашистские танки, по данным разведки, в нескольких километрах.

— Знаем, что на войне, а не в гостях у тещи.

Бархатов отобрал двоих. Скоро батарея уже катила по дороге, а он стоял на подножке передней машины, все время прикидывая, как вот здесь, а теперь здесь, а потом там развернуть орудия, если вдруг появятся танки. Навстречу им по булыжному шоссе шли и бежали женщины, работавшие на окопах. Увидев своих, они замедляли шаг или даже присаживались на обочину, считая, что теперь у них есть защита, вот она, родная Красная Армия, молодые, крепкие, веселые парни с большими, настоящими пушками.

Скоро показалось село Среднее. Не доезжая немного до крайних домов, Бархатов остановил машины и приказал студентам поставить пушки перед деревней — по обе стороны дороги. Гитлеровцам тут никак не обойти батарею: справа — лес, слева — болото. К тому же отсюда далеко вперед просматривается деревенская улица, а батарея останется для врага невидимой до тех пор, пока немецкие танки не пройдут через все село. Бархатов приказал вырыть окопчики. Работа закипела. Парни взялись за лопаты и только ночью, в полной темноте, закончили оборудо-

вать позицию. Позволив немного отдохнуть, Бархатов поднял их на рассвете, ему хотелось потренировать расчеты и показать им, как поражать танки бутылками с горючей смесью. Солнце уже поднялось над горизонтом, когда на дороге со стороны Веймарна показалась красноармейская колонна. Бархатов насторожился: фашисты горазды на провокации, вот и мост через Лугу взяли обманом. Но нет, шли свои, электросиловцы, кое-кого Бархатов знал лично. Новые роты электросиловского полка выдвигались за село Среднее, чтобы потом пойти дальше, выбить врага с правобережного плацдарма и, освободив Ивановское, отбросить его за Лугу. Следом за пехотой двигалась четырехорудийная батарея 122-миллиметровых гаубиц. Бархатов, окликнув ее командира, предупредил:

— Там, за деревней, открытое место, смять могут, располагайся рядом с нами, здесь мы надежно запрем дорогу на Веймарн.

Тот отмахнулся:

— И там не пропадем!

Часов в 7 утра вдруг появились низко летевшие фашистские самолеты: зацокали по булыжнику пули, полыхнули остропламенными костерками мелкие бомбы. Но все мимо, никого даже не поцарапало. И укрытия, конечно, помогли. Не пустым был ночной труд. Студенты, необычно возбужденные после только что пережитого, принялись маскировать орудия. Скоро где-то за деревней послышалась стрельба, грохнули взрывы, а через какое-то время появились бежавшие назад ополченцы:

— Танки!

Как быть?! Оставаться на месте и ждать, пока враг появится здесь?! А что, если паника охватит ушедшие вперед роты и фашистские танки ворвутся на батарею, преследуя отступающих «на плечах у них», как говорят военные? Еще не приняв окончательного решения, Бархатов вышел на дорогу и увидел, что его батареец Плоский (латыш лет шестидесяти с лишним, воегал еще в гражданскую) идет следом за ним, видно, угадав мысли политука.

— Первому орудию оставаться на месте. Второе орудие за мной!

Студенты рывком вытащили орудие на дорогу и покатали к деревне, а потом прямо по деревенской улице. Орудие бежало ходко, только чуть подрагивало на булыжниках. Бархатов и Плоский, стараясь оставаться предельно спокойными, шагали впереди, и ополченцы, попадавшие то и дело навстречу, при виде их поворачивали обратно.

— Вы вот что, братцы,— решил Бархатов, когда к ним примкнуло несколько человек.— Раз уж вас сюда занесло, бегите ко второму нашему орудю, оно за деревней, наберите снарядов и тащите их следом за нами. Получится, что вы выполняли специальное задание.

Подумав, повернулся к Плоскому:

— Иди с ними и сам. Похоже, что снарядов понадобится много.

Навстречу им прогрохотал трактор, тащивший подбитую гаубицу.

— Танкетки расстреляли батарею,— чуть не плача прокричал артиллерист Бархатову.— Видишь, люлька пробита...

По булыжному шоссе, по избам уже полосовали пулеметные очереди, но видно, что они были неприцельными. Орудия гитлеровцы не замечали, Бархатов их тоже пока не обнаружил, но они несомненно были поблизости, и он приказал студентам, хоть те и так уже обливались потом:

— Бегом, ребята!

Только за селом у тригонометрической вышки Бархатов наконец увидел немецкие танкетки: поливая деревню свинцом, они обходили ее полем, за огородами, оказавшись теперь в тылу у ополченцев. Орудие пришлось разворачивать назад и влево, а поскольку прицельного приспособления не было, Бархатов сам встал за наводчика, успев еще подумать, что ополченские роты все-таки остались на позиции и с фронта его орудия, слава богу, прикрыты.

Сейчас главное было для Бархатова привести себя в то состояние, которое было для него обыч-

ным на учебном полигоне, и оно пришло и помогло ему вернуть ясность, трезвый настрой ума. Заряжающим был Федор Богачев (после войны он вернулся в родной институт лейтенантом с орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, окончил аспирантуру и остался в институте преподавателем). Ориентировался Богачев в те минуты плохо, ему казалось, что все вокруг гремит и грохочет, но он все-таки увидел, что уже вторым выстрелом они сбили с танкетки гусеницу и она завертелась на месте, словно зверь, пронзенный нестерпимой болью. Бархатов снова и снова прикинул к стволу, и вот уже вторая танкетка застыла на месте, там же, за огородами, откуда по-воровски обстреливала деревню. Бархатов выпрямился, отирая со лба пот:

— Спасибо, ребята. Молодцы! Начинайте копать ровики и все прочее.

Ополченцы под командой Плоского между тем подносили и подносили снаряды, даже прикапали зарядный ящик. «Придется оставаться здесь, хоть и опасно, ничего не поделаешь, раз так получилось», — пришел к твердому выводу Бархатов. На опушке недалекого леса опять слышался шум моторов. Один за другим оттуда выползло шесть средних танков. Остановившись во ржи, они открыли частый огонь. Бархатов, метнувшись к орудию, уже наводил его на ближайший танк. Началась неравная артиллерийская дуэль. Немецкие снаряды рвались здесь и там, но Бархатов не слышал разрывов, он работал, и поглощенность делом не оставляла места никаким посторонним переживаниям.

Бархатову (он прошел всю войну и демобилизовался полковником) и сегодня неясно, почему вдруг немецкие танки словно застыли во ржи, подставляя себя под выстрелы. Можно предположить, что фашистов скорее всего подвела обычная для них в ту пору самонадеянность. Цели были легкими, словно неподвижные мишени на полигоне, пушка у Бархатова сравнительно мощная, намного мощнее обычных противотанковых пушек, фашистская броня пробивалась легко. Вот уже пламя лижет один танк, другой...

Какой-то из фашистских снарядов, ложившихся ближе и ближе, разбил ульи за изгородью крайнего дома, и злые, остервенелые пчелы набросились на Бархатова, жаля его в шею, в щеки, в губы. Бархатов плескал в лицо песком, давил пчел, тут же снова прикивая к стволу, в эти секунды ему уже ничего не оставалось, как только терпеть, потому что медлить с выстрелами было нельзя, и оружие посылало снаряд за снарядом с теми же точно размеренными промежутками между выстрелами... Наконец немецкие танки попытались, а потом и вовсе скрылись за деревьями. Тут же до артиллеристов донеслось не очень стройное, но напористое «Ура!». Ополченцы-электросиловики, ободренные зрелищем горящих немецких танков, контратаковали подступавшую к Среднему гитлеровскую пехоту.

Пчелы все еще роились над Бархатовым, лицо у него горело, словно обожженное, но он продолжал распоряжаться, принимая меры на случай, если танки появятся снова. От пчелиных укусов у Бархатова отекали лицо, шея, руки. Боли он уже не чувствовал. Сознание его вдруг померкло, оно словно выключилось, очнулся он спустя много часов...

Фашистские танки в тот день больше уже не атаковывали. Вражескую пехоту ополченцы тоже отбросили от Среднего, они попытались пройти и дальше, к Ивановскому, но гитлеровцев накопилось на плацдарме уже порядком, на наступающих обрушился артиллерийский, пулеметный, минометный огонь, и подоспевший к месту прорыва командующий Северным фронтом М. М. Попов приостановил атаку:

— Подождем, пока подойдут танки и побольше артиллерии.

Гитлеровское командование еще накануне, 14 июля, обнаружило, что части, которые выдвигаются навстречу им, к Ивановскому, выгружаются в Веймарне, и туда эскадрилья за эскадрильей устремлялись теперь бомбардировщики. Бомбы падали на путях, осколки прошивали вагоны, вспыхивали первые пожары. Появились и наши самолеты, небо становилось ареной сраже-

ния. Потери были серьезными, но выгрузка продолжалась. К месту фашистского прорыва, к Луге, уходили все новые и новые части. У села Среднего к электросиловцам присоединились часть бойцов и командиров 3-го истребительного полка особого назначения и полностью 4-й истребительный полк особого назначения. Их задачей было действовать за линией фронта, но М. М. Попов сейчас был рад, что они еще здесь, под рукой. Наконец появились и наши танки, слышался ровный, уверенный рокот наших бомбардировщиков, в районе Ивановского грохнули разрывы бомб, по плацдарму повела огонь артиллерия. Попов, расположившийся с сопровождавшими его командирами на небольшом, заросшем кустарником бугорке, откуда хорошо было видно Ивановское, приказал снова атаковать.

Взрели танковые моторы. Вслед за танками осторожно двинулись пехотные цепи. Ивановское пылало, но немецкую оборону разрушить не удалось, наступавших встретили пулеметы, артиллерия, минометы, а на одном из флангов поднялись в контратаку автоматчики. Кто-то в панике крикнул: «Окружают!» Часть бойцов повернула назад, и одна из таких групп вышла прямо к командному пункту Попова в то самое время, когда там появился неожиданно для всех Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов. Увидев бегущих бойцов, К. Е. Ворошилов резко приказал командиру ополченской дивизии:

— Немедленно остановите!

Когда бойцы построились, виновато потупив головы, Ворошилов сам вышел к строю. Никто, конечно, не записывал его речи, но последние слова запомнились:

— Вы ведь добровольцы, Красная гвардия, и воевать должны бесстрашно, как красногвардейцы...

Во второй половине дня электросиловцы, к которым непрерывно поступало подкрепление, снова и снова штурмовали Ивановский плацдарм, но всякий раз наталкивались на возраставшую по плотности завесу вражеского огня. В передовых

цепях были все политрабтники полка; погибли его комиссар А. С. Константинов, парторг полка, бывший культпроп на «Электросиле» Владимир Наумов, комсорг полка, недавний инструктор райкома комсомола Михаил Косорымов. Кое-где ополченцы вышли к Луге, даже неподалеку от Ивановского, но само село ни тогда, ни после так и не взяли: фашисты не жалели никаких сил, чтобы удержать плацдарм.

В район Большого Сабска гитлеровцы, задержанные, как уже говорилось, осьминским истребительным отрядом, вышли только к вечеру 14 июля, тоже форсировали Лугу, но были немедленно отброшены обратно занимавшим там оборону Краснознаменным пехотным училищем имени С. М. Кирова. Наутро 15 июля оккупантам все же удалось потеснить курсантов, захватить еще один плацдарм на правом берегу Луги, но дальше они не продвинулись.

Как раз в эти дни (если быть точным, 14 июля) четыре дивизии Северо-Западного фронта, в том числе одна танковая по указанию К. Е. Ворошилова нанесли удар на Сольцы по флангам и тылам 56-го механизированного корпуса 4-й танковой группы, рвавшегося к Новгороду. Гитлеровцы панически бежали, откатившись километров на 40, их 8-я танковая дивизия попала в окружение и вырвалась из него обескровленной. Это ослабило всю 4-ю танковую группу, но командир 41-го механизированного корпуса генерал Рейнхард все-таки нашел силы, чтобы 17 июля еще раз попытаться прорвать лужскую линию обороны в районе Сабска. На курсантов училища имени Кирова шла теперь чуть ли не целая танковая дивизия, бой полыхал около 15 часов, училище потеряло сотни своих курсантов, преподавателей, но будущие командиры не отступили.

Фашисты были остановлены по всей лужской линии обороны. Попытка гитлеровцев с ходу овладеть Ленинградом провалилась. В условиях первого месяца войны это имело исключительно важное значение для хода борьбы на всем советско-германском фронте. Тем более что групп-

пы армий «Центр» и «Юг» также не вышли к назначенным рубежам в установленные сроки. В план «Барбаросса» командованию вермахта приходилось вносить теперь крупные поправки.

Спустя годы, оценивая события тех дней, на торжественном заседании, посвященном вручению городу Луге ордена Отечественной войны I степени, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романов говорил:

«По зову партии, по велению сердца десятки тысяч добровольцев, ополченцев-ленинградцев и тружеников вашего города днем и ночью, под жестокими бомбежками и артобстрелом врага строили оборонительные сооружения, создавали легендарный лужский рубеж, протяженность которого составляла 250 километров.

Мне, как участнику войны, одному из тех, кто был на лужском рубеже, памятно то суровое, наполненное массовым героизмом советских людей время. Мы будем помнить о нем всегда. Мы будем помнить о бесстрашных бойцах и командирах, комиссарах и политруках, коммунистах и комсомольцах, которые первыми поднимались в атаку, шли на смерть во имя жизни».

Огненные километры

Некоторое затишье на фронтах, с разных сторон подступавших к Ленинграду, было, конечно, относительным и коротким. Стотысячная финская армия продвигалась одновременно в трех направлениях — к Петрозаводску, Сортавалле и Олонцу. В Прибалтике фашисты расчленили надвое 8-ю армию и 7 августа вышли у Кунды на побережье Финского залива, лишив Таллин, где располагалась главная база Балтийского флота, сухопутной связи со страной. Одновременно предпринимались попытки оттеснить наши войска от города Луги, чтобы и там, а не только под Кингисеппом получить плацдармы на правом берегу реки Луги. Попытки эти стоили фашистам больших потерь, но им не удавалось пробиться даже к главному рубежу обороны, пересекавшему шоссе Псков — Луга: 177-я дивизия, прикнущие к ней части и артиллерия продолжали изматывать фашистов в предполье, которое по-прежнему было занято не основными силами, а передовыми подразделениями и где не было сколько-нибудь солидных укреплений.

Да, бои не утихали, но это все же была передышка, и Ленинград стремился использовать ее. Днем 24 июля в Смольном, в его историческом Актовом зале, был созван актив — около 700 партийных, советских работников, руководителей предприятий и учреждений, представители командования Северного фронта. Перед собравшимися в числе других выступили А. А. Жданов, К. Е. Ворошилов, А. А. Кузнецов. Речь шла о необходимости все подчинить обороне города.

— Необходимо установить твердый революционный порядок, всемерно укреплять подступы

к Ленинграду и сам город,— подчеркивал А. А. Жданов.

На прошедших вслед за тем в районах, на предприятиях и в учреждениях собраниях партийного актива, совещаниях коммунистов и комсомольцев, митингах ленинградцы клялись до последней капли крови защищать родной город, город Ленина, город Октябрьской революции. Еще 23 июля непосредственное руководство строительством оборонительных укреплений на лужском рубеже было передано специальной тройке, в состав которой вошел А. А. Кузнецов. Он же возглавил образованную 24 июля при горкоме и обкоме партии, областном и городском Советах депутатов трудящихся комиссию по оборонительным работам. Меры принимались самые крутые. Трудовую повинность, в частности, распространили на юношей уже не с 16-ти, а с 15-ти лет. За определенными участками лужского рубежа были закреплены постоянные представители райкомов партии,— как правило, первые или вторые секретари, с 28 июля начала выходить «Ленинградская правда» на оборонной стройке». Число работавших, как тогда говорили, на окопах, в июле и августе удалось довести до 500 тысяч человек.

Оборонительные работы велись с таким размахом и такими темпами, которые совсем недавно показались бы невозможными даже тем, кто участвовал в стройках первых пятилеток. Это было в немалой степени результатом личных усилий, организаторского таланта второго секретаря Ленинградского горкома партии Алексея Александровича Кузнецова. Его хорошо знали и в городе, и в области. Родом из Боровичей, сын рабочего, свою трудовую деятельность он начинал секретарем волостного, а потом Лужского окружного комитетов комсомола, затем избирался секретарем Смольнинского и Дзержинского райкомов партии в Ленинграде, секретарем обкома партии.

С густой шевелюрой, высокий, худощавый, подтянутый, даже, пожалуй, аскетического склада, внешне хмуроватый, с резкой складкой между темными бровями, он поначалу многих насто-

раживал прямою, а подчас и резкостью, непримиримостью в суждениях и оценках. Шло это от нравственной силы, убежденности, бескорыстия, внутренней честности, и это понимал каждый. Потом, когда в повседневном общении он раскрывался еще и как добрый товарищ, далекий от злопамятности, внимательный к окружающим его людям, охотник до веселой шутки, острого словца, уважение к нему обычно перерастало в глубокую симпатию. Памятью он обладал незаурядной, работоспособностью предельной, умел каждого выслушать, был точен, обязательен, помнил и выполнял свои обещания и при всем том отличался завидной энергией, умной, деловой предприимчивостью в самом хорошем смысле этого слова.

По данным на 20 июля, в городе еще оставалось в резерве около 34 тысяч добровольцев, и 25 июля городской комитет партии принял решение создать еще четыре дивизии народного ополчения, названные, по предложению А. А. Жданова и К. Е. Ворошилова, гвардейскими. Название призвано было показать ту меру ответственности, которая ложится на добровольцев. Фактически к комплектованию новых добровольческих подразделений приступили еще 18 июля. 1-я гвардейская дивизия народного ополчения формировалась по преимуществу в Невском и Куйбышевском районах, 2-я — в Свердловском (часть нынешнего Василеостровского), 3-я — в Петроградском, 4-я — в Выборгском районах. В каждую из них входили и подразделения из других районов. Оружия для ополченцев не хватало, горкому партии пришлось даже принять специальное постановление «О приспособлении учебных винтовок и пулеметов в боевое оружие».

Еще в начале июля по решению Государственного Комитета Обороны в Свердловск отправили пять тысяч рабочих, техников, инженеров Кировского завода. В короткий срок там было организовано производство танковых моторов. С 13 июля началась эвакуация Невского машиностроительного завода имени В. И. Ленина, за-

вода подъемно-транспортного оборудования имени С. М. Кирова, «Русского дизеля», «Экономайзера», затем Ижорского завода, Металлического, «Светланы», «Электросилы» и многих других. До октября 1941 года из Ленинграда вывезли около 90 предприятий. Выезжали также театры, музеи, научно-исследовательские, проектные организации. Население расставалось с родным городом неохотно, люди не допускали мысли, что гитлеровцы могут подойти к самому Ленинграду, тем не менее до того, как фашисты замкнули кольцо, из города выехало свыше 630 тысяч человек.

В Ленинград практически перестали поступать заготовки, полуфабрикаты и аппаратура из южных городов страны, с заводов увозили самое ценное оборудование, уходили самые квалифицированные специалисты. 29 июля бюро горкома партии приняло специальное постановление об обеспечении заводов и фабрик сырьем и материалами, коллективы должны были максимально использовать местные ресурсы и возможности. На опустевшие рабочие места партийные организации привлекали пенсионеров, студентов, подростков, недавних домохозяек. Так, партийная организация фабрики «Скороход» направила своих агитаторов к родственникам рабочих, ушедших на фронт. В июле на предприятие ежедневно принимали по 40—50 женщин и подростков. Так было всюду. Едва ли не впервые в истории промышленности женщины в массовом порядке обучались профессиям кузнеца, литейщика, газорезчика, кочегара, токаря, электромонтера. Наперекор всему ленинградская промышленность находила способы давать фронту новую и новую военную продукцию. На Металлическом заводе, главной продукцией которого вскоре стали узлы для танков, котлы для походных кухонь и различное военное снаряжение, разыскали и установили на фундаменты около 500 станков. Заводы «Электросила», «Электроаппарат», «Буревестник» наладили выпуск мин и минометов разных калибров, сталепрокатный и проволочно-канатный заводы — крепежа для

танков, лент для автоматов, гранат, патронов и т. д.

Тысячи рабочих, инженеров, техников Кировского завода выехали в Свердловск, где создавался завод танковых моторов, и в Челябинск, где выросал прославившийся впоследствии «Танкоград». Туда же вывозили оборудование. И все-таки в Ленинграде продолжали собирать тяжелые боевые машины, опираясь на помощь других предприятий: многие узлы и детали теперь поступали на Кировский завод в порядке кооперации с Ижорского, Металлического заводов, с «Русского дизеля». Стремясь предельно использовать собственные возможности, партийная организация кировцев выдвинула лозунг: «Каждый коммунист и комсомолец должен работать за двоих, за троих, чтобы заменить товарищей, ушедших на фронт». По августовскому плану завод должен был дать 180 тяжелых танков. Дал 207. Сверхплановые машины ГКО разрешил передать защитникам Ленинграда. В середине сентября правительство наградило орденами и медалями 186 кировцев-танкостроителей. Конструктору Ж. Я. Котину было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

12 июля ГКО дал Кировскому заводу еще одно чрезвычайно ответственное задание: возобновить производство 76-миллиметровых орудий, крайне необходимых фронту. Чертежи, техническая документация нашлись в архиве, сразу же было создано специальное «Бюро К», взявшее на себя руководство изготовлением пушек. К числу едва ли не самых ответственных деталей 76-миллиметрового орудия относится противооткатное устройство — салазки: в них нужно просверлить и расточить 4 отверстия длиной 1200 миллиметров. На салазочный участок в 3—4 дня перебрали из других цехов около 600 слесарей и учеников ремесленного училища: под началом опытных пушкарей они взялись за ремонт станков, за изготовление недостающей оснастки. Салазочный участок набирал мощность так быстро, что скоро ему уже не хватало штампованных заготовок. Тогда часть их решили отливать, литейщики

сумели за несколько суток наладить выпуск незнакомых им прежде деталей.

Всего, что требовалось для изготовления орудия, завод сделать уже не мог, и его снова выручила широкая кооперация: городской комитет партии подключил к исполнению срочного заказа еще 88 предприятий. Первые 133 орудия отгрузили уже в июле.

Так же действовал городской комитет партии теперь и в других случаях. В изготовлении мин принимали участие 16 предприятий, минометов — 15, реактивных снарядов — 14. Еще в середине июля в Ленинграде был только один завод, выпускавший боеприпасы; сырьем он пользовался привозным. В самое короткое время те же задачи взяли на себя еще 10 предприятий, в том числе фабрика искусственного волокна, Невский мыловаренный завод, химико-технологический, Горный и Всесоюзный алюминиево-магниевый институты. 14 предприятий и организаций стали выпускать взрывчатку. Сырья им недоставало. Тогда профессор Горного института А. Н. Кузнецов предложил рецептуру новой взрывчатой смеси — синала, и Невский суперфосфатный завод освоил ее производство. Впоследствии А. Н. Кузнецову и его помощникам за их изобретение была присуждена Государственная премия.

Легкая, пищевая промышленность, промкомбинаты, артели — все работало для фронта, изыскивались подчас самые неожиданные возможности. Ликеро-водочный завод в Смольнинском районе и пивоваренные заводы отправляли на фронт бутылки с зажигательной смесью для борьбы с танками, декоративные мастерские Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова — бутафорские пушки, танки и самолеты, применявшиеся для обмана противника; 4-я парфюмерная фабрика — маскировочные корпуса для мин в виде обломков кирпича, кусков каменного угля или обычной гальки. Разного рода рационализаторских предложений поступало так много, что для рассмотрения их городской комитет партии образовал специальную

комиссию во главе с академиком Н. Н. Семеновым.

Всего с конца июня по 10 октября 1941 года Ленинград дал фронту 335 тяжелых танков КВ, свыше 1600 орудий, свыше 6300 минометов, без малого 500 бронемашин, 1 миллион 350 тысяч артиллерийских снарядов и мин.

21 июля Гитлер, выехавший в штаб группы армий «Север», провел там совещание. Встревоженный явно затянувшейся оперативной паузой, он кричал:

— Я требую скорейшего взятия Ленинграда. Мы должны разрядить обстановку у Финского залива.

31 июля, как хотелось того Гитлеру, в наступление смог перейти только 2-й армейский корпус юго-восточной армии финнов, он с первого дня стал теснить наши части, пробиваясь к северо-западному побережью Ладоги. К удару между Нарвой и Ильменем фашисты подготовились только к 8—10 августа. Под Кингисеппом в районе Ивановского и Большого Сабска они обеспечили себе пятнадцатикратное превосходство в танках, полуторное — в артиллерии и полностью господствовали в воздухе. Утром 8 августа на позиции 2-й дивизии народного ополчения, 90-й стрелковой дивизии, Ленинградского Краснознаменного пехотного училища имени С. М. Кирова и некоторых других оборонявшихся там подразделений обрушился артиллерийский огонь такой плотности, что разрывы сливались в сплошной гул и грохот. Враг ломился вперед, не считаясь с потерями, но нигде не мог опрокинуть противостоящие ему части. Вновь, как уже было в июле, одним из объектов противоборства стало село Среднее, несколько раз оно переходило из рук в руки, ополченцы отразили здесь 16 атак.

11 августа 4-й армейский корпус финнов атаковал наши позиции на Выборгском направлении, на Карельском перешейке бои теперь развернулись от Ладоги до Финского залива. Между Онегой и Ладогой маннергеймовцы рвались к Свири в надежде сомкнуться там со своими союзниками, опоясав Ленинград еще одним, дальним

кольцом. 10 августа гитлеровцы перешли в наступление на Лугу и Новгород. Враг устремился к Ленинграду с пяти разных направлений. На фронте в сотни километров все пришло в движение: яростная перестрелка и грохот разрывов сливались с гроыханием танков и рокотом авиационных моторов.

Больше всего фашистскому командованию хотелось бы прорваться к Ленинграду от Пскова и Плюссы, через Лугу и Гатчину по Киевскому шоссе. В районе Новой и Старой Середки фашисты даже предприняли некое подобие психической атаки. Со знаменем, рукава засучены, автоматы, прижатые к животам, заходятся в злобом перестуке. 11 цепей шли друг за другом. Георгий Федотович Одинцов, другие артиллерийские командиры позволили фашистам приблизиться максимально близко. Огонь открыли пять полноценных дивизионов. В один момент все у фашистов расстроилось, они побежали, ссыпаясь в оказавшийся поблизости противотанковый ров, заминированный нами. В какие-нибудь полчаса два эсэсовских полка были сметены с лица земли. 177-я дивизия и взаимодействовавшие с нею части, прежде всего артиллерийские, по-прежнему наглухо закрывали Киевское шоссе.

Иначе было на флангах лужской линии обороны. 12 августа в районе Ивановского и Сабска фашисты с утра выдвинули из резерва 8-ю танковую дивизию, 13 августа захватили станцию Молосковицы на железной дороге Кингисепп — Волосово — Гатчина — Ленинград, оставили позади труднопроходимые прилужские лесные массивы, вырвались на Копорское плато и нацелились на Ленинград с юго-запада.

В тот же день, 12 августа, фашисты сломили оборонительные порядки ослабленной 48-й армии в районе Шимска. Наши части отошли к северу, дорога на Новгород была открыта, и вражеские танки загрохотали по шоссе на Новгород вдоль северо-западного побережья озера Ильмень. Утром, в те часы, когда 48-я армия еще удерживала свои позиции у Шимска, Северо-Западный фронт нанес контрудар под Старой Рус-

сой к югу от Ильменя. Нашим частям удалось сразу добиться успеха, они устремились к Ильменю, к Шимску, угрожая тылам двигавшихся к Новгороду гитлеровских войск.

В штабах по обе стороны фронта наступило время бессонных ночей: обстановка складывалась крайне противоречивая. Выбравшись из прилужских лесов на распаханное в большей своей части Копорское плато, гитлеровские танкисты ликовали только в самые первые часы. Триумфального марша не получилось, советские войска упорно, с ожесточением отстаивали каждую деревеньку. До 10 июля фашисты проходили по 26 километров в сутки, во второй и третьей декаде июля — уже только по пять, в августе — всего по два.

Дорога к Ленинграду для гитлеровцев все больше превращалась в дорогу смерти, так говорили об этом они сами; немецкие кладбища с рядами крестов одно за другим возникали в эти дни в оккупированных городках и селах.

Ценой огромных потерь фашисты подступили к внешнему оборонительному обводу Красногвардейского укрепленного района, но прорвать его нигде не смогли. Попытка обойти укрепрайон с юго-востока тоже не удалась. Тем временем, чтобы ослабить натиск врага на ближайших подступах к Ленинграду, командующий Северным фронтом М. М. Попов приказал частям 8-й армии, отступившим из Прибалтики по суше, отбить Кингисепп, захваченный фашистами еще 16 августа. 20 августа 11-я дивизия штурмом вернула город, но очень скоро его все-таки пришлось отдать, хотя вокруг него еще держались гарнизоны 80 пулеметных дотов и дзотов Кингисеппского укрепрайона. Фашисты блокировали их, бросили против них авиацию и огнемётные танки. Огненные струи прожигали амбразурные заслонки, от стен откалывались куски бетона, люди глохли у броневых дверей, за которыми рвались связки гранат. Но не сдавались. В ходе последующих боев советские войска, не потеряв управления, организованно отступили к Ораниенбауму, который служит своеобразным предполь-

ем Кронштадта, и к 7 сентября окончательно остановили фашистов километрах в 30—40 от города. Линия фронта во многом определилась здесь дальностью стрельбы корабельных орудий и береговых батарей кронштадтских фортов. Невиданные, необычные для сухопутных войск разрывы гигантских снарядов приводили фашистов в ужас.

Чуть раньше, 29 августа, в Кронштадт прибыли конвой и отряды боевых кораблей Балтфлота с защитниками Таллина на борту. Они удерживали эстонскую столицу и 28-го оставили ее только с разрешения главнокомандования северо-западного направления. Берлинское радио снова поторопилось, расхваставшись, что «Балтийский флот окружен» и будто «ни один корабль не вырвется из таллинской гавани». Да, переход из Таллина был сложным, потери большими, но почти 90 процентов боевых кораблей и 18 тысяч бойцов преодолели вражеские заслоны и сразу же влились в ряды войск, оборонявших Ленинград и будущий ораниенбаумский плацдарм.

В столь же сложный переплет попали части, преградившие прямую дорогу на Ленинград с юга, по Киевскому шоссе. Лугу они оставили только 24 августа. Приказ идти на прорыв к Ленинграду поступил, к сожалению, слишком поздно: фашисты сконцентрировали на путях отхода защитников Луги две пехотные и танковую дивизии. Лужской оперативной группе, переименованной в последние дни в южную, в поисках брешей в кольце окружения пришлось разделиться на несколько отрядов. В конце концов почти все руководители героической 45-дневной лужской обороны — командир 177-й дивизии А. Ф. Машошин, начальник штаба И. С. Павлов, командир АККУКС Г. Ф. Одинцов, заместитель командира 24-й танковой дивизии А. Г. Родин — вышли из окружения. Большие группы бойцов и командиров появились в разных местах и в разное время.

Пока внимание теперь уже не Северного, а Ленинградского (с 27 августа) фронта было при-

ковано к Красногвардейскому укрепрайону, к Гатчине, неожиданно для многих главная угроза переместилась на юго-восток, в район шоссе Москва — Ленинград, то есть в те места, откуда фашистов не ожидали. Первые три дня контрудар 34-й и 11-й армий Северо-Западного фронта под Старой Руссой, о котором уже говорилось выше, развивался успешно. К вечеру 14 августа советские войска отбросили оккупантов на 40—60 километров, достигли железной дороги Дно — Старая Русса, подступили к Старой Руссе, угрожая засевшим там немецким войскам и, что особенно важно, тылам двигавшихся к Новгороду фашистов. Группа армий «Север» резервов не имела. В замешательстве были и высшие круги вермахта. Генерал Йодль осмелился предстать перед Гитлером:

— Мой фюрер! Мы можем потерять все. Для спасения положения необходим танковый корпус.

Гитлеровскому командованию пришлось спешно перенацеливать 8-й авиационный корпус, перебрасывать к Старой Руссе две моторизованные дивизии из-под Новгорода и Луги и 39-й моторизованный корпус (танковую и две моторизованные дивизии) из-под Смоленска.

Уверившись, что с контрударом у Старой Руссы они справятся, фашисты продолжали движение к Новгороду. 15 августа захватили его правобережную часть, 20 августа ворвались в Чудово и перерезали железную и шоссейную дороги Москва — Ленинград. К 25 августа они полностью восстановили свой фронт под Старой Руссой, отеснив наши части за реку Ловать. 39-й моторизованный корпус был направлен через Новгород к Чудово: ему поставили задачу соединиться у Ладожского озера с финскими войсками. Два армейских корпуса врага шли теперь прямо на Ленинград с юго-востока. По шоссе Москва — Ленинград.

20 августа в Смольном снова состоялось собрание партийного актива. Многие пришли на него с личным оружием, в том числе все работники обкома и горкома партии. Осунувшиеся, до

предела уставшие, с покрасневшими от бессонницы глазами.

Главной мыслью в выступлении А. А. Жданова было:

— Наступил момент, когда все большевистские качества должны быть приведены в действие... Вопрос стоит о жизни и смерти...

Неотложные задачи партийной организации определялись теперь принятым в тот же день постановлением бюро городского комитета партии и исполкома Ленинградского Совета «Об организации обороны города Ленинграда». На случай прорыва противника горком предложил сформировать на основе территориально-производственного принципа 150 отрядов народного ополчения по 600 человек в каждом.

21 августа Военный совет северо-западного направления, Ленинградский городской комитет партии, исполком Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся обратились к населению и защитникам города с воззванием:

«Над нашим родным и любимым городом нависла непосредственная угроза нападения фашистских войск. Враг пытается проникнуть к Ленинграду... Встанем как один на защиту своего города, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы! Выполним наш священный долг советских патриотов!.. Смерть кровавым немецким фашистским разбойникам! Победа будет за нами!»

Воззвание распространялось в листовках, оно было опубликовано в газетах, передавалось по радио, зачитывалось на собраниях и митингах, где присутствовало около миллиона человек. Общее настроение четко сформулировали в своей резолюции рабочие, инженеры, техники Кировского завода:

— Мы все готовы дать вооруженный отпор заклятому врагу!

Боль, тревога за Ленинград поселились в эти дни в сердцах всех советских людей. На митингах, состоявшихся в разных концах страны, их участники, принимая на себя новые, более высокие обязательства, заявляли о своей готовности

помочь Ленинграду всем, что только в их силах и возможностях. В Ленинград нескончаемым потоком шли письма, приветствия, телеграммы, обращения. «С вами мы, москвичи, и весь советский народ», — писали рабочие столицы. Колхозники из сельхозартели «Пролетарская победа» Топкинского района Новосибирской области общали в Ленинград: «Мы уже внесли в фонд обороны 20 тысяч рублей наличными, 10 центнеров мяса и 1,5 центнера шерсти. Сейчас мы дополнительно даем в фонд обороны и рабочим Ленинграда из только что снятого нами урожая 12 тысяч пудов хлеба сверх плана хлебопоставок и 200 центнеров молока. Наш план озимого сева — 300 гектаров. Мы засеваем сверх плана в фонд обороны 150 гектаров. Мы даем 20 лучших коней из нашей племенной фермы защитникам Ленинграда».

В Ленинград прибыла комиссия ЦК партии и ГКО, в ее составе были уполномоченный ГКО, заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров А. Н. Косыгин, начальник артиллерии Красной Армии генерал Н. Н. Воронов, командующий Военно-Воздушными силами генерал П. Ф. Жигарев, нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов и другие. В Ленинграде комиссия сразу подключилась к решению всех важнейших вопросов обороны города. На восточном берегу Волхова разворачивались две новые армии — 52-я и 54-я. В экстренном порядке делалось все возможное для усиления Слуцко-Колпинского укрепрайона (Слуцку ныне возвращено его старое название — Павловск). Верховное Главнокомандование передало фронту четырехдневную продукцию ленинградских танковых цехов и предприятий, распорядилось послать в Ленинград 4 авиационных полка и еще 10 маршевых батальонов в дополнение к 60 батальонам, уже направленным сюда после 15 августа. Непосредственно к Колпину передислоцировались 4-я дивизия народного ополчения и 168-я стрелковая дивизия полковника А. Л. Бондарева, прославившаяся умелыми действиями на Карельском перешейке (ее только что вызволили из окружения

корабли Ладужской военной флотилии). Туда же успели стянуть свыше 440 орудий, в том числе 300 были выставлены на прямую наводку. Войска, предназначенные для обороны Ленинграда с юго-востока, в частности Московского шоссе, Военный совет фронта объединил в 55-ю армию, ее командующим назначили генерал-майора Ивана Гавриловича Лазарева.

В Колпине уже слышалась артиллерийская канонада, ветер доносил сюда запах гари, с наблюдательных пунктов были видны пожары в Красном Бору. 28 августа военное командование приказало местным ополченцам занять позиции километрах в четырех от родного Ижорского завода, на южной окраине одного из поселков колхоза имени Тельмана. Выступили два рабочих отряда, во главе одного из них встал председатель Колпинского райисполкома Александр Васильевич Анисимов (он погиб в самом конце войны), во главе другого — Георгий Вениаминович Водопьянов (после войны ему посчастливилось еще около 30 лет руководить цехом на Ижорском заводе). Тогда, в 41-м, в назначенное место они пришли ночью. Поселок был обжитый, капитально отстроенный, дома добротные, словно зеленой шапкой накрывали их точенолистые дубы и разросшиеся тополя. Сейчас вокруг ни души, двери распахнуты, ветер играет ими. Броневики укрылись во дворах. Здесь же расположили и орудия. Рабочие в ватниках, куртках, в старых, для рыбалки сберегавшихся пальто легли цепью на выходе из поселка, прижавшись к теплой земле, вдыхая запахи отцветающих трав и хлеба: слева тянулось поле, частично уже скошенное, снопы стояли в суслонах.

Водопьянов, высокий, сухой, поджарый («Тогда во мне весу было 67 килограммов, а росту 185 сантиметров, — вспоминал он при нашей встрече. — Как арабская лошадь»), расположился в крайнем доме, распахнул окно. Впереди была Ям-Ижора, деревня на шоссе Москва — Ленинград, бинокль придвинул к нему знакомые дома, приходилось там бывать, и Водопьянов увидел движущихся мотоциклистов, темные си-

луэты вражеских машин. Вшестером тут же отправились на разведку к Ям-Ижоре. Дошли до окраины, до кладбища, когда от реки по ним открыли огонь. Убило Матвеева, одного из трех братьев, вступивших в ополчение. Тогда многие вступали в ополчение семьями: отец и сын Александровы, братья Рыбаковы, отец и сын Крутошинские... Разведчики осторожно отползли, и сразу по возвращении Водопьянов велел броневикам открыть огонь по Ям-Ижоре.

Гитлеровцы отвечали в ту ночь неохотно. Рванув они попытались взять утром, но обрушились не на боевые позиции, а на завод. Они уже поняли, что перед ними не регулярная воинская часть, а рабочие, им хотелось сломить их волю, упорство.

На Ижоре еще привычно гудели мартены и утренняя смена готовилась сменить ночную, когда по металлическим листам, устилавшим пол в мартеновском цехе, загрохотали осколки. Опустился на пол, раненный в живот, начальник цеха коммунист А. И. Шмаков; его даже не успели довести до поликлиники. Снаряды рвались по всей огромной территории, стреляла полевая артиллерия, многие решили, что фашисты рядом. Рабочие, вооружаясь чем придется, выбегали из цехов, некоторые тут же падали, обливаясь кровью. Вот тогда неожиданно для всех заговорило заводское радио, у микрофона был коммунист, хорошо всем известный Василий Николаевич Носков:

— Товарищи! Красная Армия и наш ижорский рабочий батальон не пустят врага в город. Все — в укрытия! Помогите раненым...

Итоги этого дня подвел сохранившийся до наших дней журнал МПВО:

«7 час. 51 мин.— 18 час. 32 мин. Убитых 4 человека, тяжелораненых 13 человек, легкораненых 25 человек. Повреждения в цехах № 9, 11, 12, 15, 16, 23, 24, 28, 38, на ЦЭС разрушен пульт, пробито два однофазных трансформатора. На железнодорожном транспорте повреждена линия главной железной дороги. В водном транспорте

разбито два катера («Ижорец», № 1 и № 2), пробиты баржи № 8 и № 10».

Снаряды пролетали и над позициями батальона, бойцы увидели позади себя, в Колпине, зарево, к Водопьянову шли люди:

— Мы не имеем права отсиживаться. Мы должны атаковать.

Водопьянов (единственный во всем батальоне одетый в военную форму) мрачнел:

— Кто позволил вам оставить позиции? Не забывайте, что вы в армии.

Смягчившись, разъяснял:

— За нами нет воинских частей. Атаковать безрассудно.

Но попытка атаки все же была предпринята в ночь на 4 сентября, после того как батальон укрепился и установил связь с соседями — воинскими частями, одна из которых справа оседлала шоссе Москва — Ленинград, другая, слева, удерживала железную дорогу Москва — Ленинград. Водопьянов решил на разведку боем. С собой взял несколько десятков человек, легкий танк, две бронемашины. Выступили в 4 часа ночи, разбившись на две группы. Их встретила черная августовская темнота, выбеленная предутренним слоистым туманом. Пройти удалось только метров 400: навстречу хлестанули автоматные очереди. Одна из групп так и застряла там. Водопьянов поднял шедших за ним в атаку:

— Вперед!

Для ижорцев все только начиналось, им предстояло отразить десятки яростных атак, навечно себя прославить, но в первые дни главная гроза прошла мимо. Фашисты еще надеялись ворваться в город напрямую по Московскому шоссе; остановила их 168-я бондаревская дивизия и не просто остановила, а погнала назад, вышвырнув из Поги, Куньголово, Красного Бора, из Поповки. Гитлеровцев это не образумило. Вплоть до 9 сентября они таранили главную полосу Слуцко-Колпинского укрепрайона, но безрезультатно. Только что скомплектованная 55-я армия сразу заявила о себе как о стойком, жизнеспособном соединении.

Мгу, станцию, у которой сходились две последние железные дороги, связывавшие Ленинград со страной, прикрыть в тот день, 29 августа, не успели, и фашисты уже вошли туда, но сразу же были отогнаны частями, наспех собранными командующим фронтом. Отогнаны ненадолго. 30 августа, как уже говорилось, они все-таки захватили Мгу, а 8 сентября их танки уже грохотали по улицам Шлиссельбурга.

На суше кольцо вокруг Ленинграда замкнулось.

На Карельском перешейке наши части к 1 сентября были отведены на линию государственной границы 1939 года, находившуюся, как известно, в непосредственной близости к Ленинграду, в частности сразу за Сестрорецком по реке Сестре. Союзников по разбойничьему фашистскому блоку разделяли теперь считанные десятки километров. В ночь на 9 сентября гитлеровцы попытались переправиться на правый берег, но его уже было кому защищать: вниз по Неве к Ленинграду поплыли сотни фашистских трупов.

Война в своем грозном и смертном обличье пришла теперь и на ленинградские улицы. Воздушные тревоги в городе объявлялись часто, к ним успели привыкнуть, но из 900 фашистских самолетов, прорывавшихся к городу в июне, июле и августе, достигли цели лишь единицы. В один из дней первой декады августа в воздух поднялось свыше 300 немецких боевых машин, бомбардировщики шли в несколько эшелонов, но ни днем, ни при повторном налете ночью пересечь заградительные пояса нашей противоздушной обороны не смогли.

Первые бомбардировки города приходятся на 6 и 8 сентября. Запыхало пламя пожаров, горели бадаевские продовольственные склады, серьезно повредило главную водопроводную станцию. Багрово-черные тучи нависли над южной частью города, все другие его районы затянуло дымным туманом, зенитная пальба временами почти заглушала прерывистое жужжание вражеских самолетов. Это был ад, где, казалось бы, трудно уцелеть, но службы местной

противовоздушной обороны — МПВО, в составе которых насчитывалось около 200 тысяч человек, действовали четко. В домохозяйствах еще 22 июля горком и обком партии ввели институт политорганизаторов: «комиссары домов», как их нередко называли, немало сделали, чтобы подготовить население к противовоздушной обороне, добиться четкого исполнения правил поведения при воздушной тревоге. Вот и сейчас (8 сентября) все, кто оставался дома или на улицах, привычно укрылись в бомбоубежищах. Ранило в итоге всего 13 человек. Получили серьезные ожоги, в основном при спасении имущества и людей, 60, умерло от ожогов 5.

Еще раньше, 4 сентября, в городе вдруг начали рваться артиллерийские снаряды. На станции Витебск-Сортировочная, на заводе «Салолин», нефтебазе «Красный нефтяник». Это было в 11 утра. В 16 часов 30 минут фашисты повели методический обстрел завода «Большевик». Стреляли, как выяснилось, из района Тосно. Артиллерийские разрывы на улицах тоже стали страшной, невероятной обыденностью, к которой люди все-таки привыкали, как к чему-то неизбежному и неустраняемому: надо беречься, надо знать, по какой стороне улицы идти, успеть лечь, укрыться, вот собственно и все, что ты можешь сделать, а там уж будь как будет — война...

Враг нагнетал напряжение, страх, стараясь посеять панику, сломить, потрясти слабых, поколебать душу и волю сильных. Фашистские газеты и радио на весь мир трубили о «прогрессирующем» окружении Ленинграда. Судьба Ленинграда считалась решенной, Гитлер не сомневался, что город падет в самом скором времени.

6 сентября по предложению ЦК партии Ленинградский городской комитет партии провел переключку осажденного города со страной. Передачу из Ленинграда транслировали самые мощные радиостанции Советского Союза: звучали голоса ленинградских воинов, рабочих... В тот же день с утра на ленинградских улицах и площадях были расклеены плакаты и листовки с посланием народного казахского поэта Джамбула Джабаева:

...К Ленинграду со всех концов
Направляются поезда,
Провожают своих бойцов
Наши села и города.
...Пусть подмогой будут, друзья,
Песни вам на рассвете мой,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!

Ленинградская партийная организация, приводя в состояние высокой мобилизационной готовности свои боевые порядки, вооружала всех, могущих сражаться. К концу августа в 79 рабочих батальонах, скомплектованных в городе, насчитывалось свыше 40 тысяч бойцов. 1 сентября началось формирование еще двух дивизий народного ополчения. Подразделения, уходившие на фронт, тут же заменялись рабочими отрядами, в которых все больше становилось женщин. Одна за другой проводились партийные мобилизации: 9 сентября решено было направить в распоряжение командования фронта 300 опытных партийных и советских работников. 12 сентября в армию призвали три тысячи коммунистов, комсомольцев и беспартийных активистов; они выезжали в действующие части в качестве политбойцов, днем позже потребовалось 500 членов и кандидатов партии для пополнения гарнизонов укрепрайонов.

Откуда теперь ждать вражеского натиска? Все выяснилось утром 9 сентября, когда восемь фашистских дивизий 18-й полевой армии и 4-й танковой группы из района северо-западнее Гатчины двинулись на Красное Село и на Ленинград. Как отмечало немецкое командование, «на фронте от Гатчины до Ропши начался штурм». Три дивизии наносили вспомогательный удар вдоль Невы и Московского шоссе. Одновременно 39-й механизированный корпус стремился расширить кольцо окружения на южном берегу Ладоги, а финские войска прорвались к Свири и не прекращали атак на васкеловском направлении.

Перед Пулковскими высотами

10 сентября в Ленинград прибыл представитель Ставки Верховного Главнокомандования Г. К. Жуков. Поручая ему командование Ленинградским фронтом, И. В. Сталин предупредил: — Ленинград в крайне тяжелом положении.

Над Ладогой самолет Жукова, сопровождаемый звеном истребителей, преследовали два «мессершмитта», но все обошлось. В ночь на 11-е Г. К. Жуков вместе с А. А. Ждановым, К. Е. Ворошиловым, адмиралом И. С. Исаковым и другими военачальниками обсуждали самые неотложные вопросы. Жуков, не колеблясь, определил, что фашисты теперь начнут наступать прежде всего на Урицк и на Пулково, и сюда свозились зенитные орудия, становившиеся из противовоздушных противотанковыми. Между Урицком и Пулковом сосредотачивался огонь корабельной артиллерии Балтфлота. В Урицк перебрасывались подразделения с Карельского перешейка: ослабить оборонительные линии, пролежавшие в 30 километрах от города, — на это тоже надо было решиться. Резко сократилась полоса обороны 42-й армии, соседняя 55-я, позади которой были Павловск, Пушкин, Колпино, тем самым значительно ослаблялась, а фашисты наседали и на нее. Жуков сумел предугадать, что направление это, хоть и там может всякое случиться, вспомогательное. На пулковские рубежи отвели и остатки 2-й гвардейской дивизии народного ополчения, 267-й пулеметный батальон: они все еще удерживали Красногвардейский укреп-район, но фашисты обошли их с трех сторон и вот-вот готовы были замкнуть кольцо. Из горя-

щей, растерзанной снарядами и бомбами, но все еще зеленой Гатчины ее защитники уходили с горьким сожалением и, конечно, поругивали начальство: представлялось нелепым покидать позиции после того, как отбито столько атак. В действительности, это было своевременное и мудрое решение, из окопа далеко не все видно.

Примерно на 400 километров растянулись оборонительные линии, на которых наши войска противостояли группе армий «Север», но Жуков понял, что все сейчас сошлось на этом отрезке фронта. От Лигова и Урицка до Пулкова, по шоссе машина проскакивает его за каких-нибудь полчаса. Но именно здесь решался сейчас исход битвы за Ленинград. Уже 12, 13 сентября подтвердились предположения Жукова. Гитлеровцы попытались, правда, сбить с позиций 55-ю армию чуть левее Колпина, но главные силы оставались против Пулкова, Лигова, Урицка. Бросив в бой все резервы, гитлеровцы 11 сентября овладели Дудергофом (ныне станция Можайская) и Вороньей горой, откуда было видно далеко вокруг. Стоявшие там два орудия с «Авроры» до последней минуты крушили фашистские танки; увидев себя в окружении врагов, оставшиеся в живых краснофлотцы одного из расчетов укрылись в пороховом погребе и, когда гитлеровцы приблизились к ним, взорвали порох. У другого орудия завязалась рукопашная схватка, пятерых артиллеристов, получивших тяжелые раны, гитлеровцы схватили, в дикой злобе тут же облили их бензином и сожгли.

12 сентября фашистские соединения вступили в Красное Село, а с утра 13 сентября устремились к Урицку, пригородному поселку, включавшему в себя теперешнюю станцию Лигово, и к Пулковским высотам. Наступили решающие дни первого этапа грандиозной битвы за Ленинград. Каждый из этих дней заслуживает того, чтобы о нем рассказать особо...

14 сентября

День занимался ясный, безветренный, настоящее «бабье лето». В штабах на синее небо и по-

осеннему ласковое солнце поглядывали с опаской:

— Сейчас прилетит. Опять бомбежки...

Чтобы ликвидировать прорыв на урицком направлении, Г. К. Жуков использовал последний резерв — 10-ю стрелковую дивизию, подкрепив ее стрелковым полком, батальоном танков и некоторыми другими подразделениями. Артподготовка продолжалась 30 минут, но была достаточно мощной: в боевых порядках пехоты уже разместились наблюдательные пункты моряков, ветер доносил с залива мощный гул морских орудий, невиданной силы разрывы четко обозначали места скопления вражеских войск. Бой практически был встречным. Одолели наши. Койрово и Сосновка были отбиты.

У соседей 10-й дивизии справа положение сложилось иначе. Выдвигаясь на назначенные ей позиции, 5-я дивизия народного ополчения с самого начала должна была занять заранее подготовленный опорный пункт в Горелове, но гитлеровцы поспели туда раньше, и Горелово уже дважды переходило из рук в руки. В минувшую ночь командование дивизии отвело один полк к Пулкову, опасаясь прорыва. Фашисты воспользовались этим, и к вечеру их танки снова взяли поселок. Г. К. Жуков, чья воля все больше давала себя знать, приказал:

— Вернуть немедленно.

В контратаку поднялся 2-й полк дивизии, в передовых цепях пошел комиссар полка, недавний секретарь Василеостровского райкома партии С. И. Ганичев. Его тяжело контузило. Ополченцы несли потери, но не останавливались и снова вернули Константиновку. На Горелово сил уже не хватило, хотя они снова и снова пытались пройти вперед.

На правом фланге полосы главного удара, у поселка Володарский, наши части, прежде всего 3-я гвардейская дивизия народного ополчения, весь день сдерживали подразделения фашистов, прокладывая себе дорогу к Финскому заливу, чтобы окончательно отрезать Ораниенбаумский плацдарм от Ленинграда. Туда же, к Воло-

дарскому, отошла 1-я морская бригада. Моряков бомбили, на них шли танки, их атакывали автоматчики. В козюхах «максимов» закипала вода. В окопы пришли шоферы, связисты, разведчики.

Среди частей, располагавшихся возле Пулковской обсерватории, был 1-й батальон 1-го полка 5-й ДНО, сформированной в основном из добровольцев Выборгского района и Васильевского острова. Командовал батальоном И. Ф. Рябинкин, кадровый офицер, служивший в армии с 1918 года. Ополченцы еще не совсем отрешились от довоенных представлений: первую ночь, благо относительно тепло, они просидели на улице деревни Пулково, считая неудобным тревожить местных жителей. Прошло с тех пор два дня, и все переменялось. Пулково уже бомбили и обстреливали, деревня опустела. Рябинкину пришлось выделить бойцов, чтобы собрать разбросанные вокруг обсерватории книги, бумаги; 20 бойцов целую ночь упаковывали все, что представлялось им ценным, в матрацы. Наутро тюками нагрузили две машины и отправили в Ленинград.

Накануне 13 сентября ружейно-пулеметная пальба слышалась только справа, видимо из Горелова и Лигова. Перед фронтом все оставалось спокойно, но к высотам отходили с разных сторон группы бойцов и командиров. В том числе артиллеристы. Собралось несколько дивизионов. Рябинкин никуда дальше их не пустил. Оставил у себя своей властью, создав не предусмотренную никакими штатами артиллерийскую группу поддержки батальона.

На рассвете 14 сентября в штаб батальона, где еще недавно был командный пункт 42-й армии, пришел начальник артиллерии армии полковник М. С. Михалкин. По пути он конечно же должен был заметить сверхштатные артиллерийские позиции, и Рябинкин опасался, что его обвинят в самоуправстве. Беспокойство было напрасным. Судя по всему, Михалкин посчитал инициативу комбата разумной.

Фашисты между тем подобрались совсем близ-

ко. Вскоре, видимо из деревни Венерязи, посыпались мины, рвавшие у самого переднего края. Ополченцы не отвечали: не хотели раскрывать до времени своей системы огня. Командир роты капитан Вендера, высмотрев, что минометы укрыты за стогами сена, обратился к бойцам:

— Кто возьмется уничтожить минометы противника?

Через несколько минут старший сержант Толкалин и красноармеец Любашин ползли, прячась между кочек в высокой траве. Фашисты обнаружили их, но ополченцы изловчились под огнем подобраться к ним еще ближе. К стогу сена полетели бутылки с зажигательной смесью, гранаты, стог загорелся, трех фашистов убило, остальные бросились кто куда. Любашин погиб. Оставшись один, Толкалин поджег еще четыре стога, и вот уже пять огромных костров запылали перед деревней. У Толкалина, которого трижды ранило, хватило сил доползти до своих; в окопе он сразу потерял сознание.

В коротких стычках перед передним краем прошел весь день.

Ветер уже доносил до Ленинграда грозный гул набиравшего силу боя. Днем 14 сентября в Таврическом дворце состоялся общегородской комсомольский радиомитинг, который транслировался по всей стране. В конце митинга выступил Всеволод Вишневский, талантливейший певец революционного подвига, участник легендарных походов Первой Конной, один из создателей фильма «Мы из Кронштадта»:

— История не дает нам сейчас никаких путей, кроме одного — все вытерпеть и доказать свою стойкость, выдержку и умение... иди и бейся, молодежь, иди и бейся, как никогда еще никто не бился!

Сотни юношей отправились на фронт прямо с митинга.

Г. К. Жуков так и не уезжал из Смольного. Штаб фронта окончательно перебравлся туда, все вопросы решались совместно с А. А. Ждановым,

А. А. Кузнецовым. Военный совет добивался, чтобы оборона была прочной, активной, глубоко эшелонированной. Обнаруживались новые и новые резервы, которые в иной, не столь критической ситуации никогда бы не взяли в расчет. В частности, теперь вполне реальным представлялось к 18 сентября, то есть всего через четыре дня, сформировать еще несколько крупных подразделений и создать уже четыре линии обороны.

Поздно вечером 14 сентября между Жуковым и начальником Генерального штаба Б. М. Шапошниковым состоялся телеграфный разговор.

— Обстановка в южном секторе значительно сложнее, чем казалось Генеральному штабу,— со свойственной ему прямоотой докладывал Г. К. Жуков.— К исходу сегодняшнего дня противник, развивая прорыв тремя-четырьмя пехотными дивизиями и введя в бой до двух танковых дивизий, вышел на фронт Новые Сузы, что южнее Пулкова на два километра... северная окраина Константиновки, Горелово... Таким образом, на этом участке фронта положение очень сложное. Это положение усугубилось тем, что у командования в районе Ленинграда не было резервов. К исходу сегодняшнего дня мною организована на путях движения противника система артиллерийского огня, включительно до привлечения морской, зенитной и прочей артиллерии. Собираю минометы и думаю: к утру смогу на основных направлениях подготовить плотный заградительный огонь для взаимодействия с пехотой, которую к исходу дня расположили на вышеуказанном рубеже, привлекая всю авиацию фронта и КБФ, и, кроме того, собираем до сотни танков.

15 сентября

Этот день многие считают самым трудным. С утра четыре вражеские дивизии, мощно поддержанные танками и авиацией, развернулись в цепь почти по всей полосе 42-й армии. Артиллерийский обстрел города начался с самого утра и продолжался 18 с половиной часов. Наша артиллерия тоже не умолкала, весь день грозно ревели орудия Балтфлота.

Все труднее становилось бороться с немецкой авиацией. Под Ленинградом у противника практически было втрое больше самолетов, и качественно они были пока что лучше наших. Пулково бомбили непрерывно, обсерватория на глазах превращалась в развалины. Все злее фашисты наседали на батальон Рябинкина с его артиллерийскими дивизионами. Перед правым флангом 1-го полка 5-й дивизии народного ополчения они укрепились в небольшой деревеньке Верхнее Койрово, совсем рядом с нашим передним краем. 2-й батальон однажды уже выбил их оттуда, завладел вездеходом, складом патронов и мин, потом отступил, не выдержав яростного огня. Сегодня ополченцы снова атаковали эту деревеньку, но наскочили на жесткий огневой заслон: потеряли командира роты, политрука, всех командиров взводов.

В середине дня наивысшего накала бой достиг на правом фланге, где держали оборону отошедшие сюда 10-я, 11-я дивизии, другие подразделения, и в том числе балтийцы из 1-й морской бригады, от которой практически осталось меньше батальона. Фашисты уже были в Володарском, его защитники с трудом удерживались на окраине поселка. К вечеру противник ввел в бой еще 60 танков, отеснив 10-ю и 11-ю дивизии к Стрельне, в сторону Петергофа, и отрезав их от Урицка, от Пулково, от 42-й армии. Танки с черными крестами выползли на шоссе Петергоф — Ленинград, залив был совсем рядом.

Отход 10-й дивизии открыл гитлеровцам дорогу на Урицк, Лигово. Наших войск там уже не было, и фашистские танки беспрепятственно вкатились на охваченные бушующим пожаром улицы и улочки городка и станции. Не задерживаясь, они проскочили Урицк и очутились на заболоченной, кое-где поросшей невысоким кустарником низине. Теперь перед ними оказался последний заслон — 21-я дивизия НКВД. Основу ее составляли курсанты пограншколы и пограничники. Ленинградская городская партийная организация направила в нее 1500 коммунистов-политбойцов. Среди них профессор Ленинградского

университета Кирилл Федорович Огородников. На одном из митингов он сказал:

— Я изучал вопросы строения звездного неба... Война, навязанная нашей Родине фашистскими полчищами, заставила меня отложить эту работу... Только один разговор может у нас быть с фашистскими варварами — безжалостное их истребление. Мы это сделаем, и это будет актом величайшего гуманизма...

14-й Краснознаменный полк орудий имел больше обычного. Ни в чем остальном тоже не нуждался. У него было почти 100 автомашин, больше 200 лошадей. Кировский завод доставил пограничникам бронеколпаки и бронированные стальные листы, чтобы прикрывать землянки и огневые точки. Ремонт оружия и боевой техники обеспечивали Ждановский, Адмиралтейский и другие заводы.

Полк вывели сюда еще в ночь на 4 сентября, ежедневно от четырех до шести тысяч ленинградцев помогали ему рыть траншеи, все уже было в основном оборудовано, пристреляно, и пограничники хладнокровно ожидали момента, когда фашисты втянутся в зону действительного огня. Добрались до нее, однако, только отдельные боевые машины и небольшие группы пехоты, уже раздробленные и деморализованные. Всех остальных смел и разметал огневой артиллерийский вал. Тон грозному хору задавала морская артиллерия, и прежде всего крейсер «Петропавловск». Мощные снаряды на десятки метров вздымали столбы земли и огня в гитлеровских цепях.

Расчет Г. К. Жукова на то, что противника удастся перемолоть артиллерийским, минометным огнем, авиацией, оправдывался. Тем решительнее командующий требовал больше насыщать боевые порядки огневыми средствами. В 42-й армии специально собрали заседание Военного совета, чтобы послушать начальника артиллерии М. С. Михалкина. Когда Михалкин закончил докладывать, командарм неожиданно предложил:

— Давайте-ка переведем тяжелую артиллерию на южную окраину города. Не ровен час...

Надо обезопасить ее от всяких неожиданностей.

Михалкин решительно запротестовал:

— Мы ослабим себя. Не об артиллерии сейчас надо думать...

Спор принимал острый характер, когда вдруг дверь в комнату, где заседал Военный совет, распахнулась и вошел незнакомый генерал, темно-волосый и смуглый, со Звездой Героя Советского Союза на груди:

— Что здесь происходит?

Ответить ему толком не успели. Подойдя к столу, он объявил:

— Я назначен командующим 42-й армии. Новый начальник штаба прибыл со мной.

Заседание Военного совета прервалось, и буквально через несколько минут И. И. Федюнинский уже спрашивал:

— Кто у вас начальник артиллерии?

Михалкин поднялся с места.

— Доложи, в каком она состоянии.

Михалкин повторил свой доклад.

Федюнинский слушал не перебивая, только делал какие-то пометки на карте. Поговорив затем накоротке с членами Военного совета армии, приказал Михалкину:

— Твой НП на высотах? Вот и хорошо. Собирайся. Поедешь со мной.

О том, чтобы отводить тяжелые батареи в тыл, речи больше не было. Наоборот, общее число орудий, стоявших на прямой наводке, только в районе Лигова и Пулкова скоро было доведено до 529.

Каждый пройденный километр гитлеровцы устилали сотнями трупов и разбитой техникой. Тем с большей яростью они хотели отомстить ненавистному для них городу — такому близкому и такому недоступному. В сумерках фашистское командование нацелило на Ленинград одну за другой воздушные эскадры, насчитывавшие около 200 самолетов. Над городом и перед передним краем вспыхнули пожары.

Горком партии провел в этот день еще одну партийную мобилизацию, направив на фронт 52 руководящих работника из своего аппарата, а

также из райкомов партии, исполкома Ленгорсовета. На многих заводах теперь работали круглые сутки: еще 11 сентября Военный совет фронта постановил в кратчайшие сроки выпустить свыше миллиона мин и снарядов, распределив заказ на 56 предприятиях.

16 сентября

Об этом эпизоде после войны расскажет в своей книге «Город-фронт» Борис Владимирович Бычевский. В четвертом часу ночи его срочно вызвали к Г. К. Жукову. Он явился в Смольный, как был, мокрый, залепленный грязью: знал, что новый командующий не терпит малейшего промедления. Жуков, стоявший над картой вместе с А. А. Ждановым, сурово глянул на вошедшего:

— Где болтаешься, что тебя всю ночь надо разыскивать?

— Выполнял ваш приказ, проверял рубеж по Окружной дороге.

— Ну и что? Готов?

Бычевский назвал точные цифры: что где сделано.

— Командующий 42-й армией знает этот рубеж?

— Днем я передал схему рубежа начальнику штаба армии...

— Я спрашиваю не о том, каким писарям отдана схема! Интересует другое: знает или не знает командарм этот рубеж?

— Генерал Федюнинский здесь в приемной, товарищ командующий...

— Без тебя знаю, что он здесь... Ты понимаешь, если дивизия Антонова не займет за ночь оборону по Окружной дороге, то немцы в город ворвутся?

Жданов постарался продолжить разговор в другом тоне:

— Товарищ Бычевский, как же вы не догадались найти самого Федюнинского! Ведь он только что принял армию. И дивизия Антонова, которая должна занять новый рубеж, буквально на днях сформирована. Разбомбят дивизию, если она пойдет туда в светлое время. Поняли наконец, в чем дело?

Бычевский, разобравшись наконец в ситуации, принял единственно верное решение:

— Разрешите... выехать сейчас вместе с командиром и вывести дивизию на подготовленный рубеж.

— Понял наконец, чего надо,— усмехнулся Жуков.

Дивизию подняли по тревоге, и в предрассветных сумерках ее полки уже занимали окопы, пролежавшие в нескольких километрах от переднего края по линии село Рыбацкое у Невы — Купчино — мясокомбинат. Представлявшаяся трудноосуществимой идея глубоко эшелонированной обороны получала весомое материальное воплощение.

На переднем крае минувшая ночь прошла беспокойно. Всю ночь от Урицка, поселка Володарского и Горелова доносился рокот моторов, фашисты подтягивали резервы. И всю ночь вспышки орудийных выстрелов высвечивали на заливе, в порту силуэты боевых кораблей. Не умолкая гремели орудия главного и противоминного калибров линкора «Марат». Стреляли крейсера, эсминцы.

Утром 10-я стрелковая дивизия предприняла попытку восстановить локтевую связь с 42-й армией, ликвидировав вклинившихся между Урицком и Петергофом фашистов, но те сами возобновили боевые действия, опять оттеснили 10-ю дивизию к Стрельне, утвердились на берегу Финского залива за поселками Володарский и Сосновая Поляна, заняли Стрельнинский и Петергофский парки.

На Пулковских высотах над позициями батальона Рябинкина кружат два десятка самолетов, затем почти три часа не прекращается артиллерийский обстрел. Потом на всхолмленной равнине появляются серо-зеленые цепи. Одна за одной. Но сразу же они словно утопают в дымно-багровом огневом вале: семь батальонных артдивизионов, артиллерия дивизии, моряки — трудно даже сказать, кто еще, ведут огонь. Политрук Филиппов выскакивает на бруствер окопа:

— Вперед! За Ленинград!

Фашисты бегут, но тут появляются три их танка, обстановка резко меняется. Однако ненадолго. От танков никто не пьтится, их забрасывают бутылками с горючей смесью, две машины горят, третья поворачивает назад. Ополченцы готовы идти дальше, но командиры сдерживают их:

— Назад, назад! У нас нет сил для наступления.

На позиции возвращаются с трофеями, обвешавшись немецкими автоматами, несут пулеметы, минометы, катят противотанковое орудие. Позади остается сотни две фашистских трупов...

На правом фланге 2-й батальон снова штурмовал Верхнее Койрово. И снова безрезультатно.

В какие моменты в чьих руках были в этот день Урицк, Лигово, примыкающее к ним Старо-Паново, сказать трудно. Фашистские цепи снова и снова словно из-под земли вырастали на почерневшей от взрывов низине за Урицком, фашистские танки снова и снова напoлзали на окопы пограничников, оставляя позади себя костры горящих машин и серо-зеленые полосы трупов; нашей артиллерии все прибывало. Пограничники в свою очередь стремились пройти вперед, умело используя каждую складку местности.

Под Урицком все еще самая больная и горячая точка Ленинградского фронта, и штаб фронта в первую очередь шлет сюда подкрепления: танкистов А. Г. Родина, отличившегося еще под Лугой, два батальона 6-й бригады морской пехоты, саперов, батальоны железнодорожных войск. В бой их вводит командир 21-й стрелковой дивизии НКВД полковник М. Д. Папченко. Высокий, в стальной каске и красноармейской стеганке, с автоматом на шее, старый кадровый пограничник, он словно бы излучает спокойствие и уверенность.

Под свой штаб пограничники заняли находившуюся неподалеку от Урицка больницу имени Фореля. Чердак больницы, откуда прекрасно просматриваются подступы к переднему краю, облюбовали для себя артиллеристы. На появив-

шегоса здесь вскоре улыбочивого, простецкого вида командира с двумя кубиками на петлицах, поначалу никто особого внимания не обратил. Сам он держался скромно, а представлялся всем по-штатски, хотя чувствовалось, что он кадровый военный:

— Дегтярев Петр Никитич.

В то время как все другие артиллеристы до хрипоты надрывали голоса, иногда часами крича команды в телефонную трубку, Дегтярев больше времени проводил, разглядывая поле боя в бинокль.

— Что у вас там, пушки сломались?! — подшучивали над ним.

— Снаряды экономим, снаряды у нас дефицитные, — посмеивался он.

Телефон Дегтярева оживал только, если в районе Урицка, Лигова обнаруживались крупные скопления войск, и звонил ему всякий раз некто-нибудь, как ревниво подметили его коллеги, а лично начальник артиллерии 42-й армии М. С. Михалкин. У Дегтярева, как правило, были уже готовы данные для стрельбы, и он немедленно передавал их на свою батарею. Тогда где-то в районе Автова вдруг взметывались пламя и черный дым, артиллерийскую канонаду насыщал до предела раскатистый гул большой силы, в небе пролегали огненные трассы, и тут же наступающие гитлеровские цепи тонули в ослепляющем пламени

Это были «катюши». Первую их батарею прислали на Ленинградский фронт из Москвы, она действовала под Кингисеппом, Молосковицами, Красногвардейском. Теперь это уже не батарея, а дивизион: в Ленинграде успели наладить выпуск и снарядов и пусковых установок. Под Урицком Дегтярев мог давать по пяти залпов в день, две батареи выпускали за семь-восемь секунд 128 снарядов. Радиус поражения одного снаряда составлял около 50 метров, залпом накрывалось шесть-семь гектаров площади — квадрат со стороной в 600—700 метров. Каждый залп стоил обычно оккупантам целого подразделения, каждым залпом срывалась атака. Пока огненные

трассы чертили небо, в воздух старались подняться фашистские летчики: немецкое командование знало о существовании секретного оружия невиданной мощи и не жалело средств, чтобы отыскать его.

В полной мере фашисты почувствовали и огневую мощь Балтийского флота, переключив с 16 сентября на борьбу с ним значительную часть сил. Четыре батареи и 27 бомбардировщиков обрушились на линейный корабль «Марат». Ежесекундно на борту линкора или около него рвалось по одному, по два 150-миллиметровых снаряда. Броню они не могли пробить, но зенитчики гибли, взрывались зенитные боеприпасы. Палубы все равно никто не покинул, и три «юнкерса» были сбиты. Из 70 сброшенных фашистами бомб на палубе взорвались две, возник пожар, через вентиляционную систему огонь пополз в погреб одной из башен главного калибра. Комсомольцы Полыгалов и Киреев вовремя заметили опасность и, задыхаясь от дыма, сумели закрыть раструб вентиляционной трубы. Огонь, грохот, свист осколков — артиллеристов всегда учили, что это для них нормальная боевая обстановка. Линкор продолжал выполнять боевую задачу и в ходе воздушного налета подавил фашистскую железнодорожную батарею большой мощности, обстреливавшую наши войска и город. Батареи, бившие по линкору, тоже получили свое, но стоять на виду стало опасным. Маневрируя, без буксиров, что само по себе свидетельствовало о незаурядном судоводительском мастерстве, линкор ушел в Кронштадт, попутно круша вражеские батареи, которые фашисты поторопились установить на берегу Финского залива.

В Ленинграде в минуты затишья группы людей останавливались перед расклеенной в витринах, на стенах домов «Ленинградской правдой». Ее передовую сегодня набрали крупным шрифтом в форме листовки: «Враг у ворот». «Первое, что требует от нас обстановка, — это выдержка, хладнокровие, мужество, организованность. Никакой паники, ни малейшей растерянности». В «Смене», в статье поэта Николая Тихонова, чудовищный

факт: в Ивановском фашистские молодчики надругались над девушками и убили учителя. Статья Тихонова как стон: «Нельзя поверить, что у этих чудовищ была мать, что в детстве они ходили в школу, носили в сумке книжки, как все дети...» По радио выступил Д. Д. Шостакович. Он говорил, что пишет новую симфонию. «Я общаю об этом для того, чтобы радиослушатели, которые слушают меня сейчас, знали, что жизнь нашего города идет нормально. Все мы несем сейчас свою боевую вахту».

В Ленинграде действительно все, что можно было оставить таким, как до войны, оставалось по-прежнему. В ленинградских театрах в тот вечер давали «Без вины виноватые» Островского, «Опасный поворот» Пристли, мольеровского «Тартюфа»... В кинотеатрах показывали «Чапаева», «Человека с ружьем», «Мы из Кронштадта», «Цирк», «Большой вальс»...

Люди, выходявшие из театров, с тревогой прислушивались к нараставшему гулу где-то за южными окраинами, а тысячи женщин, дежуривших теперь каждую ночь на крышах, видели, что город полукольцом охватывают отблески пожаров, оружейных вспышек, разрывов. Вероятным стало самое худшее. Поздно вечером секретари райкомов партии Московской, Невской и Нарвской застав стали обзванивать директоров крупных предприятий, предупреждая:

— Ночью не исключается прорыв врага в южную часть города!

17 сентября

В 0.30 один из рабочих отрядов Кировского завода выехал на закрепленные за ним позиции — к трем дотам, один из которых еще достраивался. Другие рабочие формирования тоже или были наготове под ружьем или провели ночь на своих оборонительных участках. Собранные по боевой тревоге работники Московского, Кировского, Ленинского, Володарского райкомов партии получали винтовки, ватники, сапоги. Наутро в южных прифронтовых районах максимально ускорили подготовку к возможным бар-

рикадным схваткам. Свыше 110 тысяч жителей уже переселились в северные районы, и это облегчало задачу. Как уже было однажды, в годы гражданской войны, дома, мешавшие обзору на подходе к дотам и дзотам, решительно ломали, очищалась вся территория перед Окружной железной дорогой, превращенной в полосу обороны, готовились к взрыву мосты, здания; предприятия, улицы пересекались траншеями, перегораживались баррикадами, надолбами, оцетинивались противотанковыми ежами... Рабочие отряды пополнялись добровольцами, обком и горком комсомола призвали всех, способных носить оружие. На следующий день, 18 сентября, горком партии приступил к новой партийной мобилизации: еще пять тысяч коммунистов, комсомольцев и беспартийных активистов ушли на фронт поллитбойцами. В приказе Военного совета Ленинградского фронта от 17 сентября, подписанном А. А. Ждановым, Г. К. Жуковым, А. А. Кузнецовым и прибывшим вместе с Г. К. Жуковым генералом М. С. Хозиным, говорилось: «Ни шагу назад! Не сдавать ни одного вершка земли на ближних подступах к Ленинграду!»

Положение было исключительно опасным. Как это теперь проверено и подтверждено документами вермахта, с утра 17 сентября 42-й армии предстояло выдержать натиск шести вражеских дивизий, в том числе 1-й танковой, и практически всей авиации группы армий «Север». Уже после 14 сентября 42-я армия пополнилась еще тремя корпусными артиллерийскими полками, теперь здесь собралось в среднем по восемь орудий на километр фронта, пехотные боевые порядки тоже уплотнились, но и гитлеровцы вкладывали в новый удар все, что имели, все выводили в первые линии, в атакующие цепи. Утром со стороны Стрельны, откуда их не ждали, они (в который раз!) ворвались в Урицк, охваченный все еще не утихшим пожаром, и стали с севера заходить в тыл подразделениям 5-й ДНО, отбивавшимся от фашистов, заседавших с юга. Ополченцы успели развернуть пулеметы, гитлеровцы отхлынули. Командиры уже налаживали оборону на неза-

щищенном тыловом участке, когда на окраине Урицка снова появились какие-то цепи. Или, скорее, толпа. Пулеметчики, привычно бравшие ее на прицел, в недоумении поднимали головы.

— Бинобль, бинокль дайте! — сдавленным голосом крикнул кто-то.

— На кой черт тебе бинокль, так не видишь?

Ветер доносил детский плач и женские причитания. Гитлеровцы гнали перед собой захваченных ими то ли в Володарском, то ли в Сосновой Поляне местных жителей. Пулеметы молчали, ополченцы подтягивали поближе к себе винтовки, примыкали к ним штывы, освобождали от чехлов саперные лопатки, доставали, если у кого они были, кинжалы.

Рукопашная была страшной: немцев наседало по двое, по трое на одного нашего, ополченцы почувствовали, что им не взять верха, и стали отходить.

Остатки двух батальонов 2-го полка собрались в Шереметьевском парке, и, как только люди немногo пришли в себя, командир 5-й ДНО полковник Ф. П. Уткин повел их вместе со спецподразделениями полка в контратаку на Урицк. Уткина вскоре тяжело ранило, но ополченцы все-таки снова достигли Урицка и повели бой на его улицах.

В полдень ударная группа, сформированная командиром 21-й стрелковой дивизии НКВД М. Д. Папченко, атаковала гитлеровцев у Старо-Панова (оно практически сливалось с Урицком и станцией Лигово). Без артподготовки. В расчете на стремительность и внезапность. Гитлеровцы поставили мощную завесу огня с некоторым опозданием, во вражеских окопах завязалась жестокая схватка, несколько фашистских офицеров попало к нам в плен.

Ополченцы, пограничники продвигались вперед все увереннее, за спиной у них продолжала греметь артиллерия; все так же мощно поддерживал их флот.

Пулковские высоты с утра, как и накануне, заволокло дымом. Взрывы мин, бомб, снарядов. Только на позиции батальона Рябинкина пики-

ровало 30 бомбардировщиков. Закладывало уши, трудно было дышать. Многое здесь испытали, но такого еще не было. Фашистские артиллеристы с особым остервенением долбили главное здание обсерватории, и Рябков, командир одного из ополченских артдивизионов, жалел, что расположил тут свой НП: убьют ведь, без глаз останутся батареи. Вниз, однако, спускаться не стал, а только распорядился послать наблюдателя в передовую траншею. На случай, если самого не станет. Рябкова осыпало кирпичной пылью, рядом свистели осколки, и все же, когда гитлеровцы перенесли огонь в глубину обороны, его НП оставался нетронутым. Рябков тут же прильнул к биноклю, он торопился, боялся, что какой-нибудь шальной снаряд помешает ему передать сведения на батареи. До передних траншей уже доносились хриплые немецкие команды, но наша артиллерия еще молчала.

— Пусть побольше их выдвинется, побольше...

Грянули все разом, и моряки тоже. Когда дым немного рассеялся, Рябков увидел, что гитлеровцы бегут назад. Бегут в панике. Ополченцы, как обычно, преследуют их.

Над высотами снова появляются бомбардировщики с черными крестами, рвут землю и здания артиллерийские снаряды, и потом снова движутся к высотам гитлеровские цепи, снова достигает максимальной мощности канонада наших артиллерийских батарей.

На левом фланге батальона Рябинкина фашистам удается охватить полукольцом роту капитана Вендеры, телефонная связь с ней то и дело прерывается, хорошо еще, что в критический момент нашелся боец (Исаев, Рябинкину запомнилась его фамилия), которому удалось доставить донесение. Роте оказывают помощь; она теряет в этот день шесть человек; фашистских трупов перед ее окопами больше 70.

Во второй половине дня фашисты меняют направление удара, они наносят его в стык 1-го батальона, которым командует Рябинкин, и 2-го, и на позиции батальонов 500-го полка. Ни огня, ни живой силы фашисты не жалеют, но их снова

опрокидывает артиллерию. Наша контратака начинается с участка, за который ополченцы больше всего боялись все эти дни: его занимали батальоны 500-го полка, отступившие от Вороньей горы.

Рябинкин ликует:

— Смотрите-ка, что ребята делают. Вот молодцы!

Темнеет. Канонада постепенно стихает, только пожары четким пунктиром обозначают фронтную полосу. Рябков, так и не ушедший весь день из главного здания обсерватории, еще продолжает наблюдение, но напряжение начинает отпускать его, похоже, пока все кончилось. На НП вдруг появляется командир пехотного батальона, с которым Рябков несколько раз встречался в эти дни.

— Ну что, бог войны, на сегодня вроде отвоёвались?! Спасибо пришел тебе сказать. Не вы бы... Не знаю, что было бы с нами...

Хорошо, что темно, не видно, как у того и другого на глазах выступили слезы. Неожиданно для себя, шагнув друг к другу, они обнимаются, хлопают друг друга по плечам:

— Не прошли они, не прошли.

— Задали им перцу, задали...

* * *

18 сентября гитлеровцы захватили Пушкин, утвердились в Урицке, Лигове, потом снова штурмовали Пулковские высоты, пытаюсь обойти их с запада, и пробивались к Ораниенбауму, но уже из последних сил и без большой надежды на успех. Командир 39-го немецкого корпуса, захватившего Шлиссельбург, оправдываясь перед Гитлером, признавал:

— Большевицкое сопротивление своей яростью и жесточенностью намного превзошло самые большие ожидания.

Г. К. Жуков безошибочно уловил момент, когда гитлеровцы начали выдыхаться, сразу переключился на организацию новых контрударов, и прежде всего приказал форсировать Неву, чтобы пойти навстречу 54-й армии, которая с 10 сен-

тября таранила кольцо, замкнувшее Ленинград в блокаде. В ночь на 20 сентября на левый берег Невы, в район Московской Дубровки, высадился батальон старшего лейтенанта В. П. Дубика из 115-й стрелковой дивизии, а потом и несколько других подразделений. Десантники достигли шоссе на Шлиссельбург, подступили вплотную к 8-й ГЭС, раздвигая границы плацдарма, названного вскоре Невским «пяточком». В контратаки ленинградские воины переходили также под Ям-Ижорой, Пушкином, Петергофом, Урицком, вернули обратно Белоостров. Южнее Ладожского озера сильный удар по фашистам нанесла 54-я армия. Чтобы удержать кольцо окружения, фашистам пришлось по личному приказу Гитлера перебросить самолетами в район прорыва пехотный полк и два полка парашютистов из группы армий «Центр».

Противник не дал советским войскам развить успех ни с той, ни с другой стороны кольца, но и сам понес огромный урон, силы его истощались. 25 сентября руководство группы армий «Север» доносило в генеральный штаб сухопутных войск, что наличными силами продолжать наступление на Ленинград не в состоянии. Утро в этот день на многих участках фронта началось, как обычно: с бомбежки, обстрела. Потом все стихло. У Колпина, на Пулковских высотах, в окопах на закомаренной низине перед Урицком и Лиговом бойцы уже выбрались из ниш, блиндажей, лисьих нор, устанавливали на площадках пулеметы. Ждали атаки, но ни танков, ни пехотных цепей не появлялось. Чуть позже в штабах начали названивать телефоны. Из рот, батальонов, полков, дивизий взволнованные голоса сообщали одно и то же:

— Пехота не пошла. Немцы окапываются.

Кольцо вокруг Ленинграда осталось сомкнутым, но город выстоял, отбил штурм. Гитлер был вне себя от ярости:

— Лееб не выполнил поставленную перед ним задачу, топчется вокруг Ленинграда, а теперь просит дать ему несколько дивизий для штурма города. Но это значит ослабить другие фронты,

сорвать наступление на Москву. И, будет ли взят Ленинград штурмом, уверенности нет.

Задача, поставленная перед Леебом, носила стратегический характер, и то, что группа армий «Север», понеся большие потери, не выполнила ее, означало крушение гитлеровского плана «молниеносной войны» на одном из решающих направлений советско-германского фронта.

Тяжелые решения

Уже давно исчезло с ленинградских улиц обычное оживление, словно растаяли в сером небе укрытые чехлами или защитной краской золотые купола, шпили; новыми высотными ориентирами стали повисшие над городом аэростаты заграждения. Осенью часто дули северо-восточные и северные ветры, лили дожди. Сыро, холодно. Женщины плакали от бессилия, когда лопаты вязли в тугом месиве; тяжелая сырая глина липла, словно припаивалась к железу, а на окопах работали горожанки, успевшие отвыкнуть от тяжелого физического труда. Многие в тапочках или ботинках, вытертых демисезонных пальтишках.

Но что делать!? Вероятность нового штурма еще существовала, и город лихорадочно укреплял прежние и строил новые рубежи обороны. Начиная с 3 сентября каждый район должен был держать на окопах 5 тысяч человек, всего это давало 80 тысяч землекопов, не считая солдат и военно-инженерных подразделений.

Труднее всех приходилось тем, кого посылали к Урицку, Пулкову, Колпину, где наши и вражеские войска местами разделяло каких-нибудь 200—300 метров. Услышав, как звякают лопаты, увидев свежие выбросы земли или приметив женские фигурки, фашисты приходили в неистовство и засыпали наш передний край снарядами, минами; нередко прилетали самолеты, сбрасывая вместе с бомбами камни, рельсы, железные бочки, все, что могло падать с гулом, лязгом, свистом, нагнетать нервное напряжение.

На случай прорыва врага город продолжал готовиться к баррикадным боям на улицах: было

создано 6 секторов и 96 батальонных районов обороны. Превращались в доты первые этажи жилых домов и служебных зданий; к обороне подготовили Исаакиевский собор. Моряки-балтийцы соорудили пушечный дот в обращенной к Неве торцевой части здания главного университетского корпуса. Только рабочие вагоностроительного завода имени И. Е. Егорова построили на Международном проспекте три баррикады, пятнадцать огневых точек, на два километра протянулись установленные ими противотанковые заграждения. Саперы заранее определили, какие здания можно будет взорвать, чтобы завалить улицы. Противотанковые надолбы усеяли площадь перед Кировским райсоветом, кто-то сумел установить огневую точку на Нарвских воротах.

В крепости превращались заводы. Общая протяженность баррикад на Кировском составила около километра, вся его территория покрылась траншеями, надолбами, ежами, спиралями «бруно», колючей проволокой.

Фашистское командование между тем всерьез вознамеривалось, как этого требовал Гитлер, «тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сровнять его с землей». Так сказано в военном дневнике немецкого генерала Гальдера. Гитлеровцы вели теперь огонь не только из Тосно, батарею за батареей они подтягивали к Стрельне, Урицку, поселку Володарский, на Дудергофские высоты, в Пушкин.

В октябре фашисты выпустили по городу в полтора раза больше снарядов, чем в сентябре, а в ноябре — в два с лишним раза больше (11 230 снарядов).

Из-за обстрелов и бомбежек население иногда по 18 часов подряд просиживало в бомбоубежищах; их теперь можно было бы назвать и снарядоубежищами. Пойти в магазин в таких условиях стало проблемой, и магазины пришлось открывать с 6 часов утра, когда фашистские артиллеристы, как правило, еще спали в своих землянках. В результате бомбежек и артобстрелов

нарушалась работа предприятий, учреждений, школ, и в конце концов при появлении одного-двух самолетов тревоги уже не объявляли. Рабочие, когда из-за сидения в укрытиях срывалось выполнение ответственных заказов, а они все были ответственными, и вовсе отказывались уходить из цехов. Объясняли просто:

— На фронте наши товарищи подвергаются несравненно большей опасности, но борьбы не прекращают. У нас тот же фронт.

Воздушная битва над Невой приняла предельно ожесточенный характер. Фашистские самолеты, не ломая строя, летели на огонь зенитных батарей, завязывали яростные воздушные бои. В сентябре они прорвались к городу 23 раза, в октябре и ноябре — по 38 раз, практически бомбы падали на город ежедневно. Потери у фашистов соответственно росли. К началу декабря число сбитых в ленинградском небе самолетов достигло 555, и гитлеровское командование массовые воздушные бомбардировки города прекратило. Авиационно-артиллерийское наступление, имевшее целью сровнять Ленинград с землей, натолкнулось на организованное, умелое противодействие и практически потерпело крах, несмотря на то что велось с размахом, методично, опиралось на могучую, совершенную по тем временам технику.

Расчеты фашистских мракобесов на мощь своей авиации и артиллерии не оправдывались, и, чем дальше, тем больше они надеялись на губительные последствия блокады. Голод подкрадывался к городу незаметно. Еще в начале сентября в Ленинграде торговали коммерческие магазины, где можно было приобрести многое. Были открыты коммерческие рестораны, в столовых талоны из продовольственных карточек вырезались только за мясные и рыбные блюда. Крабы свободно продавались всюду. Между тем запасы продовольствия в городе вообще были невелики, к тому же овощи и картофель, составлявшие важную часть рациона, завозились сюда осенью, и овощные базы, картофелехранилища к моменту, когда прервалась сухопутная связь со страной, оставались пустыми.

29 августа члены комиссии, посланной в Ленинград ЦК партии и ГКО, доложили И. В. Сталину о тревожном положении: муки и зерна в городе оставалось всего на 17 суток. На другой же день специальным постановлением Государственный Комитет Оборона обязал наркомат путей сообщения ежедневно направлять в Ленинград по восемь составов с продовольствием, по два — с боеприпасами и вооружением и по одному — с горючим.

К сожалению, в день подписания постановления ГКО фашисты уже были в Ивановском на левом берегу Невы, а 8 сентября, как уже говорилось, захватили Шлиссельбург. В Ленинград теперь можно было попасть только по Ладожскому озеру и Карельскому перешейку, где немцев и финнов разделяло 65 километров. Железная и шоссейная дороги, соединявшие Ленинград с западным берегом Ладоги, в этом коридоре были, но пристани и причалы, если не считать обветшавшей деревянной эстакады в бухте Осиновец и небольших причальных стенок в бухте Гольсмана, отсутствовали: в мирное время судоходства здесь не было.

Поздно ночью 9 сентября, на второй день после того, как замкнулось блокадное кольцо, в Смольном состоялось совещание руководящих работников горкома и обкома партии, Северо-Западного речного пароходства, представителей командования Ладожской военной флотилии. Тогда и было принято решение в кратчайшие сроки наладить бесперебойное сообщение с Большой землей по водному пути через Ладогу. Строительство причалов и портовых сооружений началось без промедления. Ждать, однако, когда они войдут в строй, было нельзя, и уже 12 сентября к Осиновцу буксирный пароход «Орел» под командой искусного капитана коммуниста И. Д. Ерофеева подвел две баржи с зерном.

Фашистские летчики обнаружили оживление на берегах еще недавно пустынной бухты, и как раз в тот день, когда прибыл «Орел», «юнкеры», ориентируясь на многометровую красно-белую башню Осиновецкого маяка, стали бомбить бар-

жи и железнодорожную станцию. Их встретили пулеметным огнем с баржи, с берега подала голос зенитная батарея, но это и все: на станции тоже были зенитные орудия, но еще на платформах, их не успели даже расчехлить. Надсадный, прерывистый вой самолетов, взрывы, резкие выстрелы зениток и мечущиеся, не знающие, куда деться, чайки над бухтой... Две бомбы легли прямо на палубу одной из барж, все кругом дымилось, кое-где занимались пожары. Начиналась боевая воинская биография старой бухты, в которой с того дня не стало ни птиц, ни рыбы.

За Ладогой издревле, вероятно с тех пор, как здесь пролегал путь из варяг в греки, укрепилась дурная слава. Суда тонули даже в южной, мелководной ее части: волна тут хоть и ниже, чем к северу, но злее, короче, волнение носит беспорядочный характер, возникает так называемая толчея, с которой чрезвычайно трудно справляться небольшим и не особо-то мореходным речным посудинам. Не случайно еще при Петре Первом по южному берегу Ладоги начали строить обводной канал, а потом, когда он обмелел, прорыли еще один — со шлюзами.

Каналы действовали, но сейчас там хозяйничали фашисты, и другого пути на Большую землю, кроме как через Ладогу, которую речники не любили и знали плохо, не было. Речной флот тоже оказался неприспособленным к плаванию по бурному, капризному озеру. Случалось, что суда в пути разваливались, а первое время, когда разгрузка велась в незащищенных бухтах, их нередко выбрасывало на берег. Но что делать!? Небольшие, похожие на черных жуков буксиры тянули и тянули через озеро неповоротливые, медлительные баржи. В шторм, так в шторм. Под бомбежку, так под бомбежку. Ленинград ждал хлеба.

Объемы перевозок, естественно, были недостаточными, запасы продовольствия в Ленинграде таяли, и там предпринимали все возмож-

ное, чтобы как-то пополнить их. Работу эту возглавлял специальный уполномоченный ГКО, энергичный и деловитый нарком торговли РСФСР Дмитрий Васильевич Павлов, написавший впоследствии книгу о самых трудных днях Ленинграда. В качестве примесей к хлебу использовали солод, хранившийся на пивоваренных заводах, овес (лошадей перевели на молодые побеги и торфяной комбикорм), льняной жмых, отруби, а потом в широких масштабах пищевую целлюлозу. Переработали на кондитерские изделия 2,5 тысячи тонн сахара, превращенного при пожаре Бадаевских складов в густой сироп, подернутый черной коркой. Сотни коммунистов и комсомольцев обследовали склады, пакгаузы, подвалы, железнодорожные станции, порты в поисках хоть чего-то пригодного в пищу. В железнодорожных вагонах, загнанных в тупики, обнаружили, например, 500 тонн муки, 100 тонн трески, животное масло, льняной жмых, предназначавшиеся на экспорт бараньи кишки. На мельницах вытрясали мешки из-под муки, бережно собирали со стен наслоившуюся на них за многие годы мучную пыль. В пригородных колхозах и совхозах нередко под огнем врага копали картошку, собирали овощи — все, вплоть до зеленого капустного листа: называли его тогда хряпой, слово это, еще недавно малораспространенное, прочно вошло в обиход. Несмотря на все, удержать снабжение населения на прежнем уровне не удавалось. 2, 11 сентября и 1 октября хлебная норма в три приема была сокращена рабочим до 400 граммов, всем остальным — до 200. Это был уже голод.

В ходе эвакуации ленинградских предприятий в тыловые районы на месте не осталось и половины мощностей оборонной промышленности, резко падала выработка электроэнергии, от обстрелов и бомбежек только в октябре пострадало 26 предприятий: на станкостроительном заводе имени Свердлова, например, сгорело четыре цеха. Тем не менее, планом на октябрь предусматривалось удвоить выпуск минометов и пушек, а снарядов и мин дать 2 миллиона 200

тысяч штук — в пять раз больше среднемесячного выпуска в третьем квартале.

На Металлическом заводе в то время вытачивали корпуса снарядов и мин, изготовляли люльки для полковых пушек, сваривали башни для танков, строили бронепоезда. Вечером 3 октября здесь проводились цеховые собрания, на которых обсуждались обязательства в честь 24-й годовщины Великого Октября. Начался как раз очередной воздушный налет, бомбы падали близко, чувствовалось, как сотрясается земля, но к этому привыкли, обсуждение продолжалось, принятые тогда решения позволили заводу в целом поставить себе целью завершить октябрьскую производственную программу на четыре дня раньше срока.

Домой, однако, участникам собраний уйти в тот вечер не удалось. Поднялась луна. Нева, городские улицы, заводские корпуса осветились ее мертвенным, предательски ясным светом, и прерывистый вой фашистских бомбардировщиков теперь уже не смолкал. Сначала на территории Металлического завода разорвались две фугасные бомбы. В 22.00 — еще одна, необычно большой силы: взрывом снесло капитальную стену длиной 18 метров, сбросило с подкрановых путей два мостовых крана, разрушило два карусельных станка, рухнула высокая кирпичная труба, в одном из красных уголков погибло пять девушек из медико-санитарного звена. Всего в ночь на 4 октября на завод упало восемь фугасных бомб, семь из них взорвались, от зажигалок возникли пожары. Часть людей сразу же пришлось переключать на ликвидацию повреждений и восстановление того, что можно восстановить. Тем не менее основные производственные участки работы не прекращали.

5 октября в «Ленинградской правде» появилось обращение коллектива Металлического завода ко всем ленинградцам с призывом достойно встретить 24-ю годовщину Октября. 9 октября горком партии одобрил инициативу металлостов, и это дало дополнительный импульс соревнованию. Ленинград по-прежнему не ограничи-

вался поставками вооружения и боеприпасов своим защитникам. В октябре, ноябре и первой половине декабря самолетами на Большую землю было переправлено 560 минометов, 452 полковые пушки и много другой продукции, изготовленной в осажденном городе. «Спасибо ленинградцам за помощь москвичам в борьбе с кровавыми гитлеровцами»,— телеграфировал в Смольный командующий Западным фронтом Г. К. Жуков.

В ноябре в зале заседаний Смольного собрался городской актив. Выступивший с краткой речью А. А. Жданов был предельно откровенен:

— Русские люди много раз смотрели в лицо смерти, проявляя при этом душевную силу; и на этот раз они не дрогнут, но надо говорить народу правду такой, какая она есть, и он нас поймет.

Предупреждая, что трудности с питанием и топливом могут стать еще бóльшими, он снова и снова напоминал:

— Главная задача коммунистов и комсомольцев, всего населения — беречь имеющиеся ресурсы, растянуть их на больший срок. Нам надо выиграть время. Всеми силами бороться за выпуск большего количества снарядов, боевой техники, оружия...

Коммунисты продолжали уходить на фронт по новым и новым партийным мобилизациям, но ряды партии тоже пополнялись: в октябре, ноябре и декабре в нее вступило свыше 2600 ленинградцев. Главным качеством, по которому теперь проверялся каждый из них, была стойкость, способность переносить тяготы, еще недавно показавшиеся бы непосильными, быть опорой для окружающих. Коммунисты, 10 тысяч агитаторов на предприятиях и в учреждениях, 10 тысяч политорганизаторов в жилых домах, комсомольцы, просто честные, мужественные люди, каких была масса,— на них теперь держалось многое. На совещании секретарей райкомов партии председателей райисполкомов в горкоме партии вопрос был поставлен так: 90 процентов рабочего времени руководители партийных и со-

ветских организаций обязаны теперь отдавать удовлетворению бытовых запросов населения.

В Ставке Верховного Главнокомандования хорошо понимали, об этом прямо говорил И. В. Сталин, что обеспечить полноценное снабжение города можно, только прорвав блокаду. 12 октября из Москвы в Смольный поступила телеграмма: «...откладывать больше решение вопроса об овладении станцией Мга нельзя... Ставка Верховного Главнокомандования решительно требует от Военного совета Ленинградского фронта согласованного наступления 55-й, 54-й армий и Невской группы...» Через три дня, 14 октября, в Ленинград снова прилетел представитель Ставки генерал-полковник Н. Н. Воронов. Приехав прямо с аэродрома в Смольный к А. А. Жданову, он вручил ему пакет с директивами командованию Ленинградского фронта.

Начать операцию намечалось 20 октября, к ней уже готовились, но 16 октября фашисты сами нанесли удар на северо-восток с целью прорваться к Тихвину и дальше, к Свири, к Лодейному Полю и соединиться с финнами, замкнуть еще одно, второе кольцо окружения вокруг Ленинграда. В этом кольце уже не было бы никаких коридоров, сама Ладога, вся целиком, оказалась бы внутри кольца. Фронт 4-й и 52-й армий был прорван. Брешь заделывали, перебрасывая на волховское направление войска, выделенные для деблокады Ленинграда. В результате наступление, начатое 20 октября, успеха не имело, с ленинградской стороны через Неву сумели переправиться лишь небольшие группы красноармейцев и командиров.

На тихвинское направление Ставка срочно выдвинула дивизии своего резерва, фашистов задержали. Но ненадолго. Командир фашистского 39-го механизированного корпуса совершил неожиданный маневр, и его войска, обнажив фланги и бросив далеко позади тыловые службы, двинулись вперед по глухим заснеженным дорогам. 8 ноября они с боем овладели Тихвином. Сообщение о взятии Тихвина берлинское радио передавало каждые 30 минут на протяже-

нии целого дня; целый день над Германией гремели бравурные марши. Выступая 8 ноября в Мюнхене, Гитлер захлебывался от дикой радости:

— Ленинград сам поднимет руки: он неминуемо падет раньше или позже. Никто оттуда не освободится, никто не прорвется через наши линии. Ленинграду суждено умереть голодной смертью.

Речь Гитлера, к несчастью, не была пустой угрозой. Положение ленинградцев, действительно, резко ухудшилось. Заборье и Подборовье — единственно доступные теперь железнодорожные станции на Большой земле — располагались далеко на востоке, и добраться туда от восточного берега Шлиссельбургской губы можно было только на лошадях проселками и лесными тропами, общая протяженность которых достигала около 280 километров. Что делать? В Ленинграде к октябрьским торжествам детям наскребли по 200 граммов сметаны и по 100 граммов картофельной муки. Взрослым дополнительно к обычному пайку досталось всего только по пяти соленых помидорин. Врачи уже фиксировали алиментарную дистрофию — болезнь, совершенно забытую, а обстоятельства принуждали снова урезать хлебную норму. 8 ноября сократили воинские пайки, с 13 ноября рабочие стали получать по 300, а все остальные — по 150 граммов хлеба в день.

Черная зима

Зима в тот год пришла необычно рано. Уже в самом начале ноября город завалило снегом, убирать его было некому, трамваи, троллейбусы останавливались; по улицам, сбегая с тротуаров на проезжую часть, протянулись по-деревенски узенькие дорожки и тропки. Замедленным шагом плетутся укутанные до самых глаз пешеходы, все чаще встречаются остановившиеся, словно неживые, глаза. В бомбоубежищах ни разговоров, ни смеха. Люди сидят молча, углубившись в самих себя.

Транспортные эскадрильи, выделенные для перевозок из Ленинграда и в Ленинград еще в первой половине сентября, как правило, загружались теперь на Большой земле только продовольствием. Водная трасса через Ладогу также продолжала действовать, хотя счет погибших судов приблизился к 50, а те, что добирались до места, шли медленно, расталкивая и ломая лед, обрастая льдом, словно айсберги. К сожалению, все, что могли доставить моряки и летчики для города, в котором кроме защищавших его войск оставалось еще два с половиной миллиона населения, было каплей в море. Гитлеровское командование группы армий «Север» со злорадством наблюдало за страданиями страшного для них Петербурга (так они называли наш город, им представлялось опасным произносить само слово — Ленинград). Фашисты прямо писали, что осажденным остается только погибнуть или сдаться, поскольку «по льду Ладожского озера невозможно снабжать миллионное население и армию».

А. А. Жданов еще в сентябре вызвал к себе руководителей морской обсерватории Балтийского флота, задав им неожиданные, как им тогда показалось, вопросы:

— Когда Ладожское озеро покрывается льдом? Какова толщина ледяного покрова в мягкую, среднюю и суровую зиму? В каком месте лед наиболее надежен? Что вообще известно о Ладожском озере?

Примерно тот же запрос из аппарата Жданова сделали в гидрометеослужбу наземных войск Ленфронта.

Подготовительную работу к строительству ледовой дороги начали еще в октябре. Одним из центров ее стало здание на улице Пролеткульта (теперь улица Толмачева), где до войны размещалось управление шоссейных дорог. Точнее, не само здание, а одна только комната с неизменно раскаленной буржуйкой посередине. Здесь собирались разнообразные данные и сведения о Ладоге и ладожском льде, стекавшиеся из самых разных источников: к работе привлекли научно-исследовательские учреждения. Снова давал себя знать мощный научный потенциал города Октябрьской революции.

Ртутные столбики в термометрах весь октябрь колебались где-то возле нуля, только 28 октября температура наконец опустилась ниже нулевой отметки, а в ночь на 11 ноября резко упала до 21 градуса. Уже 7 ноября, намного раньше обычного, значительная часть Шлиссельбургской губы покрылась плавающим льдом, и 13 ноября, в тот самый день, когда продовольственный паек снова сократили, лед наконец стал.

Около 2 часов ночи 14 ноября начальнику дорожного отделения автодорожного отдела штаба Ленинградского фронта Борису Васильевичу Якубовскому вручили приказ начальника тыла фронта, где говорилось, что ему поручается руководить прокладкой ледовой автомобильной дороги через Ладожское озеро. Днем Якубовский выехал в Осиновец. У ставшего впоследствии знаменитым Вагановского спуска он и его спутники вышли из машины взглянуть на озеро и,

потрясенные, застыли: Ладога привольно катила перед ними свинцово-серые волны, а они уже знали, что это может быть надолго: по многолетним данным, прочный лед устанавливался здесь только в середине декабря. Рыбаки, с которыми они потом беседовали, еще больше укрепили худшие предположения:

— Подсеверок иной раз и в декабре, даже в январе взламывает лед в Шлиссельбургской губе.

15—16 ноября потеплело, но забереги, прибрежная полоса льда, продолжали расширяться, и на лед одна за другой спустились 12 разведывательных групп. 17 ноября, когда мороз уже крепчал, лейтенанту Евгению Чурову (ныне Е. П. Чуров — доктор технических наук, профессор) и трем краснофлотцам удалось добраться до Кобоны, и Чуров, не скрывая торжества, прокричал охрипшим голосом в телефонную трубку:

— Трасса Осиновец — острова Зеленцы — Кобона нанесена на карту.

Через два часа, в 6.00, на западной стороне Шлиссельбургской губы, по Вагановскому спуску у Коккореево, на лед вышел разведывательный отряд во главе с командиром 3-й роты 88-го отдельного мостостроительного батальона Леонидом Николаевичем Соколовым, коренастым, малоразговорчивым человеком. Он пользовался общей любовью, поскольку обладал двумя первейшими для командира качествами: знал дело и был человечным. Как почти весь командный состав батальона, Соколов долгое время работал в ленинградской конторе «Союздорпроект», но, будучи во время советско-финляндского конфликта призванным в армию, сумел поднакопить военного опыта и приобрести военную выправку. В разведывательный отряд брали только добровольцев, из тех, кто физически покрепче. Ни валенок, ни полушубков в батальоне не было, многие ходили в стареньких бушлатах, носили выдавшие виды буденовки, но для разведчиков отыскивали сапоги, шинели и шапки-ушанки. Сверхсуточного пайка, состоявшего из 300 граммов хлеба и считанных граммов сала и консервов,

выдали на каждого по селедке, это рассматривалось как редкая, небывалая тогда роскошь. Солдаты получили винтовки, Соколов раздобыл автомат. Вооружились, конечно, и пешнями, санками с вешками, веревками, спасательными кругами, прихватили несколько пар лыж.

День обещал быть хмурым, облака висели низко, дуло по большей части с озера. Километрах в шести от берега неожиданно потемнело, холодный и резкий ветер усилился, посыпалась снежная крупа, больно хлеставшая в лицо. Потом так же неожиданно все успокоилось, выглянуло солнце, и все увидели впереди темную полосу.

— Вода,— огорченно проговорил кто-то.

— По-моему, это мираж.

— Или просто гладкий лед.

Еще немного — и вот уже четко различаются белые гребешки небольших, но крутобоких волн.

— Рассредоточиться, группами не собираться.

Командиры взводов не без опаски сходятся вместе, лед уже стал не белым, не зеленоватым, а темным: вода в нескольких сантиметрах под ним. Тут же и проводники из местных рыбаков. Один из них, лет 45, настроен пессимистически:

— Мы же говорили вам, а вы все свое: пойдем да пойдем.

Рыбак постарше осторожнее в выводах:

— Думаю, что не обойти нам этой воды. Впрочем, может, где и перехватило. Протока тут, Нева по ней воду из озера высасывает. В иные годы после крещенья промоины появляются. Но пробовать надо...

Соколов уходит искать обход слева с командиром взвода Иваном Смирновым и группой бойцов. Смирнов год назад кончил институт, руководил дорожным участком в Карелии и вместе со своим коллективом сумел отступить оттуда, не потеряв ничего ни из имущества, ни из техники. Осмотрителен, хоть и молодой, с людьми ладит. Вот и сейчас не торопится, идет, постукивая впереди себя наконечником лыжной палки. Палка то здесь, то там пробивает лед, и тогда вверх брызгают маленькие фонтанчики. Постепенно

промоина начинает уходить вправо, и через какое-то время закраины ее смыкаются. Кое-кто из бойцов пытается напрямую пересечь темную полосу тонкого льда, но лед потрескивает, во все стороны змеятся по нему белые трещины. Разведчики в нерешительности отступают, пытаются пройти дальше, но там то же самое.

— Лечь на лыжи надо и переползти,— предлагает кто-то.

— Может, и верно. Ты, Иван, худенький, попробовал бы,— обращается Соколов к Смирнову.

Это звучит как просьба, приказывать Соколов не решается. В Смирнове действительно всего 57 килограммов весу: голодный паек уже дал себя знать. Соорудив из лыж некое подобие саней, Смирнов ложится на них животом и осторожно отталкивается руками. Лыжи скользят лучше не надо, но под темным прозрачным льдом быстроток, Смирнову кажется, что он не только видит, но и слышит, как бежит вода, он инстинктивно притормаживает: кажется, дальше промоина, из которой конечно же не выбраться, затянет под лед в считанные секунды, никто помочь не успеет. Многое забылось за годы, прошедшие с тех пор, забылись фамилии, лица шедших с ними красноармейцев, но уже не Ваня, а Смирнов Иван Иванович, подполковник в отставке, председатель совета ветеранов Дороги жизни, человек, прошедший войну до самого конца, все-таки помнил спустя и 30, и 35 лет это черное змеистое струение под руками, идущий от него смертельный, обжигающий лицо холод...

Это был злополучный девятый километр, который еще поглотит немало жизней во все время существования ледовой трассы, здесь придется постоянно держать спасателей и дорожно-мостовые части, которые будут без конца перебрасывать мосты через новые и новые трещины и разводья. Тогда вслед за Смирновым через потрепавший и гнущийся лед переправился весь отряд.

Ночевали на Зеленцах, по очереди согреваясь кто в стогу сена, кто в землянке, обжитой присланными сюда для какой-то военной надобности

22 июня 1941 г. На Невском проспекте.

Рабочий отряд Кировского завода.
Сентябрь 1941 г.

Жертвы артобстрела на Невском проспекте.

За водой к Неве.

В эвакуацию. 1942 г.

А. А. Жданов и Л. А. Говоров в Смольном.

Продукты для Ленинграда,
доставлявшиеся по Дороге жизни. 1942 г.

Все для фронта!
Женская бригада литейщиц. 1942 г.

Бригада слесарей,
организованная из жен фронтовиков. 1942 г.

Атака.

А. А. Кузнецов и А. А. Жданов на фронте. 1943 г.

Бой ведут партизаны. Партизанский край. 1942 г.

Резервы подтягиваются к фронту. 1944 г.

Наступление войск Ленинградского фронта. 1944 г.

9 мая на Невском проспекте.

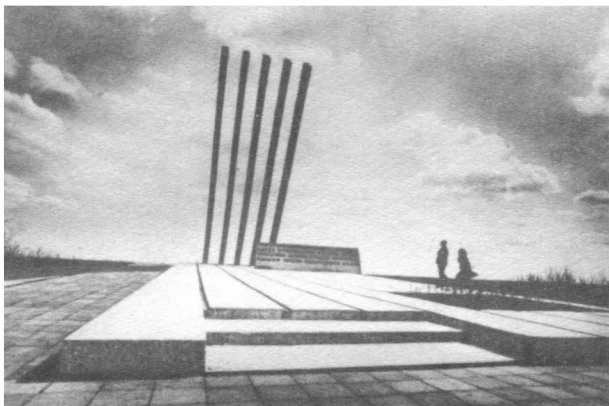

**Ленинградцы пришли на Пискаревское кладбище
почтить память защитников города и жертв блокады.**

Памятник защитникам Ленинграда
на площади Победы.

Монумент на Дороге жизни.

Парад войск на площади Победы.

**Зеленый пояс Славы. Красные следопыты
у памятника защитникам Ленинграда.**

Спуск корабля на Адмиралтейском заводе.

Мирная продукция Кировского завода.
Трактора К-701, готовые к отправке.

Новые кварталы в районе Октябрьской набережной.

Васильевский остров. Морские ворота Ленинграда.

матросами. Утром двинулись дальше и к середине дня разглядели, наконец, таявший на фоне серого неба силуэт кобонской церкви.

Трасса была проложена, обозначена вехами, и 20 ноября по ней отправился спешно собранный конно-транспортный батальон под командованием участника гражданской войны, в прошлом командира эскадрона М. С. Мурова. Лошади истощены, не кормлены, многие еле тянут даже пустые сани. Часть повозок в пути провалилась под лед, утонуло несколько возчиков, но к утру 21 ноября батальон Мурова доставил в Осиневец первые несколько десятков тонн муки. В тот же день, вечером (лед быстро набирал толщину и прочность), по санному следу на восточный берег Ладоги отправилась разведывательная автоколонна из 10 автомашин...

Это была победа, означавшая, что осадное кольцо полностью не сомкнулось. Но настоящей радости она не принесла. Стало очевидно, что перевозки через Ладогу достигнут необходимого размаха не сразу, и с 20 ноября хлебную норму рабочим снизили до 250 граммов в сутки, служащим, иждивенцам и детям — до 125. Каким-либо других продуктов по карточкам выдавалось ничтожно мало. В Смольном знали и отчетливо представляли себе гигантски возросшие трудности и стремились сделать все, что только было в силах, не поддаваясь панике и отчаянию. 24 ноября Военный совет Ленинградского фронта принял постановление строить автомобильную дорогу в обход Тихвина — от Кобоны на восточном берегу Шлиссельбургской губы до станции Заборье, ближайшей из доступных для Ленинграда железнодорожных станций на Большой земле. Путь этот шел по нетронутым, малозаселенным лесным чащобам и непромерзшим до конца болотам. Тысячи колхозников, большей частью женщины, оставив все другие заботы, спешно расчищали эту дорогу от снега, строили новые и ремонтировали старые, обветшавшие мосты.

Продовольствие Ленинграду направлялось со всех концов страны, но прежде всего из ближай-

ших областей: требовалось как можно скорее создать достаточно крупные его запасы. Еще 24 октября, например, исполком Вологодского областного Совета депутатов трудящихся принял решение срочно отправить ленинградцам 470 тонн мяса. В ноябре вологодцы отправили сверх того 3,5 тысячи тонн муки, 100 тонн мяса, 370 тонн масла, 50 тонн сгущенного молока, 26 тонн сыра. Железная дорога, однако, не справлялась с перевозками, и 25 ноября в Вологду выехал второй секретарь Ленинградского обкома партии Терентий Фомич Штыков: в прошлом токарь, потом секретарь комсомольской организации на Пролетарском заводе в Ленинграде и, наконец, партийный работник, человек живой, деятельный и энергичный. Беседуя с секретарями Вологодского обкома партии, Штыков прямо говорил о трагическом положении ленинградцев.

Штыкова заверили:

— Сделаем все возможное, а если надо, и невозможное.

То, что дорога перегружена, было только частью проблемы, эту трудность преодолели сравнительно легко: эшелоны, направлявшиеся к Ленинграду, стали нумеровать специальной цифрой «97» или просто писали на вагонах: «Продовольствие для Ленинграда!» Такие составы пропускались вне всякой очереди. Поезда, однако, часто и надолго останавливались из-за нехватки топлива. Тогда по призыву вологодских коммунистов жители сел и деревень, расположенных поблизости от железнодорожных станций, выходили на заготовку дров, из окрестных лесов к железной дороге потянулись санные обозы. Их вели женщины, старики, мальчишки. В мороз, в пургу, в любую погоду.

Многое из того, что делалось тогда на транспорте, требовало не просто каких-то дополнительных усилий, а самой высокой степени самоотверженности. Коллектив Даниловского депо Северной железной дороги постановил водить эшелоны с продовольствием для ленинградцев прямо до Череповца без заправки в Вологде.

К тендеру паровоза цепляли цистерны с водой и открытый полувагон с дровами. В полувагон садились несколько человек, в пути они вручную перебрасывали дрова в тендер, часами оставаясь на морозном ветру, не имея возможности ни согреться, ни отдохнуть. Эшелоны с продуктами для ленинградцев непрерывным потоком устремились к Заборью и Подборовью, где располагались тыловые базы Ленинградского фронта еще до того, как там стало иссякать продовольствие. Патриотическое движение, целью которого была всемерная помощь Ленинграду, приобретало подлинно всенародный характер.

Соотношение сил у Волхова и Войбокало, где фашисты пытались прорваться к Шлиссельбургской губе, а также под Тихвином тем временем медленно, но неуклонно менялось. Наступление, которому предстояло завершиться одной из первых крупных побед Красной Армии и стать важным переломным моментом в битве за Ленинград, развертывалось словно бы исподволь, фашистская оборона прогибалась, но сохраняла целостность. О примечательном эпизоде тех дней рассказывает в своих мемуарах П. К. Кошевой, впоследствии Маршал Советского Союза, а в то время полковник, командир 65-й стрелковой дивизии, прибывшей из Забайкалья. Его дивизия наступала на южную окраину Тихвина. Бой шел неподалеку от командного полевого пункта, на котором находился комдив. Когда Кошевому передали, что с ним будет говорить товарищ Иванов, он не сдержал досады:

— Делать им там, в штабе, нечего, нашли время.

Голос прозвучал в трубке глуховатый и, похоже, с акцентом:

— Здравствуйте, товарищ Кошевой!

Телефон был укреплен на дереве, близкая перестрелка и взрывы заглушали голос, и Кошевой снова поморщился, ему не очень нравилось столь церемонное обращение. Но дисциплина есть дисциплина, он ответил:

— Здравствуйте! Я вас слушаю!

Собеседник его по-прежнему был нетороплив, и чувствовалось, привык, чтобы его слушали внимательно:

— С Тихвином пора кончать, товарищ Кошевой! Желаю вам успеха.

Кошевой успел подумать, что голос ему знакомый, но его сразу отвлекли; повесив на рычаг трубку, он снова занялся боем. Прошло еще какое-то время, ему позвонил командующий 4-й армией К. А. Мерецков:

— Говорил с тобой Иванов?

— Говорил.

— А ты знаешь, кто такой Иванов?

— Как не знать: Иванов из нашего штаба.

— Да что ты! Звонили из Ставки!

— Кто же? Маршал Шапошников?

— Еще выше...

Тогда только Кошевой понял, что разговаривал со Сталиным.

В ночь на 9 декабря подразделения 4-й армии выбили наконец из Тихвина отчаянно упиравшихся гитлеровцев, и они побежали, бросая технику, имущество, устилая трупами пути отхода. 4-я, 52-я, 54-я армии были теперь в движении. Держались 30—40-градусные морозы, леса и дороги тонули в снегах, но наши части упорно пробивались вперед, глубоко в тылы врага уходили лыжные отряды. Над волховско-тихвинской группировкой противника нависла реальная угроза полного окружения, и оккупанты с лихорадочной поспешностью отводили свои войска. 27 и 28 декабря 4-я и 52-я армии достигли восточного берега Волхова, а 54-я армия — железной дороги Мга — Кириши. Фашисты откатились на 100—120 километров, на те самые рубежи, с которых начинали осеннее наступление на Тихвин и Волхов. Что самое важное, железнодорожная ветка Тихвин — Волхов была очищена еще 19 декабря. Отпала надобность в мучительно-трудной автодороге от Ладоги к Заборью (она к этому времени уже действовала, автомашины пусть с трудом, затрачивая на 620-километровый рейс туда и обратно по 10—20 суток, но все же везли и везли продовольствие). Теперь поезда с Боль-

шой земли снова могли следовать до станции Войбокало, а там Ладога, можно сказать, рядом.

Разгром гитлеровцев под Тихвином не остался частным, чисто ленинградским событием. Достигнутый здесь успех способствовал контрнаступлению под Москвой. Лееб окончательно впал в немилость у Гитлера, командующим группы армий «Север» стал генерал-полковник Кюхлер. 18-я армия, которой он командовал до нового назначения, в мае 1940 года в считанные дни разгромила Голландию и Бельгию и победно закончила кампанию у Дюнкерка, где были сброшены в море английские экспедиционные войска. Теперь Кюхлеру поручалось уморить Ленинград голодом.

Город переживал трагические дни.

Еще в ноябре повсюду, кроме самых ответственных учреждений и организаций, погас свет: большинство крупных электростанций, снабжавших ленинградцев энергией, находились в руках врага. Керосин последний раз выдали в сентябре, а значит, обычные тогда в каждой семье примусы, керосинки, керогазы стали бесполезными.

Центральное отопление тоже, конечно, перестало действовать, но это еще полбеда, поскольку большинство домов, в том числе многоэтажных, отапливалось печами; хуже, что не было дров, а морозы стояли лютые: в январе среднемесячная температура упала до минус 18,7 градуса против 7,2 за предшествующие 50 лет.

Практически единственным осветительным прибором повсюду была теперь коптилка — крохотный фитилек над баночкой, заполненной какой-нибудь горючей жидкостью. Обычные печи, не говоря уже о каминах, тоже оказались крайне неэкономичными, их заменили железные «буржуйки»; из зашторенных, заклеенных крестнакрест полосками бумаги, а еще чаще забитых фанерой окон всюду теперь выглядывали трубы, которые чуть заметно дышали легким, расчетливо экономным дымком. Старые газеты и журналы израсходовали быстро, «буржуйки» приня-

лись пожирать старинные комоды, шкафы, библиотеки, топливо приравнивалось по ценности к хлебу. Постепенно переставала поступать вода, выходила из строя канализация, нечистоты выливались во дворы.

В начале декабря окончательно остановились пассажирские трамваи (грузовые ходили кое-где еще в январе). Обессиленным ленинградцам пришлось преодолевать пешком большие расстояния, а это означало часы и часы ходьбы — с остановками, передышками, со счетом метров, шагов, каждого пройденного отрезка.

Город казался черным. Черные сугробы на перекрестках. Узкие тропочки вдоль домов. Снежные шапки на трамваях и троллейбусах. Черные, словно ослепшие окна. И тишина. Глухая, беспробудная тишина в перерывах между налетами и обстрелами. Молчаливые дома. Закутанные люди. Только четкий, мерный стук метронома из репродукторов на перекрестках. Словно тяжелые свинцовые капли падают и падают в отдающую эхом бездну. Люди останавливаются, подолгу слушают этот стук. Как музыку. Как надежду. Значит, живет еще город, поддерживается в нем порядок и есть у него сила.

Беспощадность голода осознавалась не сразу. Когда заместителю начальника Управления ленинградской милиции Ивану Алексеичу Аверкиеву доложили, что прямо на посту умер от голода милиционер, охранявший Володарский мост, Аверкиев не поверил:

— Не может быть! Он ведь сам дошел до моста?

— Сам. Утром заходил в отделение.

Экспертиза подтвердила: ошибки нет, дистрофия сердца. Всего в ноябре голод унес свыше 11 тысяч жизней, в декабре — почти 53 тысячи. Люди, пока это были чаще всего мужчины и мальчишки-подростки, падали, замерзали на улицах, в парадных, угасали в постелях или даже сидя на стуле, у «буржуйки». Вымирали целые семьи.

Движение по ледовой дороге через Ладогу налаживалось трудно, в первые две недели ее

существования застряло, утонуло или было разбито вражеской авиацией 126 автомашин. Только в двадцатых числах декабря привозить продовольствия стали чуть больше, чем расходовать. Вечером 24 декабря на заседании Военного совета Ленинградского фронта А. А. Жданов предложил увеличить нормы выдачи хлеба рабочим и инженерно-техническим работникам на 100 граммов, остальным — на 75. Для многих это предложение прозвучало неожиданно: никаких запасов город не имел, хлебозаводы снабжались с колес. Даже кое-кто из членов бюро и Военного совета с некоторым удивлением смотрел сейчас на Жданова: уже в который раз он раскрывался с какой-то новой для всех стороны. Осмотрительность, стремление заранее все оценить и взвесить составляли, казалось бы, основу ждановского характера, подкрепленную огромным политическим и организаторским опытом. На что же надеется этот неторопливый, очень спокойный, предельно выдержанный человек? Значит, уверен, что перевозки по ледовой дороге теперь ничто не нарушит, они будут расти, должны расти, и надо пойти на все, чтобы обеспечить новую норму, костями лечь, но обеспечить и спасти десятки тысяч жизней. Так думал каждый, так каждый понимал Жданова. Общее мнение было единодушным:

— Риск есть, но рисковать надо.

Сообщение о прибавке хлеба подняло с постелей даже тех, кто уже не надеялся встать. Люди выходили на улицы, плакали, обнимались. Вслед за победой под Тихвином прибавка казалась закономерной, рождалась надежда, что скоро, совсем скоро все будет, как прежде: и белые булки, и колбасы в витринах, и дымящиеся тарелки настоящего мясного супа в столовых, и буханки настоящего хлеба, нарезанного ломтями,— бери, сколько хочешь...

Для сотен тысяч ленинградцев хлебная добавка была спасением. Для сотен тысяч, но далеко не для всех. Многим уж ничто не могло помочь, любые принятые меры для них запоздали, да и сами по себе 200 граммов хлеба, пола-

гавшиеся служащим, иждивенцам и детям, не обеспечивали безусловного спасения от голодной смерти. В январе она стала добираться до женщин и девушек, оказавшихся биологически более стойкими, чем мужчины и мальчишки-подростки. Заболевание дистрофией приняло массовый характер. Многие поначалу, особенно женщины, распухали, ноги их делались тумбоподобными, лицо отекало, глаза заплывали. Потом люди начинали усыхать и усыхали до синевы в лице, до пергаментной желтизны, превращаясь в живые мощи.

Обнаружилось, что голод способен притупить разум, волю к сопротивлению. В декабре уже многие не прятались от обстрелов не только потому, что привыкли и сердце свое закалили мужеством — люди перестали воспринимать опасность.

И все-таки в массе своей в главном, существенном уходящие из жизни ленинградцы превозмогали себя: умирая, на грани самой смерти они оставались людьми, всеми силами стремились сохранить нравственную чистоту, крепость и чистоту духа. В ленинградских квартирах рядом с удушенными голодом матерями находили живехоньких, тепленьких, тщательно укутанных, точно посылки в будущее, ребятшек.

Впрочем, сила и могущество материнского инстинкта закладывается природой в самих генах. Примечательно, что до последнего смертного мига ленинградцы вели себя как люди коммунистически убежденные, как советские патриоты. В январе и феврале в партию вступило свыше 1400 ленинградцев. Кировский завод потерял в первую блокадную зиму от голода и убитыми при обстрелах и бомбежках 400 коммунистов, но на смену им в партию пришли 600 человек. В Московском райкоме партии до сих пор рассказывают ставшую легендой, но подлинную историю об одном из секретарей партийных организаций. Он принес взносы, собранные им, ведомость, положил то и другое на стол секретаря райкома и тут же попрощался, торопился уйти.

И сделал несколько шагов по направлению к двери, но, видно, в этот свой последний поход он вложил всю жизненную силу, которая в нем еще теплилась. Он покачнулся и вдруг стал оседать. Умер.

Пожалуй, никогда еще ленинградцы не мечтали о будущем с такой страстью и с такой, я бы сказал, иступленностью, как в квартирах, где на стенах проступал иней и где часто не было другого света, кроме колеблющихся отблесков пламени от огня в железной «буржуйке». Мечтали не только о тех близких, как всем думалось, днях, которые последуют сразу за прорывом блокады... Мечтали о мире, мирном строительстве, о коммунизме. Пусть не для себя. Уже не для себя. О будущем для будущих поколений. И жертвовали собой ради них. Вот уж когда поистине материальное воплощение обрела та истина, что советский человек, советский образ жизни — главное достижение и завоевание Советской власти.

И сейчас еще мы сами нередко не сознаем, что стали совсем другими, для многих это становится очевидным только при соприкосновении с чуждым миром. Уже после войны три английских биолога — С. Харланд, Ц. Дарлингтон и Д. Гексли написали, будто бы всемирно известная коллекция Всесоюзного института растениеводства съедена «обезумевшими» от голода людьми: в этой коллекции, созданной академиком Н. И. Вавиловым и его учениками, насчитывалось перед войной свыше 200 тысяч образцов семян почти всех известных человечеству съедобных растений. Ее по справедливости называют алмазным генетическим фондом сельского хозяйства страны. Думается, что ни один из этих ученых к буржуазному пропагандистскому аппарату прямого отношения не имеет, и, вероятнее всего, это не было умышленной, заведомой ложью. Они просто были убеждены, что иначе не могло быть, для них не существовало никаких других вариантов.

В нашей печати не раз уже рассказывалось, как удалось сохранить коллекцию, и здесь хоте-

лось бы только напомнить об обстоятельствах, сопутствовавших смерти ученых, совершивших этот поистине беспримерный подвиг.

Александр Гаврилович Щукин, работавший еще в министерстве земледелия царской России, выделялся прежде всего своей аккуратностью и педантичностью, которые порой даже раздражали его коллег. Занимался Щукин проблемой уничтожения грызунов и других вредителей сельского хозяйства. Товарищи его и в блокаду продолжали трудиться над диссертациями, монографиями, докладами. Занимались, конечно, и подготовкой дублетной коллекции, рассчитывали переправить ее самолетом на Большую землю. Щукин весь ушел в эту работу. В институт являлся ровно в девять, раз только не смог сам подняться на второй этаж. Через несколько дней, в декабре, его нашли мертвым за своим рабочим столом. В руках у него был какой-то пакетик; когда разжали пальцы, увидели: в пакетице зерна миндаля.

Дмитрий Сергеевич Иванов заведовал секцией риса. Участник гражданской войны, за отличие при форсировании Березины в 1920 году был награжден орденом Красного Знамени. Незадолго до его смерти к нему домой зашла одна из сотрудниц института. В полубреду он попросил:

— Галюша, мне бы сахарку самую малость. Худо мне, худо.

В распоряжении Иванова были пуды риса, и всего несколько дней назад он тоже комплектовал дублетную коллекцию. Ему даже не пришло в голову взять хотя бы горсть спасительного белого зерна...

В условиях, не совместимых, если говорить языком науки, с жизнью, исполнение самых обычных обязанностей становилось подвигом, и подвиг этот был массовым. Практически все пусть из последних сил, но продолжали работать там, где работали. Большинство предприятий из-за острой нехватки электроэнергии пришлось законсервировать, и все-таки за три трагичных

блокадных месяца — с января по март 1942 года — ленинградская промышленность поставила фронту почти 58 тысяч снарядов и мин, свыше 160 тысяч гранат, свыше 80 тысяч взрывателей. Только в январе и феврале на Большую землю отправили без малого шесть с половиной тысяч тонн грузов, в том числе различные приборы, телефонную аппаратуру, аккумуляторы, заряжающие устройства, инженерное и обозно-вещевое имущество.

«Ленинградскую правду» не удалось отпечатать один-единственный раз — 25 января: номер набрали, сверстали, но прекратилась подача электроэнергии. Ни на один день не замолкало радио, в те дни оно стало, пожалуй, главным, а для многих единственным средством информации. В 39 школах, в университете, Политехническом институте, Горном, в Институте инженеров железнодорожного транспорта не прерывались занятия. Зимой 1941—1942 года дипломы ленинградских вузов получили две с половиной тысячи молодых специалистов. В университете зачетная сессия проводилась с 18 января, студенты сдали 446 зачетов и 359 экзаменов, оценки выставлены были такие: отлично — 265, хорошо — 83, удовлетворительно — 11.

— Герои были все, не помню я малодушных. Не верилось, что нас победят. Мы все так думали, что непобедимые. Не думали им поддаться... А они-то уверены были, что одолеют нас, листовки сбрасывали: «Чечевицу доедите — Ленинград, Москву сдадите!»

Мария Ивановна Левченкова, с которой мы беседуем в ее квартире, задумывается:

— Только вот помню плохо, как все было. Может, оттого, что осколок у виска. Так с тех пор и остался. Сначала не знала. Лет 15 спустя обнаружили. Ну, да думаю, пусть остается, раз столько был со мной.

В ту зиму она была еще совсем молодой женщиной, но уже коммунистом и мастером. На заводе «Севкабель», том самом, что стоит на вы-

ходе из Невы в залив. У гитлеровцев он был на глазах, они нещадно его бомбили и обстреливали, стекла в оконных проемах все вылетели. В цехах лежали горы битого кирпича, осыпавшейся штукатурки. Энергии нет. Мороз в цехах, как на улице. У людей сил все меньше. Умирают,

— Идет потихоньку, потом упал — и нет его. Тех, кто умирал, мы на залив относили, за заводоуправление. Там у нас морг был, на берегу залива.

Все это время пусть понемногу, но завод какую-то продукцию давал. В январе Военный совет Ленинградского фронта поручил его коллективу изготовить голый медный провод для воздушной линии, по которой ток Волховской ГЭС пошел бы в Ленинград. На заводе тогда удивились:

— Под Волховом идут бои, оборудование Волховской ГЭС, как мы слышали, демонтировано.

Приехавшие на завод представители Ленгорисполкома и Ленэнерго успокоили собравшихся рабочих:

— Положение там обнадеживающее. Станцию уже разминируют. И посланы телеграммы с распоряжением вернуть обратно отправленные на восток турбины и генераторы.

Тогдашний секретарь заводского парткома Алексей Васильевич Глотов подтвердил:

— Отбросили фашистов от Волхова, им теперь не достать до нашего первенца ГОЭЛРО...

Левченкова жила по соседству с заводом, у нее была небольшая комнатка, но она приходила туда только спать, а так все время на заводе. И на ночь часто оставалась, если посылали дежурить на крышу; вначале пугалась, когда видела перед собой брызжущую огнем зажигалку. Потом научилась, схватив ее за стабилизатор, сбрасывать на землю.

Впрочем, сама Левченкова никому о первых своих страхах не говорила, не могла бы сказать, на заводе ее считали исключительно смелой женщиной. Помнили, что в 1940 году она вернулась

из-под Выборга, где служила в госпитале сандружинницей, с медалью «За отвагу». Прямо скажем, редкая среди женщин награда, но Мария Ивановна считает, что она досталась ей не за какую-то особенную храбрость, а за старательность. Это вот было. Однажды даже свалилась в беспамятстве. Позвали врача. Тот ее осмотрел, послушал. Усмехнулся невесело:

— Здоровая она. Переутомилась только. Дайте поспать.

Она спала тогда два часа подряд, больше нельзя было, привезли новую партию раненых.

На заводе все это помнили, потому, наверное, избрали председателем цехового профсоюзного комитета. Еще забот прибавилось. Ходила по квартирам, в общежитие; придет, а там все открыто, люди в постелях, мертвые рядом с живыми. Печь растопит, за водой ходит, хлеб выкупит и принесет. Вместе с врачом отбирала, кого эвакуировать: смотрели прежде всего, чтобы доехать мог, не умер бы в пути.

— Я-то не собиралась уезжать, город ведь оборонять надо. Я была ничего, держалась. Молода. И хлеб рационально расходовала. Другие возьмут, выпросят сразу за всю неделю — и съедят. Я как-то делила. Больше пайка в день не употребляла. Вот как бомбить начинали — съедала: вдруг убьют, а ты не доешь, радости последней не испытаешь. А потом терпеть стала. Бомбят не бомбят — не трогаю хлеб...

Фигура у Марии Ивановны еще подтянутая, несмотря на возраст и пережитую блокаду. Только вот лицо неулыбчивое. Сейчас-то черты его стали помягче, чем прежде. У нее дружная семья: муж, дочь на «Севкабеле» работает, зять, внуки. В доме достаток, квартира хорошая, на пенсию проводили с почетом, и на партийном учете она по-прежнему на своем заводе. Сложилась жизнь, словно оттаивать начала теперь Мария Ивановна, хоть и здоровье уже не то. Если же посмотреть на прежние фотографии, когда она помоложе была и когда на ней еще были все семейные заботы и целая цеховая смена (с 43-го года она так и работала старшим мастером на

«Севкабеле»), — на тех, прежних фотографиях она вся еще в строгости, вроде бы даже суровость застыла в ее взгляде.

— В январе-то мы вручную кабель свивали. И одновременно оборудование к работе готовили, — снова мысленно возвращается в прошлое Мария Ивановна.

Процесс изготовления кабеля сложный, работа на многих машинах требует большой физической силы, но мужчин почти нет, их везде заменили женщины. Втроем, вчетвером трудились, где мужчина в одиночку справлялся. Терпением брали, неотступностью. Прямо в цехе умерла Мария Коваленкова, ее тут же заменили соседки. Архелая, или, как ее звали, Алла Зуева, и Елизавета Фролова освоили скрутку кабеля — самую тяжелую, до войны чисто мужскую операцию.

— Это мы старыми запасами жили, — уточняет Левченкова. — Прокатный стан еще не пустили.

Утром 5 марта 1942 года директора завода А. К. Козловского и главного инженера Д. В. Быкова, пришедшего на завод еще в 1925 году рядовым сотрудником лаборатории, вызвали в Смольный. На совещание собрались члены бюро обкома партии, Военного совета фронта, представители Ленэнерго. С коротким сообщением выступил А. А. Жданов:

— Совет Народных Комиссаров принял решение о восстановлении Волховской ГЭС, это почетное и ответственное задание выполняет коллектив «Электросилы». Первые генераторы дадут ток не позднее сентября — октября. Прибывший к нам в Ленинград Алексей Николаевич Косыгин, уполномоченный Ставки Верховного Главнокомандования, поручил нам выяснить, каким путем мы сможем передать энергию Волховской ГЭС в Ленинград.

Первым предложением было:

— В лед вморозить опоры. На них и навесить...

Жданов, страдавший астмой, судорожно глотнул воздух. Помолчав, спросил:

— Значит, зимы ждать? А если Ладога в январе замерзнет?

Слово попросил Дмитрий Вениаминович Быков:

— Может, проложить кабель по дну Ладоги? В принципе подводные силовые кабели существовали и существуют. Расстояние здесь, правда, больше обычного, но это уже чисто техническая трудность...

Такое решение и приняли. Мера ответственности коллектива «Севкабеля» сразу же возросла неизмеримо, сложность задания тоже: теперь требовалось изготовить не только голый силовой провод, но еще и подводный кабель. И не когда-нибудь, а в жесткие даже для нормальных условий сроки. Остатки катанки, из которой скручивали в январе и феврале медный провод, кончились. Нужно пускать горячепрокатный стан, а он весь покрыт гребенкой ледяных сосулек, в котлованах под станом и в траншеях тоже сплошной лед. Установили в прокатном цехе сделанные из металлических бочек печки, подали в траншеи пар, принялись очищать их ото льда, снега, окалины. Опытных прокатчиков осталось всего семь человек. Новую бригаду, которой предстояло обслуживать станы, на треть сформировали из женщин, которых прежде здесь и близко не было...

— Пустили стан. Все нашли, что надо, и все пустили, выполнили задание. Я говорю же, герои были,— снова повторяет Мария Ивановна.— Не думали поддаваться фашистским гадам. Верилось, что победим. Как это не победить!?

Сестрорецкий инструментальный завод имени Воскова оказался в полосе линии фронта, и все его оборудование, которое не успели вывезти на Большую землю, пришлось перебазировать в Ленинград, в основном на территорию «Красного инструментальщика», в Смольнинский район. В Сестрорецке грузились под минометным огнем. На «Красном инструментальщике» работать приходилось под бомбами и снарядами.

Уже в ноябре здесь вышли из строя центральные котельные, печи-временки обогреть цеха не могли, но все равно работа продолжалась круглосуточно, большинство рабочих на заводе и ночевали, так что в скором времени восковцам удалось наладить серийное производство пистолета-пулемета системы конструктора В. А. Дегтярева, ставшего потом широкоизвестным автоматом ППД; к 25 декабря их было передано Ленинградскому фронту свыше 4 тысяч. В ночь на 30 декабря погас свет, остановились станки: на электростанции кончился уголь. На завод как раз прибыли за очередной партией оружия военные, они торопили рабочих, и начальник цеха Алексей Андреевич Чернышев пошел звонить в военный отдел обкома партии. Чернышев ослаб, шел медленно и когда, наконец, передохнув, взялся за трубку, в цехе вдруг снова зарокотал станок. Чернышев повесил трубку, поднялся, щелкнул выключателем: не горит. Что такое? Откуда энергия? Он пошел в цех, запахло керосином, горели керосиновые лампы. Но ведь не на керосине же они запустили мотор. Нет, конечно! Рабочие крутили приводной ремень токарного станка вручную. Сил им не хватало, и они непрерывно сменяли друг друга, каждые три минуты. Заказчики явились в цех утром, точно в назначенный час. Чернышев ничего не стал говорить им: у них там не легче. Сказал просто:

— Берите, что вам положено. Мы успели.

Потом удалось договориться с мастерскими Ленэнерго, где работал движок. Из района Смольного, неподалеку от которого располагался «Красный инструментальщик», до Марсова поля путь не близкий; детали, предназначенные для обработки, возили на санках. Лена Кириллова возила, фрезеровщица, ее добросовестность и старательность всем хорошо запомнились. Старший мастер П. И. Васильев, слесарь-сборщик Федор Коновалов... Возили до тех пор, пока однажды вдруг не увидели: нет больше мастерской в Ленэнерго, разрушена бомбой. Что делать? Снова стали крутить станки вручную.

На Металлическом заводе к началу февраля остался 131 человек, в том числе способных мало-мальски продуктивно работать не больше 25. Поэтому, когда поздно вечером 5 февраля уполномоченному заводу по ремонту танков Антону Федоровичу Соколову сообщили, что к ним прибывают танки, он тяжело вздохнул:

— Некому работать.

— Надо, пойми,— сказал директор Григорий Иванович Седов, в прошлом секретарь заводского парткома.— Вместе с танками танкисты придут, помогут, а нам следует по домам пойти, собрать специалистов.

Утром Соколов, действуя вместе с партийной, профсоюзной организациями цеха, во все концы города разослал кто посильнее был с повестками, в которых говорилось: «Товарищи! Явитесь на работу по получении повестки. Поступил срочный фронтвой заказ. Вы будете снабжаться дополнительно питанием. Немедленно явитесь». Сам Соколов поднялся на четвертый этаж, где еще осенью было устроено общежитие. Жил там и рабочий Кировского завода Федор Васильевич Задворный. Сын его Владимир уже умер от дистрофии, сам он тоже слег.

— Федор Васильевич! Танки разгружают, а ремонтировать некому. Ты коммунист...

— Помню, что коммунист, но...

Задворный уже поднимался, жена подала ему палку, он, пошатываясь, пошел вместе с Соколовым, рука об руку и спустились в цех.

Танки прибыли на 13 платформах, к вечеру 6 февраля их расставили в главном пролете и начали ремонтировать, закрепив за каждым опытным рабочим группу бойцов. Блокадники работали из самых последних сил в самом точном смысле этого выражения. Прямо в цехе умерли Власов и Румянцев. Задворного подвели к танку под руки. Не могли без помощи влезть на танк и Семченко, Васильев, Добрецов, красноармейцы подсаживали их. Однажды Семченко, занятый на испытании машин, вовсе не пришел на завод. Жил он далеко, у Балтийского

вокзала, и Соколов на автомашине поехал за ним. Семченко он увидел сразу, как только вошел в его квартиру: тот пытался ступить на встречу, но ноги подкосились.

— Федор, дорогой, что с тобой?

— Ноги не держат. Прости!

Семченко положили в заводской стационар. Чуть-чуть окрепнув, он сразу вернулся в цех и ночевал в цехе, домой поехал только после того, как было выполнено месячное задание. Вернулся через считанные часы.

— Что так скоро? Семье бы помог!

— Некому помогать: жена умерла, ребенка отдал в ясли.

Блок-станция Металлического завода была едва ли не единственной заводской электростанцией в Ленинграде, которая не останавливалась ни на час в течение всей блокады. Когда однажды главный механик завода Георгий Андреевич Кулагин (после войны он станет руководителем одного из крупнейших объединений, напишет талантливые воспоминания о блокаде) внезапно проснулся среди ночи, в первую минуту он даже не понял, что его разбудило. Тихо: ни налета, ни обстрела. Ах, вот оно что: еле светится тусклая нить лампочки. Скорее в машинный зал, к турбине.

— Почему не работаете? Воду упустили! К утру надо отправить на фронт два танка.

Трое кочегаров сидят у стены, бессильно свесив руки. Отвечает один — Минаков:

— Сил совсем нет!

Кулагин и подоспевший сюда 60-летний старший мастер Михаил Петрович Барабанов сами берутся за шуровки. Сил у них тоже мало, а опыта вовсе нет, но в топке, где уголь успел почернеть, все же начинают оживать синие и желтые огоньки. Минаков наконец встает, за ним два других кочегара.

— Спасибо. Мы отдохнули.

Кулагин спешит в конторку дежурного инженера доложить обстановку директору. Лампочки горят уже ярко, но Барабанов почему-то все еще не подал энергии в цехи.

— Где Барабанов? Что он медлит?

Вопрос обращен к дежурному инженеру, только что вернувшемуся из машинного зала. Дежурный инженер отвечает после некоторой паузы, ему трудно говорить:

— Барабанов понес с углевозами кочегара в поликлинику. Только бесполезно это. Умер он...

— Кто он?

— Минаков.

Тот самый, с которым Кулагин и Барабанов только что разговаривали...

Еще в середине декабря Верховное Главнокомандование рассчитывало осуществить деблокаду Ленинграда силами трех фронтов — Ленинградского, Волховского и Северо-Западного. 20 декабря войска стоявшей в районе Колпина 55-й армии пытались пробиться к Красному Бору и Ульяновке на железнодорожной линии Ленинград — Москва. В первых числах января начала боевые действия 54-я армия, находившаяся по ту сторону кольца, к югу от Ладожского озера. 7 января перешли в наступление Волховский фронт и армии правого крыла Северо-Западного фронта.

В действие были введены большие массы людей и техники. Снова рождалась надежда, что блокада наконец-то будет прорвана. Ленинградская поэтесса Вера Инбер писала в своем дневнике: «И все же говорят, что части генерала Мерецкова 10 января будут в Ленинграде. Ну пусть не 10, а 15, 20, в конце января, но только пусть будут. Ничего более потрясающего, чем эта встреча города и армии, вероятно, не было и не будет в истории».

Бои приняли, к сожалению, затяжной, кровопролитный характер. Прорвать вражеские укрепленные линии удалось только в двух местах: 2-я ударная армия к концу января углубилась в направлении к Ленинграду на 75 километров, подступила к Любани и перерезала железные дороги из Новгорода на Ленинград и на Чудово. В начале марта 22-километровый клин, тоже

в сторону Любани, врубила в немецкую оборону 54-я армия. Фашистам, оставшимся в районе Киришей, Чудова и Любани, грозило окружение, но они упорствовали; чтобы отстоять их, новый командующий группой армий «Север» генерал Кюхлер бросил в бой все резервы, прибывшие в его распоряжение из Западной Европы: бригаду и семь дивизий. Сомкнуть горловину у Любани наши фронты не смогли.

Судьбу Ленинграда по-прежнему решала ледовая ладожская дорога, а она еще не обеспечивала город даже минимально необходимым. Наконец 1 января в 5 утра первый поезд прошел по только что восстановленным мостам через реки Лынна и Сясь, и линия Тихвин — Волховстрой — Войбокало — Жихарево вступила в строй, пробег автомашин от железнодорожных перевалочных баз до восточного берега Ладоги сократился почти в четыре раза — со 190 километров до 55. Толщина льда уже достигла метра, по Ладоге проложили пять параллельных трасс — две для подвоза продовольствия, две для боеприпасов, вооружения, технического имущества и одну запасную. 4 января Военный совет Ленинградского фронта постановил довести количество автомашин на ледовой трассе с 5 января до 1500 (в пересчете на полуторки), а к 1 февраля — до 2 тысяч. 5 января А. А. Жданов обратился с письмом ко всему личному составу автомобильной дороги через Ладогу: «...снабжение Ленинграда и фронта все время висит на волоске, а население и войска терпят невероятные лишения. Это тем более нетерпимо, что грузы для Ленинграда и фронта имеются... Все, от кого зависит нормальная работа дороги... — каждый на своем посту должен выполнять свою задачу, как боец на передовых позициях».

Грузов на базах за Ладогой действительно скопилось немало: не хватало самого необходимого, голодно было всюду, но заботу о снабжении Ленинграда взяла на себя вся страна, его нужды и потребности учитывались в первую очередь и вне всякой очереди. Организацией снабжения Ленинграда занимались заместители

Председателя СНК СССР Н. А. Вознесенский, А. Н. Косыгин, А. И. Микоян, другие видные деятели партии и правительства. Фонды, выделяемые государством, пополнялись подарками, стекавшимися со всех концов страны. В Приморье их начали собирать по призыву коллектива Владивостокского торгового порта. 25 декабря из Владивостока отправили в Ленинград целый эшелон с продовольствием, теплыми вещами, различными предметами личного обихода. Сотни вагонов, груженных подарками, поступали из Башкирской, Татарской, Чувашской АССР, из Карелии и Средней Азии, из Ярославской, Вологодской, Мурманской, Горьковской, Омской, Саратовской и многих других областей и республик. В Киргизии открыли особые счета в банках, куда поступали деньги на продовольствие для ленинградцев.

Да, все зависело от ледовой трассы, она действительно становилась Дорогой жизни. Сегодня это название кажется несколько романтизированным, а тогда оно отражало суровую, даже больше — жестокую истину: каждый дополнительный рейс спасал чьи-то жизни. В ночь на 6 января с письмом А. А. Жданова политработники выехали на Ладогу. 6 и 7 января там были проведены митинги, партийные, комсомольские собрания, собрания личного состава. Городской комитет партии послал 80 коммунистов комиссарами автомобильных колонн и 700 агитаторов с ленинградских заводов.

В середине января по постановлению ГКО началось строительство железнодорожной ветки от станции Войбокало к восточному берегу Ладоги, и 5 февраля поезда по ней пошли до Лаврова, 20 февраля — до Кобоны, 6 марта — до оконечности песчаной косы; пробег автомашин сократился более чем в два раза. Развернулось соревнование среди водителей, все больше появлялось двух- и трехрейсовиков, то есть водителей, совершавших по два-три рейса в сутки: в январе их было 315, а в марте — уже 982, плюс к этому 100 водителей успевали сделать по четыре и даже по пять рейсов.

Эвакуация населения по ледовой дороге, как свидетельствует начальник эвакупункта Л. А. Левин, началась 2 декабря, но в декабре и за первые две декады января удалось перевезти на восточный берег Ладоги чуть более 21 тысячи человек. 19 января 1942 года в Ленинград был направлен уполномоченный Государственного Комитета Обороны, заместитель Председателя Совнаркома А. Н. Косыгин. Вместе с ним прибыла группа ответственных работников Совнаркома и Московского комитета партии — И. М. Андреев, А. С. Болдырев, А. К. Горчаков, А. Г. Карпов, А. Ф. Куранчев, Г. А. Малявин, А. М. Протасов. Ленинграду выделялось дополнительное продовольствие, топливо, горючее, транспорт. Московский горсовет передал для ладожской трассы 40 автобусов, нагрузив их шоколадом, концентратами, сахарином и другими продуктами, и 100 грузовых автомашин: на каждом автобусе и на каждой автомашине, чтобы обеспечить их круглосуточную работу, было по два водителя. 200 грузовых автомашин прислал Горький, 60 — Ярославль.

В первый рейс из Ленинграда вновь прибывшие автобусы отправились ранним утром 20 января: погода стояла хмурая, падал редкий снежок. Буквально через несколько часов стало очевидно, что ленинградцам трудно выдержать такую дорогу. Тогда было принято решение доставлять людей до Ладоги поездом и уже там пересаживать их на автотранспорт. Анатолий Сергеевич Болдырев вспоминает, как он и Анатолий Георгиевич Карпов, в то время работники аппарата Совнаркома, приехали на Финляндский железнодорожный узел, чтобы выяснить, какими он располагает возможностями. Пустынные платформы и железнодорожные пути покрывал толстый слой снега, действующих паровозов оставались единицы; из железнодорожников, кто еще сохранял способность работать, комплектовали всего три-четыре паровозные бригады. Заседание, где обсуждалось, что нужно предпринять для восстановления пассажирского сообщения с западным берегом Ладоги, состоялось в Смоль-

ном в тот же день. Подготовка эшелонов к отправке в это время уже началась, был составлен график доставки эвакуируемых на вокзалы, налаживалось питание в пути, медицинская помощь. По указанию А. Н. Косыгина Северная и Ярославская железные дороги срочно командировали в Ленинград железнодорожников, в том числе несколько паровозных бригад.

22 января ГКО принял постановление об эвакуации 500 тысяч жителей Ленинграда, а 23-го утром первый эшелон отошел от Финляндского вокзала и к вечеру прибыл в Борисову Гриву, где ленинградцев ожидали автобусы и автомашины. Масштабы и темпы эвакуации с этого дня стали нарастать с необычайной стремительностью. Штат эвакуопункта в Жихареве, где начальником был А. А. Заградин, в 20-х числах января составляли всего 117 человек, к середине февраля там трудилось уже 1200 человек, в том числе 46 врачей и больше 100 медсестер и сандружинниц. Сколько раз в те зимние месяцы А. Н. Косыгина видели и на Финляндском вокзале, и на эвакуопунктах в Жихареве, Борисовой Гриве, в Лаврове, в Кобоне! Вот лишь один из множества эпизодов, сохранившихся в памяти участников ладожской эпопеи.

«В этот раз Алексей Николаевич побывал в нашем детском приемнике,— пишет в своих воспоминаниях Л. А. Левин.— Общее устройство и любовно оборудованные помещения ему понравились. Затем он подошел к группе ребят и спросил:

— Что вы сегодня ели, дети?

Девочка лет шести ответила:

— Я сегодня ела дуранду.

— Дуранду? — забеспокоился А. Н. Косыгин.

Привозили нам тогда конфеты с начинкой из дуранды. Других сладостей мы не могли дать детям в дополнение к обычным в то время продуктам — их просто не было.

Алексей Николаевич сделал мне упрек за то, что мы не приняли необходимых мер к улучшению питания детей. По его указанию в тот день нам привезли из воинских продовольствен-

ных складов печенье, сгущенное молоко, шоколад, рис, сливочное масло и другие продукты».

Эшелон за эшелоном увозил на восток переправленных через Ладогу ленинградцев. В Вологодскую, Ярославскую, Ивановскую, Горьковскую, Саратовскую области, Киргизскую, Казахскую, Узбекскую ССР, в другие тыловые районы страны. Встречали блокадников (тогда уже родилось это слово) по-братски; отрывали для них от себя самое необходимое. Многие из прибывших еле передвигались, в Ярославле, Бухаре, Галиче, Данилове, во множестве других городов и сел для них открывали специальные больницы, стационары. Обеспечивались они всем лучшим, что только было.

Ледовая дорога теперь во многом напоминала хорошо организованную и спланированную магистраль, но это была все-таки ледовая и притом фронтовая дорога. На проклятом девятом километре по-прежнему змеились трещины. Измучившиеся саперы без конца наводили тут переправы. Снежные заносы и оседавший лед заставляли переносить трассы, прокладывать их заново; если все посчитать, то за зиму 1941/42 года 30-километровая ледовая дорога строилась 55 раз. Не прекращались обстрелы, бомбежки. За зиму фашисты потеряли над ледовой дорогой больше 50 самолетов, но воспрепятствовать перевозкам не смогли. С 22 января по 15 апреля из Ленинграда эвакуировали 554 186 мирных жителей.

Едоки уезжали, продовольствие прибывало. В Ленинград везли муку, мясо, рыбу, жиры, сахар, рыбий жир, витаминные соки, витаминную кислоту, овощи, варенье, какао, орехи, сухие фрукты, сыр, яичный порошок — все, что имелось в стране особенно питательного и ценного. Еще 13 января после долгого перерыва в счет существовавших номинально месячных норм населению выдали по 100 граммов мяса, по 200 граммов крупы и по 200 граммов муки. 24 января и 11 февраля ежедневную хлебную норму в два приема увеличили рабочим до 500 граммов, служащим — до 400, детям и иждивенцам — до 300.

Хлеб снова обрел природный вкус и запах: целлюлозу в него уже не добавляли, доля всех других примесей сократилась до 1,7 процента. За подписью заведующего городским отделом торговли И. А. Андреевко все чаще появлялись объявления о выдаче кондитерских изделий, сливочного масла, сухого лука, клюквы и других ценных продуктов питания.

Несмотря на все принятые меры, обстановка в городе все еще оставалась невероятно тяжелой, на него обрушивались новые и новые бедствия. 24 января, в тот самый день, когда опять прибавили хлеба, ртутный столбик в термометре опустился до 40 градусов, 25 января главная водопроводная станция не получила электроэнергии, водопровод окончательно застыл, вереницы укутанных, распухших или исхудавших до предела женщин, подростков, стариков потянулись к прорубям на Неве, Карповке, Мойке, Фонтанке. Многие, поскользнувшись, падали и часто уже не могли подняться, лестницы в многоэтажных домах покрылись льдом от пролитой воды, становились опасными. Смерть не отступала от города: январь и февраль унесли в могилу 199 187 ленинградцев, март — еще 89 968.

В сложившейся обстановке обычные партийные заботы о промышленном производстве отодвинулись на второй план. Защитить город, спасти людей — это было главное. В одном из принятых тогда решений городского комитета партии, обращенном к партийным и советским организациям, прямо говорилось, что «в основном вся их деятельность в настоящее время должна быть направлена на вопросы санитарно-бытового обслуживания населения».

Еще в декабре в домохозяйствах взяли за создание красных уголков, где каждый мог бы согреться и взять кипятку, больше тогда помочь людям было нечем. В январе стали открываться новые столовые, общее их число достигло примерно 2 тысяч, в них питалось свыше половины ленинградцев. Спасали столовые многих тем, что помогали равномерно распределять паек. Особо тяжелых помещали в стационары, больницы,

число которых тоже увеличивалось. Повсеместно наладили производство хвойного настоя — напитка, неприятного даже для голодного человека. Пили его через силу, но пили, он предотвратил повальные заболевания цингой. В помощь ленинградцам Советское правительство прислало 200 врачей и 800 фельдшеров и медицинских сестер.

В городе возобновляли работу бани, парикмахерские. Уже в феврале стали понемногу расчищать дворы, ремонтировали водопровод.

Один за другим открывались детские дома, куда собирали осиротевших или оставшихся безнадзорными ребяташек; детской беспризорности в Ленинграде не допустили...

Чтобы понять значение перечисляемых здесь фактов, надо ежеминутно помнить, что все это делалось людьми обессиленными, часто умирающими, лишенными тепла и света.

Если следовать естественной, казалось бы, логике, всякая дополнительная нагрузка сопровождалась дополнительным расходом энергии, а значит, увеличивала вероятность смерти. В действительности все выходило наоборот: первыми гибли те, кто, сберегая калории, оставался в постели. Люди энергичные, самоотверженные тоже, конечно, умирали, но выживало их больше: расходуя силы, они словно бы раскрывали в себе какие-то неведомые тайники выносливости и сопротивляемости.

Из таких обладавших, если можно так выразиться, повышенной жизнестойкостью как раз и складывался актив партийных, комсомольских организаций, дружин Красного Креста. Это они подбирали на улицах ослабевших, шли по квартирам, помогая тем, кто терял силы.

13 января бюро горкома партии и исполком Ленгорсовета приняли специальное постановление, которым намечалось расширить сеть санитарных постов, сформировать специальные бригады для осмотра квартир, наладить круглосуточное дежурство при пунктах первой медицинской помощи и многое другое.

Работа эта принимала все более организованный характер, но особенно широкий размах она приобрела после того, как в нее включились комсомольцы, создавшие так называемые бытовые отряды. Первый такой отряд организовал Приморский (ныне Ждановский) райком ВЛКСМ, и тогдашней секретарь райкома Маша Прохорова потом написала, как родилась его идея. Даты, когда пришел к ним этот мальчик, она не называет, но мальчик на всю жизнь остался у нее в памяти. Лет семи, грязный, с закопченным лицом старика-карлика. И с котомочкой за плечами.

— Устройте меня в детский дом,— тоненьким голосом, но солидно проговорил он.— Моя бабушка умерла. Дома оставалась только одна тетя, но она умерла дня четыре назад, лежит в постели, я с ней оставаться не хочу...

Работницы райкома собрались вокруг мальчонки: принесли кипятку, у кого-то нашелся кусочек хлеба. В детдом его отправили сразу. Но не разошлись.

— Ну, хорошо вот он такой самостоятельный, пришел сам, а сколько их умирает по квартирам,— вслух размышляла Маша.

Высокая, еще недавно стройная, теперь она исхудала до крайности, давно уже никто не слышал заразительного ее смеха, но деловитости своей она не растеряла.

— Бригады созданы, обследуют квартиры,— сказал кто-то.

— Везде ли они успевают? Каждый день дорог, каждый упущенный день — новые смерти...

— Давайте мы тоже создадим ударную бригаду. Ударную бригаду по оказанию помощи населению.

14 февраля провели актив, где все решили окончательно. Отряд сформировали за полтора дня, разбив его на восемь звеньев — по десять девушек в каждом звене. С помощью райкома партии договорились, чтобы им выделили магазин и столовую, где можно брать продукты и горячие обеды для тех, кто не в состоянии обслу-

жить себя сам. Комсомольцам из ремесленного училища при заводе «Вулкан» заказали котелки с крышками, чтобы разносить в них по квартирам горячую пищу. Райисполком выделил в распоряжение комсомолок несколько мест в больнице и талончики в баню. И вот первый обход, в нем участвовала и Прохорова.

Пустая квартира, и в ней парень с отмороженными пальцами на ногах. Ходить не может. Девушки на саночках отвезли его в институт Пастера. Через несколько недель он сам пришел в райком комсомола. Еще совсем худой, но уже бодрый.

— Спасибо вам, девчата. На фронт уйду, в армию...

Мужчина в постели. Вши, грязь, запустение. Девушки привели его комнату в относительный порядок, мужчину отправили в баню. Помывшись, он ожил, никакой другой помощи ему больше не понадобилось...

Квартира, затопленная водой, нечистотами, и в глубине на кровати бабушка с двумя внуками. Не знали, как выйти на улицу. Девушки помогли им переселиться в другое помещение...

Инициативу приморцев поддержал горком комсомола, и скоро бытовые отряды были сформированы во всех районах. Тогда же, в феврале, по решению горкома партии при каждом домоуправлении создали санитарно-бытовые комиссии. Всех, у кого еще оставались какие-то силы, комиссии и отряды побуждали к действию, к деятельности. Чтобы спасти себя, своих близких, соседей...

Вести о трагических днях Ленинграда, о неггибаемой стойкости ленинградцев распространялись по всей стране. Они доходили и до районов Ленинградской области, которая включала тогда значительную часть территории нынешних Новгородской и Псковской областей. Ряд мер для организации вооруженной борьбы против оккупантов в тылу Ленинградская партийная организация принимала уже в конце июня и в

первые недели войны. Заблаговременно создавались подпольные организации. Когда гитлеровцы захватывали территорию того или иного района, местные истребительные батальоны и ставшие подпольными райкомы партии скрывались в лесах — так возникали первые очаги организованного сопротивления врагу. В самом Ленинграде и в не занятых гитлеровцами районах Ленинградской области формировались десятки партизанских отрядов и целые истребительные полки, один за другим они переправлялись через линию фронта. Руководство партизанами вначале взяла на себя специальная тройка, а в конце сентября при Ленинградском обкоме партии создали единый штаб партизанского движения. Фашисты не останавливались ни перед чем, чтобы обезопасить свой тыл. Зимой 1941/42 года партизаны понесли большие потери, но и сами к марту 1942 года уничтожили в общей сложности 17 тысяч гитлеровцев, пустили под откос 114 поездов, вывели из строя много техники.

Еще в сентябре 1941 года в ходе народного восстания, поддержанного 2-й партизанской бригадой, фашистские гарнизоны были изгнаны с территории, расположенной в четырехугольнике станция Дно — Старая Русса — Холм — Бежаницы, до войны там насчитывалось около 400 деревень. Возник партизанский край, где функционировали сельские Советы, партийные и комсомольские организации, выходили местные районные газеты. Здесь вот и родилась дерзкая мысль — послать в Ленинград партизанский продовольственный обоз. Сбор продуктов питания поручили дедовичской оргтройке: по существу именно она осуществляла в освобожденных деревнях под руководством комиссара 2-й партизанской бригады, бывшего секретаря Порховского райкома партии, уполномоченного Ленинградского обкома КПСС Сергея Алексеевича Орлова функции как партийной, так и Советской власти. Председателем тройки стал бывший председатель Дедовичского райисполкома Александр Георгиевич Поруценко, его заместителем — Екатерина Мартыновна Петрова, перед

войной заведующая райпарткаби: этом в тех же Дедовичах.

Оккупанты очень скоро узнали о собраниях, которые проводили представители сельских Советов и оргтройки.

В деревне Великая Нива каратели незаметно окружили дом, где проходило одно из таких собраний; сняв часовых, они стали бросать в окна гранаты. Председателя сельского Совета Михаила Воробьева, председателя колхоза Ивана Смирнова, нескольких колхозников убило сразу. Работник оргтройки Семен Иванович Засорин выскочил в окно, его ранили, он упал, в него еще стреляли, потом раздели и бросили в снег, посчитав мертвым. Когда каратели ушли, местные жители подобрали Засорина, отыскивали спрятанную им в снег тетрадку с подписями под письмами в ЦК партии и в Ленинградский обком партии, завернули Засорина в одеяло (он-таки выжил) и отправили вместе с продуктами в Круглово, где обычно находилась оргтройка.

На деревню Ломовка, едва участники собрания разошлись по домам, постановив оказать помощь ленинградцам, налетело десять бомбардировщиков; как выяснилось, навел их по радию недавно прибывший из Пскова фельдшер, служивший фашистам. При бомбежке погибло семеро, пятнадцать человек ранило, но продукты в Ломовке были собраны.

В деревне Дубровка фашисты выгнали на мороз Анну Петровну Александрову с ребенком и матерью. Угрожая расстрелом, требовали сказать, где ленинградский хлеб. Он был спрятан рядом, в сарае, но женщины снова и снова повторяли:

— Ничего не знаем ни про какой хлеб.

Каратели наставили на них оружие, подожгли дом Александровых. Александровы смотрели, как огонь уничтожает их родное гнездо, но твердили все то же:

— Ничего не знаем.

Гитлеровцы решили, что Александровым действительно ничего не известно, им и в голову не могло прийти, что ленинградский хлеб колхозни-

кам дорожке самой жизни. Между тем это было так. Очень точно общее настроение выразил на собрании в деревне Хлебородово пожилой колхозник Григорий Васильевич (к сожалению, мы не знаем его фамилии).

— Пока не поможем хлебом ленинградцам, мы не можем со спокойной совестью садиться за стол.

Уже к 26 февраля на сборные пункты Дедовичского района вместо ожидавшихся 60 прибыла 161 подвода с продуктами. Обоз двинулся в путь лунной морозной ночью 5 марта из деревни Нивки, в пути к нему присоединились 37 подвод из Белебелковского и 25 подвод из Поддорского и Ашевского районов. Вместе с продовольствием партизаны везли в Ленинград 127 тысяч рублей и письма в Центральный Комитет и в Ленинградский обком партии с 3 тысячами подписей под ними. Подписи занимали 13 ученических тетрадок, в их числе была и сбереженная Засориным. В письмах колхозники заявляли о верности партии, Родине, советскому строю, о готовности бороться с захватчиками до последнего смертного часа.

К линии фронта обоз пробирался десять дней, фронт пересек по коридору, проложенному партизанами в обороне гитлеровцев. В нашем тылу продовольствие перегрузили на автомашины, делегатам партизанского края во главе с А. Г. Поруценко дали автобус, и 29 марта они уже переправились через Ладогу. Во Всеволожской их встречали А. Н. Косыгин, А. А. Кузнецов, начальник Ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитин и другие руководящие работники. Как раз в этот день ранним утром фашистский снаряд угодил в стоявшие на Ржевке вагоны с боеприпасами. Они взлетели на воздух, на месте их образовался овраг, большую часть Ржевки, застроенной деревянными домами, снесло взрывной волной, а все, что осталось, дожирали пожары. Со стесненными сердцами подъезжали партизаны к хорошо знакомому городу, своему областному центру. Умом они понимали, что сделали для Ленинграда все, что

в их силах. И все-таки в мыслях у каждого было:

— Мало везем! Больше бы надо!

К тому времени, когда партизанский продовольственный обоз пробился в Ленинград, здесь уже становилось обычным принимать делегации с разных концов страны. Делегации ехали, конечно, не с пустыми руками: вес одних только индивидуальных почтовых посылок с подарками для ленинградцев, переправленных через Ладожское озеро зимой 1941/42 года, превысил полторы тысячи тонн.

Вся страна с Ленинградом! Так писали в газетах, так говорили на митингах, и это не было лозунгом. Так думали, чувствовали. Это был факт, получавший все более весомое материальное воплощение.

Симфония мужества

Наступил март. Все синей и синей становилось небо, все позже в домах зажигали коптилки, солнце уже начинало слепить отвыкшие за зимние месяцы глаза, а в полдень все оживленнее настукивала капель. Город понемножку начал отогреваться. Отогревались постепенно и люди.

Но тепло несло не только радость. Оно несло нарастающую тревогу. Беспощадный солнечный свет весны проникал во дворы, залитые нечистотами, на загаженные лестницы; оседавший снег обнажал невидимые прежде трупы. К городу подступала опасность эпидемий, и многим казалось, что оборониться от них невозможно...

Первый воскресник провели, как и положено, в воскресенье, выпавшее на Международный женский день. Накануне встреченные криками «Ура!» пошли грузовые трамваи, ярко светило солнце, все это поднимало общее настроение, на улицы вышли десятки тысяч ленинградцев. С ломами, лопатами, ведрами, каждый брал у кого что нашлось. Город выглядел необычно оживленным. Но вот смех, шутки звучали изредка. Только несмелые улыбки на бледных, с заострившимися чертами лицах. Ломы выскальзывали из рук, лопаты едва царапали лед.

Когда вечером в партийных организациях подводили итоги воскресника, многих охватило уныние: по сравнению с общим объемом работ то, что удалось сделать, было ничтожно малым. До войны к очистке улиц от снега ежедневно привлекалось 2 тысячи автомашин, 2 тысячи лошадей и свыше 20 тысяч крепких, по большей части молодых мужчин и женщин, но и они час-

го не справлялись, в помощь им нередко присылали красноармейцев. А сейчас? Люди сами по себе передвигаются с трудом. И когда еще вернуться к ним силы!? Но ждать тоже нельзя!

Во втором воскреснике 15 марта приняло участие уже 100 тысяч человек, а 26 марта на очистку города решением Ленинградского городского комитета партии и Ленгорсовета были мобилизованы все трудоспособные: те, кто не занят на производстве, должны были ежедневно работать на улицах и во дворах по шесть — восемь часов, а занятые на производстве — по два часа. Ежедневно теперь на улицы выходило до 300 тысяч человек. Через три недели, выбросив из города свыше миллиона тонн нечистот, мусора, льда, снега, Ленинград спас себя от возможной эпидемии, и 15 апреля, скрежеща бугелями, высекая ими веселые голубые искры, по городу двинулись пассажирские трамваи. 300 вагонов пяти традиционных ленинградских маршрутов, и сегодня оставшихся почти такими же, какими были тогда, — 5-й, 7-й, 9-й, 10-й и 12-й.

— Трамвай идет по своему маршруту, — снова и снова в пути и на остановках повторяли кондукторы.

— Трамвай идет по своему маршруту, — как слова чудесной песни, повторяли пассажиры.

Покататься хотелось всем, за два дня на грамвае проехало свыше миллиона пассажиров, вагоны шли переполненными, но теснота и давка никого не раздражали.

Это было даже приятно. Это было, как до войны.

Город постепенно вновь становился городом; в трети домов восстановили водопровод, почти всюду — канализацию, снова можно было пойти в баню, в парикмахерскую и даже постирать белье в прачечной. 3 мая возобновились занятия в школах, ребята, правда, не изучали новый материал, а только повторяли старое. Наступил и такой день, когда на тротуары вынесли столики с книгами. Тоненькие, на серой бумаге сборники стихотворений Ольги Берггольц, Александра Прокофьева, Николая Тихонова, Веры Инбер,

роскошно изданные, еще довоенные тома Шекспира, русских классиков.

Бесна, правда, необычно холодная, неприветливая, но все-таки приходила в город, а румянец на лица ленинградцев все еще не возвращался. В конце апреля по решению горкома партии и Ленгорисполкома больных дистрофией первой и второй степени стали направлять на две-три недели в специальные столовые лечебного питания, а дистрофиков третьей степени — госпитализировать. В числе доставленных в больницу на Каменном острове был один из авторов «Республики Шкид» и любимейших детских писателей — Л. Пантелеев. На страницах ленинградского журнала «Звезда» он просто и правдиво рассказал о своем воскрешении из мертвых. Весил он всего 37 килограммов. Только хорошее питание ему уже не могло помочь. Его спасло вливание крови.

С наступлением тепла ленинградцы взялись за лопаты. Марсово поле, Исаакиевская площадь, парки и скверы в короткое время были вскопаны и превратились в гигантский огород. Сажали картофель, капусту, турнепс, репу — культуры, способные дать большой урожай и не требующие особого ухода.

Еще 9 марта на бюро горкома партии, где присутствовали секретари райкомов партии, директора ведущих предприятий, энергетики, принято было решение буквально на следующий день возродить производство снарядов и мин на девяти заводах: имени Карла Маркса, имени Лепсе, «Красная вагранка», «Вперед», «Вулкан» и других.

— Отчеты следует представить через декаду, и отчитываться надо не о том, что пускаем, а о том, что пустили, — подчеркнул в своем выступлении А. А. Кузнецов.

С 20 марта в городе стали вырабатывать электроэнергию в три с лишним раза больше, чем в январе и феврале, и в апреле оборонную продукцию выдавали уже 50 предприятий. Горком партии тем временем старался усилить работоспособность заводских парторганизаций,

заслушав с этой целью 10 апреля отчеты парткомов Металлического и Балтийского заводов. В решении бюро говорилось прямо: и в военных условиях основные принципы партийной жизни остаются незыблемыми, необходимо систематически проводить партийные собрания, всемерно поднимать активность коммунистов.

На предприятиях активизировались профсоюзные, комсомольские организации, поднималась новая волна социалистического соревнования. Рабочие Металлического завода заключили договоры о соревновании с экипажами танков, находившихся у них в ремонте, рабочие Балтийского завода — с дивизионами и батареями подшефного артиллерийского полка. На Адмиралтейском заводе возникли фронтовые бригады, в полтора-два раза перевыполнявшие нормы. Комсомольско-молодежные бригады Выборгской стороны боролись за право называться именем погибшего в бою прославленного ленинградского снайпера Феодосия Смолячкова... С мая ленинградцы включились во Всесоюзное социалистическое соревнование.

* * *

Голубые трамвайные искры в ночи, затеплившийся местами дымок над заводскими трубами, обретающие былую четкость голоса ленинградских дикторов... По множеству признаков теперь уже не только командование группы армий «Север», располагавшее конечно же донесениями своих агентов, но и в полевых частях вокруг Ленинграда гитлеровцы начинали понимать, что осажденный ими город пережил первую блокадную зиму, уморить его голодом им не удалось. Обстрелы, не прекращавшиеся в течение всей зимы, велись все злее. Контрбатарейная борьба приобретала характер самостоятельного сражения.

С воздуха Ленинград бомбардировали последний раз 20 декабря; зимой все, что осталось от потрепанных фашистских эскадр, командование группы армий «Север» нацеливало на ладожские коммуникации. Теперь одиночные самолеты сно-

ва появились над городом, фашистские пилоты-разведчики становились все настойчивее, гитлеровское командование явно что-то замышляло, и Ленинград торопился укрепить противовоздушную оборону. Как раз к этому времени ленинградская промышленность поставила фронту семь новых радиолокационных станций «Редут», вокруг города впервые создали сплошное поле обнаружения.

Немецкие артиллеристы уже побаивались наших батарей, поэтому перешли к тактике стремительных огневых налетов. День 4 апреля начался с того, что на территории Кировского завода и завода имени Жданова в течение семи минут разорвалось 176 снарядов, потом разом все стихло, фашисты побежали в укрытия, опасаясь ответного удара. Налеты повторялись снова и снова, но все равно на очистку дворов и улиц вышло около 320 тысяч человек. День завершался, по ленинградским меркам, относительно благополучно, когда с радиолокационных станций поступило неожиданное донесение:

— 18 часов 05 минут. Обнаружены крупные группы самолетов. Удаление — 115 километров. Началось, значит.

Потом уже подсчитали, что в тот вечер фашисты подняли в воздух 191 самолет, в том числе 132 бомбардировщика. По всему чувствовалось, что развертывается четко спланированная операция. Часть самолетов сразу же устремилась к нашим аэродромам, чтобы блокировать их, но наши истребители успели подняться в воздух. Грянула зенитная артиллерия, снова, как осенью, на асфальт, на крыши домов посыпались горячие осколки. Фашисты, видимо, не ожидали такого сильного и сплоченного отпора, шли в плотном строю, их самолеты один за другим загорались, падали вниз, оставляя в небе дымный след, а то и вовсе поворачивали вспять.

К этому времени гитлеровская артиллерия сосредоточила огонь по стоянкам все еще скопленных льдом кораблей, туда же направлялись

и бомбардировщики. Группами по шесть, по десять машин они пикировали на крейсер «Киров», на линкор «Октябрьская революция», на эсминцы у Васильевского острова, на плавбазу «Полярная звезда» у Адмиралтейства, на стоявшие вдоль левого берега Невы подводные лодки. Лишенные возможности маневрировать, наши моряки могли только отстреливаться, и они отстреливались, канонада поднялась невыносимая; казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки.

Огневой налет был грозным, по мнению многих, одним из самых сильных за всю войну. Горели жилые дома на набережной Невы, и часть их рухнула, несколько мелких бомб попали в западное крыло Адмиралтейства, серьезно пострадали судостроительные заводы по обе стороны Невы. Флоту, однако, сколько-нибудь серьезного ущерба гитлеровцы нанести не сумели; в корабли было одно-единственное попадание, бомба пробила верхнюю палубу и наружный борт крейсера «Киров», разорвавшись в воде подо льдом. Фашисты потеряли 18 самолетов, 9 было повреждено.

Так началась широко задуманная гитлеровцами операция. К ее разработке фашисты приступили сразу после того, как Гитлер 13 февраля приказал до наступления весны уничтожить Балтийский флот. Провал для фашистов был неожиданностью, и буквально через несколько часов, в ночь на 5 апреля, они повторили налет, и снова он был безрезультатным. В последующем вплоть до 30 апреля гитлеровцы еще пять раз штурмовали флот с воздуха, потеряли еще 60 самолетов, но серьезные повреждения нанесли только крейсеру «Киров». Операция обернулась против тех, кто ее проводил: 1-й фашистский авиакорпус вышел из схватки с Балтийским флотом сильно ослабленным.

Что же касается Балтийского флота, он сохранил всю свою могучую огневую мощь, а его подводные лодки летом и осенью 1942 года дали себя знать как грозная сила на Балтийском море.

Ледовый путь через Ладогу просуществовал до конца апреля, последнее время машины продвигались уже с трудом, расплескивая воду, некоторые проваливались под лед; все понимали, что связь с Большой землей на какое-то время опять обрывается и Ленинграду дорога каждая лишняя тонна продовольствия. Когда перевозки окончательно прекратились, командующий группой армий «Север» генерал-полковник Кюхлер поторопился заверить берлинского корреспондента:

— Отныне даже птица не сможет перелететь через кольцо блокады, установленное нашими войсками.

В Ленинграде к новой навигации готовились с той же энергией и неотступностью, как к прокладке ледовой дороги. Сложностей возникало множество. В частности, и потому, что водного пути по Неве из Ладоги в Ленинград практически не существовало, поскольку левый берег реки на протяжении многих километров занимали гитлеровцы. Ладожская флотилия оказалась отрезанной от ленинградских судоремонтных и судостроительных заводов. К весне, однако, все имевшиеся в наличии 116 самоходных судов и несамоходных барж были готовы выйти в плавание.

К перевозкам привлекались также плавсредства различных ведомств, небольшие катера и мотоботы направляли в Ладогу с Камы, с Волги, с Северной Двины. Еще зимой на ленинградских судостроительных заводах и на спешно созданной Сясьской верфи развернулось строительство нового озерного флота: деревянных и металлических барж, паромов, самоходных тендеров. Всего перед навигацией 1942 года и в ходе навигации на воду спустили свыше 160 новых судов. Совершенствовались и продолжали строиться новые причалы и портовые сооружения. К осени Осиновецкий и Кобоно-Кареджинский порты представляли собой солидные сооружения, способные полностью взять на себя материальное обеспечение крупного города.

С первых дней навигации фашисты бомбили причалы, охотились за судами в озере. Мешали шторма: каждые третьи-четвертые сутки волнение достигало 5 баллов и выше. Наших моряков ничто не останавливало.

В навигацию 1942 года по водным трассам перевезли свыше 838 тысяч человек, в том числе эвакуировали на восток еще 448 тысяч женщин, детей, стариков. Продовольствия доставили столько, что появилась возможность создать запасы. Из Ленинграда отправили в тыл много оборудования, необходимого военным заводам, 138 паровозов и свыше 2 тысяч железнодорожных вагонов, платформ, цистерн. Перевозки достигли масштабов, которые и в мирное время, в самых благоприятных условиях, потребовали бы немалых организаторских усилий.

При всем том, что удалось достигнуть, доставить на судах необходимое количество топлива для возрождавшейся ленинградской промышленности было невозможно. Поэтому еще осенью 1941 года родилась мысль проложить по дну Ладоги нефтепровод. Но где взять оборудование, специалистов, как успеть разработать проект? Когда 2 апреля 1942 года у заместителя Председателя Совнаркома Анастаса Ивановича Микояна собрались специалисты, чтобы обсудить представлявшееся кое-кому фантастическим предложение, уже было известно, что четырех-пятидюймовые трубы есть на Ижорском заводе, насосы нашли на одном из василеостровских складов, емкости — на нефтебазе «Красный нефтяник».

25 апреля ГКО постановил построить трубопровод к 15—20 июня, возложив контроль за исполнением на Алексея Николаевича Косыгина. Работы развернулись сразу по всей примерно 29-километровой трассе, в том числе и на 21 подводном километре. Водолазы от берега до берега прошли по дну озера, убирая с пути валуны, топляки. Особенно много хлопот им доставила затонувшая баржа, ее разрушили взрывчаткой, а потом разровняли площадку гидромонитором. На берегу сваривали тысячеметровые

плети, спускали их на воду по специальным дорожкам...

18 июня нефтепровод, ежесуточная мощность которого скоро достигла 435 тонн, фактически вступил в строй. Одновременно во Всеволожском и Парголовском районах, ставших, как их называли, блокадной «кочегаркой», развертывалась добыча торфа. Заготавливались и дрова, использовались все возможности для пополнения топливных ресурсов.

6 июля в Смольном на заседании бюро городского комитета партии обсуждалось принятое накануне Военным советом Ленинградского фронта постановление о том, что вся жизнь города должна быть подчинена интересам фронта, чтобы город окончательно стал военным, городом-фронтом. Еще раз было подтверждено, что эвакуировать следует максимум нетрудоспособного населения. Решили также перераспределить рабочую силу, сконцентрировав ее прежде всего на оборонных предприятиях. Сотни небольших предприятий местной промышленности и промысловой кооперации укрупнялись, сливаясь с однородными. Рабочие и служащие закрытых предприятий и организаций переводились на оборонные заводы.

Поскольку не исключалось, что гитлеровцы попытаются штурмовать город, с ранней весны возобновилось строительство укреплений и в самом Ленинграде, и в прифронтовой полосе: к концу 1942 года город располагал 110 мощными узлами обороны, протяженность одних только уличных баррикад превысила 35 километров, неприкосновенного запаса боеприпасов, бензина и продовольствия хватило бы на 30 суток непрерывных уличных боев.

9 августа. В большом зале Филармонии, как в добрые довоенные времена, ни одного свободного места. Многие оркестранты одеты в красноармейскую и краснофлотскую форму, но оркестр звучит мощно, слаженно, слушатели напряжены и взволнованы: исполняется Седьмая

ленинградская симфония Д. Д. Шостаковича. Написанная почти полностью в осажденном Ленинграде и посвященная Ленинграду и ленинградцам.

Среди слушателей генерал-лейтенант Леонид Александрович Говоров — новый командующий Ленинградским фронтом. Как всегда, непроницаемо спокойный, уравновешенный. Но сейчас он волнуется. О концерте объявили заранее, афиши расклеили по всему городу, фашистам конечно же о них известно, к площади Искусств они давно пристрелялись. Да, наши артиллеристы по своему готовились к этому дню и сейчас громят батареи врага, его штабы и узлы связи. Но вдруг...

К Говорову приглядываются, знают, что это человек необычной, сложной судьбы. В Ленинград Говоров приехал беспартийным. Было также известно, что в годы гражданской войны он по собственной инициативе перешел на сторону Красной Армии, участвовал в разгроме белогвардейщины, долго служил в артиллерии, преподавал, перед самой войной был назначен начальником Артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского, а в битве под Москвой прекрасно показал себя на посту командующего армией.

В Ленинграде Говорова встретили сдержанно: замкнутостью, резкими оценками он держал всех на расстоянии, ни с кем особенно не сближаясь. Скоро, однако, обнаружилось, что это человек высокоорганизованный, четкий, ясного, трезвого ума, больших познаний и высокой, если можно так выразиться, военной интеллигентности. Всю тяжкую меру возложенной на него ответственности он осознал с особенной обостренностью. Об этом его внутреннем настрое можно судить по заявлению, которое он подал 1 июля 1942 года в партийную организацию штаба фронта: «Прошу принять меня в ряды Всесоюзной Коммунистической партии (большевик), вне которой не мыслю себя в решающие дни жестокой опасности для моей Родины».

По ходатайству Военного совета Ленинград-

ского фронта Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло Л. А. Говорова в партию без прохождения кандидатского стажа. Подготовка к деблокаде города в это время уже завершалась. Говоров вел ее со свойственной ему методичностью, основательностью, просчитывая и продумывая все возможные варианты и случайности.

Час двадцать звучит великолепная симфония мужества; два часа двадцать минут не смолкают батареи. В числе тех, кто подходит после окончания концерта к дирижеру Карлу Ильичу Элиасбергу, Говоров. Взволнованный, как и все, он благодарит за доставленное наслаждение, за музыку, которая закаляет волю, придает силы, уверенность в неизбежном торжестве света и справедливости. Потом, изменив вдруг обычной своей скромности, добавляет:

— Мы для вас тоже сегодня поработали!

На лице Говорова — редкая для него довольная улыбка: ни одного снаряда в эти часы не упало на город; не те уже гитлеровцы, берут над ними верх ленинградские контрбатареи.

26 сентября. Два часа ночи.

Небо над правым берегом Невы у Московской Дубровки светлеет, становится багряным, словно за прибрежными окопами разгорелись какие-то фантастические, большой протяженности костры.

Когда минут через 60 огненная полоса взрывов отодвигается от левого, занятого фашистами берега в глубину их обороны, над Невой снова опускается темнота, но все равно еще видно, что реку стремительно пересекают лодки, катера, мотоботы с пехотой, понтоны с танками и артиллерией.

Л. А. Говоров на наблюдательном пункте. По обыкновению молчаливый, замкнутый, суховатый. Когда началась переправа, напомнил штабу:

— За ночь необходимо перебросить на левый берег первый эшелон и захватить плацдарм, а с утра начнем расширять его.

Нет, наверно, другого такого места под Ленинградом, где земля была бы так обильно полита кровью, как на этом вот клочке земли на левом берегу Невы против Московской Дубровки: в историю Великой Отечественной войны он вошел как Невский «пяточок». Созданный еще в сентябре 1941 года, плацдарм этот существовал до апреля 1942 года. Оттуда предпринимались неоднократные попытки прорвать блокаду, защитники его покрыли себя неувядаемой славой, они так и не отступили, оставшихся в живых фашисты уничтожили после того, как ледоход прервал сообщение между левым и правым берегом.

В ночь на 26 сентября ленинградские воины вновь форсировали Неву в надежде соединиться с войсками Волховского фронта: забив мощный клин в оборону противника, волховчане обошли Синявино и были уже в 7—8, а по некоторым данным, даже в 4 километрах от неевского берега. Часа полтора-два ходу мерным красноармейским шагом, еще одно, только одно последнее усилие — и блокада будет прорвана, будет положен надежный путь к хлебу, восстановлена сухопутная связь с Большой землей.

Пройти эти последние километры тогда не удалось, линия фронта в конце концов вернулась туда, где была, но синявинскую операцию нельзя считать безрезультатной: в ходе ее Волховский и Ленинградский фронты перемололи дивизии 11-й армии генерал-фельдмаршала Манштейна, присланные сюда из Севастополя и предназначавшиеся для нового штурма Ленинграда. 6 октября Манштейн сообщил в гитлеровскую ставку, что оставшимися у него силами он не в состоянии выполнить поставленную перед ним задачу. Это было несомненным успехом советских войск. Не случайно 17 октября в штаб 70-й ордена Ленина стрелковой дивизии, особо отличившейся в боях, в том числе и на Невском «пяточке», был передан по телеграфу приказ наркома обороны СССР И. В. Сталина: дивизия преобразовывалась в 45-ю гвардейскую ордена Ленина стрелковую дивизию. Ме-

далями и орденами СССР были награждены около 600 ее бойцов, командиров и политрабтников.

* * *

Слабый утренний свет уже пробивался сквозь щели в забитых фанерой оконных проемах цеха, когда Евгений Мышкин наконец закончил растачивать последнюю деталь. Накануне он отстоял за станком положенные по военному времени 11 часов, потом остался на ночь, и сейчас его слегка пошатывало. Невысокий, худенький, он еще не совсем оправился после зимы, едва не ставшей для него последней: впалые щеки, синева под глазами. Сон и слабость уже одолевали Мышкина, но надо было еще сдать заказ. Мастер, приняв детали, придержал расточника:

— Женья, новая партия деталей поступила. Посмотри, что написано.

Мышкин не без труда разобрал: «Сделать немедленно!»

Голос его прозвучал как бы независимо от него самого, он слышал его словно бы со стороны:

— Давай детали. Только бы не заснуть. Посматривай за мной.

Снова потянулись мучительно долгие часы, Мышкину казалось, что станок его сегодня работает в каком-то замедленном темпе, детали словно бы вязнут в тягучем, сгустившемся воздухе. Когда новый заказ был выполнен, сил у него уже не осталось даже для того, чтобы пойти и сдать детали: выключив станок, он тут же, под ногами, постелил ватник и заснул еще до того, как успел коснуться его головой.

Мастер, дремавший в эти минуты, проснулся неожиданно: что-то изменилось в размеренном шуме, наполнявшем цех. Он встал, пошел по проходу и скоро увидел лежавшего у станка Мышкина. Голода в городе уже не было, но питание все равно оставалось скудным, здоровье у ленинградцев подорвано, и первой мыслью мастера было, что Мышкин умер.

— Кем же я его заменю? — прежде всего

встревожился мастер.— Самому, что ли, встать? Но сумею ли!

Тут же, однако, он увидел, что там, где лежали горкой необработанные заготовки, ничего больше не осталось.

— Вот молодец, успел,— благодарно подумал мастер, и чувство вины овладело им.— Не надо было позволять ему оставаться в цехе у станка.

Мастер наклонился над Мышкиным и тут только уловил, что он дышит.

— Господи, жив! — выпрямился он, вытирая выступивший со лба пот.— Жив...

Заказ, ради которого Евгений Мышкин, ставший после войны кавалером ордена Ленина, не спал около суток, и в самом деле был срочным: завод Карла Маркса в конце 1942 года получил срочное задание собрать сто «коробок» — так называли эти неизвестно для чего предназначенные установки. Рабочие выполнили его в срок. Они работали, как Евгений Мышкин. Одна за другой из заводских ворот выезжали странные, крытые брезентом автомашины с каким-то явно негабаритным грузом. Это были «катюши» — реактивные установки БМ-13.

Было это уже в декабре, месяце, в определенном отношении переломном; ленинградцы с тревогой ожидали вторую блокадную зиму, и тревога их была небезосновательной: с наступлением холодов в больницы снова стали поступать больные дистрофией. Главным средством спасения было регулярное трехразовое общественное питание. Организацией его занялась специальная комиссия во главе с секретарем Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецовым; в столовых стало питаться не менее полумиллиона ленинградцев; дополнительные продовольственные фонды выделили для рабочих, перевыполнявших нормы.

23 сентября по кабелю, изготовленному на «Севкабеле» и проложенному по дну Ладоги, в Ленинград подали ток с восстановленной Волховской ГЭС. 7 и 8 ноября в ленинградских квартирах после 11-месячного перерыва загорелись электрические лампочки. Пока только на

два дня, но уже в декабре постоянное электрическое освещение получили три тысячи домов; правда, утром и вечером дозволялось включить одну-единственную лампочку в 40 ватт на четыре часа, но для ленинградцев, успевших притерпеться к коптилкам, и это было радостью. Водопровод и канализацию, по сводкам, имели уже 90 процентов домов, проруби на ленинградских реках исчезли, надобности в них больше не возникало.

В Смольном, с самого начала ставшем сердцем и мозгом осажденного города, многие постепенно возвращались к своим обычным обязанностям. Во всяком случае, теперь уже каждый день здесь велись часто трудные, но вместе с тем и радостные разговоры о сырье, о фондах, о выполнении плановых заданий, мобилизации трудовых ресурсов и т. д. и т. п. К сентябрю 1942 года промышленность города возобновила выпуск почти всех образцов военной техники, которые она поставляла фронту в первые месяцы войны, и взялась за освоение ряда новых видов продукции. В частности, Сестрорецкий инструментальный завод имени С. П. Воскова первым в стране стал налаживать производство пистолета-пулемета системы Судаева. Боеприпасы в сентябре 1942 года выпускались уже на 75 предприятиях, всего в Ленинграде за 1942 год было изготовлено свыше 8 миллионов артиллерийских снарядов и бомб, и они поставлялись не только Ленинградскому фронту; осажденный, блокированный, все еще полуголодный Ленинград, накапливая силы для сокрушения осаждающих его армий, одновременно возвращался к привычной для него роли одного из крупнейших центров оборонной промышленности.

Прорыв

Это было как нельзя кстати: на Невском «пятчке», в районе Невской Дубровки, на нашу сторону перебежал гитлеровский унтер-офицер—чертежник из оперативного отдела 170-й гренадерской пехотной дивизии, державшей оборону по левому берегу Невы. До начала операции «Искра», в ходе которой предполагалось прорвать блокаду, оставалось меньше трех недель, и всякие дополнительные сведения об обороне противника были полезными. Прорывать коридор в блокадном кольце предполагалось в районе южнее Ладожского озера, конкретно намечалось срезать шлиссельбургско-синявинский выступ. Ленинградский и Волховский фронты здесь разделяет всего 12—15 километров. Этот самый тонкий участок блокадного кольца фашисты укрепляли с особым старанием, а времени в их распоряжении было немало — почти 16 месяцев.

Дивизия, в которой служил фашистский чертежник, находилась в той именно полосе, где ленинградцы намеревались взломать оборону противника, и перебежчика поторопились допросить в штабе 67-й армии. Даже составили подробное донесение. Когда начальник разведывательного отдела Ленинградского фронта генерал-майор П. П. Евстигнеев начал его читать, все данные вроде бы подтверждались. Около трех месяцев наши разведчики не вылезали из передовых траншей. Только в ноябре — декабре поисковыми группами было захвачено больше 50 пленных: в условиях позиционной войны это очень

много. Шлиссельбургско-синявинский выступ сфотографировали и с воздуха: экипаж летчика Александра Ткаченко, выполняя это задание, налетал под непрерывным зенитным огнем около девяти тысяч километров. Удивительно, как жив остался. При съемке нельзя уклоняться от прямой линии, возможности маневра минимальные, и все же летчик нашел способ перехитрить фашистских артиллеристов, даже изучил для этого основы зенитной стрельбы. Все или почти все известно о немецких позициях. На картах обозначено чуть ли не каждое пулеметное гнездо, позиция каждой вражеской роты.

Вероятно, потому, что показания перебежчика совпадали с уже известным, Евстигнеев в первый момент проскочил ту строчку, где говорилось, что особенно сильно гитлеровцы укрепили берег Невы между Шлиссельбургом и 8-й ГЭС. Потом только спохватился. Как это может быть? Не куда-нибудь, а сюда 67-я армия нацеливает главные силы, и по всем данным разведки это не самый сильный, а, наоборот, относительно слабый участок в обороне противника. Что же касается крохотного плацдарма на левом берегу, ленинградские дивизии десятки раз вели там бой в надежде протаранить душившее город кольцо. Плачено за Невский «пяточок» большой кровью, и вполне понятно, что именно отсюда командующий немецкой 18-й армией Линдемман ждет новых атак, иначе зачем бы русским держаться за этот голый клочок земли.

Поэтому и укреплены подступы к «пяточку», мощные опорные пункты созданы в развалинах 8-й ГЭС, в остатках каменных зданий 1-го и 2-го городков. Сколько уже полегло там красноармейцев и командиров, сколько захлебнулось атак! Плацдарм, однако, есть плацдарм, он уже на левом берегу, а если наступать между Шлиссельбургом и 8-й ГЭС, надо пробежать по льду 500—600 метров, это еще трудней и страшнее...

Евстигнеев отодвинул донесение и задумался. Неужели его рассуждения ошибочны, Линдемман разгадал замысел советского командования и

знает в точности, что штурмовать его позиции Ленинградский фронт будет прежде всего не с плацдарма, а по льду!? Нет, не ждет Линдеман удара между 8-й ГЭС и Шлиссельбургом, не ждет, уверен в своих выводах. Похоже, что чертежник специально переброшен гитлеровцами для дезинформации. Но докладывать о нем все равно надо. Военному совету. Говорову.

Говоров, узнав о происшедшем, приказал срочно доставить фашистского унтер-офицера в Ленинград. Новый допрос, теперь уже в штабе фронта, ничего дополнительного не дал. Все конкретное, что сообщал немец, по-прежнему совпадало с данными нашей разведки, а общий вывод был прямо противоположным. Одно настораживало: перебежчик очень уж быстро выразил готовность сотрудничать с нами и прямо предложил использовать его в качестве агента. Торопится, видно, вернуться обратно, поскольку задание считает выполненным. Евстигнеев, когда к нему пришли с новым докладом, порекомендовал порасспросить пленного еще раз. И пообстоятельнее.

К участию в допросе привлекли старшего офицера разведотдела Л. Г. Винницкого, занятого также и выпуском карт, на которых фиксировались данные об обороне противника. Теперь это был уже не допрос, а скорее дружеская беседа. У перебежчика стремились создать впечатление, что его считают своим.

— Вы дали нам чрезвычайно ценные показания, но хорошо бы для наглядности закрепить их на карте.

Карта тут же была расстелена, но перебежчик не торопился взяться за карандаш.

— Масштаб мелковат,— разглядывая ее, заметил он.— Я лучше сам все нарисую.

Схему он вычертил профессионально.

В разведотделе, оставшись одни, принялись сверять схему со своими картами, и снова получилось, что почти все тут и там совпадает.

— Но вот странность: расхождений в количестве огневых точек у него и у нас нет, а все равно между Шлиссельбургом и 8-й ГЭС их вро-

де бы больше, чем у 8-й ГЭС на позициях перед Невским «пяточком»...

— Какой там масштаб?

Тут все и выяснилось: перебежчик, действительно, сообщал точные данные (в немецком штабе понимали, что система их обороны вскрыта), но масштаб схемы в районе 8-й ГЭС и Невского «пяточка» был крупнее в два с половиной раза. Оттого и создавалось впечатление, будто там огневых средств много меньше, чем между Шлиссельбургом и 8-й ГЭС. Достаточно было перечертить схему, взяв для нее единый масштаб, как все становилось на свои места.

Перебежчик, когда ему прямо сказали, что простенький его фокус раскрыт, сопротивлялся недолго. Признался, что он не унтер-офицер, а лейтенант и перешел линию фронта со специальным заданием ввести в заблуждение наше командование. Собственно, в штабе Линдемана и так были убеждены, что новое наступление опять начнется с Невского «пяточка». Форсировать Неву, с точки зрения Линдемана и его окружения, было самоубийственно: ее левый берег — сам по себе укрепление. Высота местами доходит до 12 метров. Обрывист. Где могли, гитлеровцы покрыли его льдом, ночами работали мотопомпы. Дзоты, минные поля, в несколько рядов проволочные заграждения. Фашисты считали, что у нас нет выбора, и все-таки «для надежности» им захотелось снабдить еще одним аргументом тех, кто будет доказывать, что следует, как и прежде, в первом броске опереться на левобережный плацдарм.

— Мне нужно было вернуться через пять дней. В качестве вашего агента. Меня ждал чин капитана и высокие награды,— признался гитлеровец, сразу растерявший незыблемое, казалось бы, хладнокровие.

Жданов и Говоров слушали доклад Евстигнеева с нескрываемым облегчением. По приказу Ставки Верховного Главнокомандования срок готовности операции — 1 января, а тут вдруг все пришлось бы менять, начинать сызнова.

— А наступление на 8-ю ГЭС все же придется

демонстрировать, чтобы — пусть в первые минуты — противник мог подумать, что мы обмануты,— пришли к выводу в штабе фронта.— Это поможет на какое-то время отвлечь внимание Линдемана от направления главного удара.

Час наступления близился, но зима запаздывала, первые машины пошли через Ладогу только в конце декабря. Как переправлять через Неву танки? Болота тоже еще не замерзли достаточно хорошо, а их никак не миновать, нужно провести по ним технику.

27 декабря командующие Ленинградским и Волховским фронтами обратились в Ставку с просьбой отложить из-за неблагоприятных метеорологических условий начало операции до 10—12 января. В Ставке пошли на это. Из отсрочки каждый стремился извлечь максимум пользы. Еще решительнее действовали разведчики, только в начале января они захватили 55 «языков» — больше, чем за два предыдущих месяца. В системе немецкой обороны окончательно все стало ясным, командование фронтом еще раз убедилось, что решение принято единственно верное.

За несколько дней до начала операции командующий 67-й армией генерал-майор М. П. Духанов с небольшой группой офицеров выехал во 2-ю ударную армию Волховского фронта, чтобы окончательно договориться о взаимодействии. Андрей Александрович Жданов напутствовал отъезжающих:

— Волховчане считают нас обессилевшими в осаде, могут отнести линию встречи двух армий ближе к Неве. Не соглашайтесь. Скажите, что свою задачу мы выполним, как полагается.

Еще с осени, сразу, как только началась подготовка к операции «Искра», Ленинградская партийная организация предпринимала все, что в ее силах, чтобы настроить воинов наступательно, поселить в них веру в победу. Горком партии создал специальную группу лекторов, выступавших в войсках, для фронтовиков изда-

вались десятки тысяч книг, брошюр, листовок, плакатов, во фронтовые части постоянно выезжали рабочие делегации. Коллективы Metallического и Балтийского заводов, «Большевика», других предприятий Ленинграда обратились к воинам с письмом:

«Пусть ненависть к тем, кто терзал этот город бомбами, снарядами, голодом, ожесточит ваши сердца. Вперед, воины-освободители!»

Перед операцией на двух фронтах — Ленинградском и Волховском — в ряды партии вступило без малого 28 тысяч бойцов и командиров. В январе в частях прошли партийные и комсомольские собрания, митинги. Политработники все как один были в эти дни на переднем крае. Одна мысль владела всеми: надо победить обязательно.

Вечером и в ночь с 11 января на 12-е по обе стороны шлиссельбургско-синявинского выступа все пришло в движение. Десятки тысяч солдат и офицеров нескончаемыми колоннами потянулись к переднему краю, заполняя холодные, промерзшие траншеи.

Над немецкими траншеями в эту ночь чаще обычного взлетали разноцветные, обливавшие все вокруг беспощадно ярким светом ракеты. К утру гитлеровцы поуспокоились. Погода оставалась неустойчивой: последние дни часто валил мокрый снег, а порой начинал моросить дождь. Небо и сегодня застлано низкими снеговыми тучами, с рассветом берега заволокло густым туманом, так что даже Нева поначалу еле угадывалась где-то там, за первой траншеей. Потом стало проясняться.

12 января. 9.30. Вот она, минута, которой так долго ждали! Небо над Невой прорезали огненные полосы залпа 14 дивизионов гвардейских минометов — «катюш». С деревьев посыпался снег. Грянула артиллерия: с правого берега Невы около 1900 орудий и крупнокалиберных минометов — по 144 на километр прорыва и 2100 с Волховской стороны — по 160 на километр.

В несмолкаемый грохот армейской артиллерии вплетались грозные басы поставленных на железнодорожные платформы морских орудий, они поражали цели на расстоянии до 45 километров. Снаряды весом в 700 с лишним килограммов и больше рвались на территории превращенных в мощные опорные пункты рабочих поселков Синявинских торфоразработок, в Синявине, в Мушолове и дальше. Не только на переднем крае — всюду бушевал стальной смерч, по всему пространству вбитого между нашими фронтами фашистского клина.

Все окуталось дымом, закружило снежной пылью, в воздух летели обломки бревен, какие-то черные глыбы. Только кромка земли у самой Невы, под обрывом, и скаты обрыва, хоть там и были огневые точки, какое-то время оставались нетронутыми: артиллеристы опасались при стрельбе разбить прибрежный лед и тем самым разрушить естественные подходы к берегу. Но вот уже выкатываются на прямую наводку пушки, их снаряды летят так низко, что у многих в передней траншее воздушной волной чуть не срывает каски. Теперь уже и самые близкие к реке позиции врага пестрят огненными всплесками.

Ночью маленькие ПО-2 долго барражировали над вражеской обороной, сбрасывая бомбы, и теперь бойцы снова с надеждой и тревогой поглядывают на небо: скоро ли появится авиация? Плотные, серые облака, однако, висят низко, непробиваемо. Неужели не подняться ни штурмовикам, ни бомбардировщикам? Досадовали все, а старшие командиры особенно. Они знали, что на этот раз превосходство в воздухе наше: в распоряжении Волховского и Ленинградского фронтов в тот момент имелось около 900 самолетов против 130 немецких. Потом в ходе боев фашисты удвоили численность воздушных сил, но преимущество до конца осталось за нами. Использовать его, к сожалению, в полной мере не удалось из-за погоды. Минут за 40 до конца артиллерийского наступления где-то за облаками мелькнули боевые машины: бомбардировщики остались на земле, а истребители и штур-

мовики небольшими группами, по шесть — восемь машин, поднялись в воздух.

11.15. Волховский фронт. На белом снегу, только что озаренном огненными трассами ракет, от деревни Липки близ берега Ладожского озера до Гайтолова вырастают брызжащие огнем, ошетиленные штыками цепи... Гром над Невой еще не смолкает: из-за меньшей насыщенности орудиями артиллерийское наступление рассчитано здесь на 2 часа 20 минут. За рекой ничего уже не различить, только багряные сполохи прорезают небо: на каждый квадратный метр первых вражеских линий должно прийтись по два-три разрыва. Что живое сохранится в этом аду? На нашем берегу, однако, начинают рваться снаряды. Управление у гитлеровцев, видно, нарушено, отвечают они разрозненно, неорганизованно. Но отвечают. Уже есть попадания в траншею. Первые жертвы, первая кровь...

Командир 136-й дивизии Николай Павлович Симоняк, в привычных всем черной кубанке и полушубке, наблюдал за происходящим то в стереотрубу, то поднимался на бруствер окопа. Ядро, костяк его дивизии составила отдельная стрелковая бригада, оборонявшая полуостров Ханко. Тогда они не отошли ни на один метр, эвакуировались только по приказу, морем и только в декабре 41-го. Теперь им, ханковцам, предстоит наступать в полосе главного удара. Верят им ленинградцы, в командира их верят: в армии он с гражданской войны, участвовал в героическом переходе, описанном Серафимовичем в «Железном потоке».

По правому берегу прокатился страшный грохот: 1500 подвесных зарядов подняли в воздух минные поля перед нашим передним краем; разметали заграждения: обороне конец, теперь только вперед! Еще один залп «катюш», и батареи переносят огонь в глубину обороны врага. Над Невой взмывают торжественные звуки «Интернационала»: в 136-й дивизии полковые оркестры выведены в первую траншею.

Люди на Неве и слева и справа — насколько видит глаз. Первая минута, вторая, третья...

Бегут солдаты, офицеры... На пути их пока только редкие артиллерийские разрывы. С правого фланга 136-й дивизии — 270-й полк, старейший в Советской Армии, еще в гражданскую за ним закрепилось название Путиловского, Петроградского. Теперь он называется Ленинградским. Связь та сохранена, незадолго до наступления делегаты путиловцев-кировцев, дети и внуки тех, кто на заре Советской власти составил боевое ядро части, вручили полку знамя Кировского завода, и вот оно взметнулось уже в рядах атакующих. Несет его Михаил Семенов.

2-й батальон попал под пулеметный огонь. Цепочкой застыло на льду одно из отделений — как бежали, так и рухнули скошенные прицельной очередью. Командир одной из рот тоже словно споткнулся о что-то невидимое. Метров 100 остается до вражеского берега, и вдруг затрепетало полковое почетное знамя, замерло. Качаясь, стоит Семенов, из последних сил, видно, держится, и вот кто-то принял у него полковую святыню, снова затрепетало над цепью красное полотнище, только тогда опустился на лед знаменосец...

В центре — 269-й полк, в первом эшелоне у него два батальона — Федора Собакина и Андрея Салтана. Здесь поспокойнее, еще немного — и уже левый берег. Но какие они все-таки долгие, эти 6—8 минут, как это много — 600 метров торосистого, неровного льда; штурмовые группы были на левом берегу, когда вдруг подал голос вражеский пулемет, кто-то из уцелевших гитлеровцев успел прийти в себя. Разворачиваясь на бегу в сторону пулемета, солдаты свинцом встречают свинец, и пулемет словно захлебывается на полустрочке. Наконец позади смертельные минуты и метры. Видно, как солдаты карабкаются по крутому обрыву, помогая друг другу. И танки уже там — маленькие, верткие Т-60 и Т-70 из бригады Владислава Владиславовича Хрустицкого. Тоже помощь. Тридцатьчетверки, конечно бы, лучше, но лед еще слаб, не выдержит их, для тридцатьчетверок надо строить специальные переправы.

Там, наверху, бой словно бы распадается на сотни, десятки отдельных схваток...

Николай Залетов, сержант, командир взвода из 269-го полка, в будущем первый в Советской Армии полный кавалер ордена Славы, бежал в первом эшелоне, вслед за штурмовыми группами. Бежал полуоглохшим от артиллерийской канонады. Тревожился: вдруг да останется этот шум в ушах, помеха будет в бою. Неву они проскочили на одном дыхании. Залетов попытался даже с ходу влететь на крутизну, в ту минуту ему казалось, что он все может. Не получилось, покатился обратно, еле на ногах удержался. Тогда только заметил бечевку, свисавшую с обрыва. Потянул — держится. Значит, кто-то из группы ограждения закрепил. Теперь проще. Хорошо, что морозец небольшой, можно без рукавиц. Сапоги скользят, ногами не во что упереться, только бы руки выдержали. Когда уже на круче был, позади себя услышал хрип. Залетов оглянулся, пожилой солдат из его взвода Демьян Лукич тем же путем взбирается; он еще в 19-м воевал на Пулковских высотах, с Юденичем, с тех пор и в партии; перед войной слесарил на Кировском, в первую блокадную зиму потерял всех близких, последним у него на руках умер четырехлетний внук, потому и выпросился в армию, жгла его ярость, никакие врачи не удержали, а ему-таки трудно: лицо фиолетовое от натуги, очки на самый край носа сползли, того гляди, упадут. Подал Залетов ему руку, подтянул, вместе спрыгнули в траншею. И там никого! Один поворот траншеи, другой, прямо на фашиста вылетел Залетов, реакция не подвела, нажал спуск автомата, а все равно тихо, заело что-то. Вот и смерть, вот она... Только гитлеровец почему-то не стреляет, со штыком сунулся. Залетов уклонился, штык воткнулся в стенку, обшитую досками. Дергает — не выдернуть. Не растерялся Залетов, саперной лопаткой саданул по каске так, что каска треснула... Теперь дальше, вперед, вперед, такое каждому из них боевое задание...

На направлении главного удара в полосе прорыва 136-й и 268-й дивизий бой стремительно отодвигался от берега. Управление артиллерийским огнем у противника, судя по всему, удалось нарушить, он по-прежнему отвечал беспорядочно. Наши артиллеристы уже скатывали на лед орудия. Торопились на левый берег штабы батальонов, санитары, саперы. Минут через 15 после начала атаки радиостанция «Кларнет» передала в штаб 269-го полка:

— Михайлов в первой траншее, просим перенести огонь!

Немецкие радисты, отбросив коды, в панике кричали в эфир:

— Русские атакуют. Прорвались танки!

— Просим новых подкреплений!

— В первом батальоне большие потери!

Никакого сомнения больше не оставалось: фашисты застигнуты врасплох. На командных пунктах 67-й армии и Ленинградского фронта напряженность, однако, не спадала. Наоборот, возросла. Несколько рот было брошено на 8-ю ГЭС прямо по льду.

С Невского «пяточка», правее 8-й ГЭС, в атаку поднялись гвардейцы 45-й дивизии. Они устремились в глубь обороны, в тылы этого мощного опорного пункта, чтобы отсечь, окружить его, сомкнуться с правофланговыми подразделениями 268-й дивизии, которая форсировала Неву левее 8-й ГЭС, с ее ладожской стороны. Атакующие с первых шагов стали нести потери, но порыв был велик, первая вражеская траншея рядом, вот уже там завязалась схватка, но исход ее еще не определился... Как и предполагалось, гитлеровцы ждали главный удар с Невского «пяточка», и видно, что сюда в эти минуты было приковано все их внимание. На том, впрочем, и строился расчет.

На главном направлении пока что все развивалось в соответствии с планом, несмотря на то что противник теперь не только огрызнулся огнем, а пытался контратаковать.

В 15.00 в 136-й и 268-й дивизиях на левый, восточный, берег Невы перевели или начали пере-

водить командные пункты полков. Плацдарм расширялся. 268-я дивизия, продвигаясь вперед, в то же время все глубже охватывала слева 8-ю ГЭС с 1-м и 2-м городками, оказавшимися, как и сообщала разведка, мощнейшим узлом обороны. Встречное движение с Невского «пяточка» было остановлено: 45-я дивизия захватила две вражеские траншеи, но удерживала их с огромным трудом. Фашисты обрушили на нее огонь всех батарей, с которыми сохранилась связь, в том числе и дальнобойных орудий из глубины обороны (они использовались обычно для обстрела Ленинграда и Дороги жизни).

В штабе группы армий «Север», конечно, уже поняли, что предпринимается еще одна, на этот раз хорошо подготовленная попытка прорвать кольцо, но Линдеман по-прежнему считал, что главный удар наносится с «пяточка», а потому бросал туда все резервы, находившиеся поблизости от переднего края.

Сравнительно короткий в эту пору январский день подходил к концу. Наступать на отдельных участках предполагалось и ночью, а сейчас требовалось передохнуть, укрепиться там, куда дошли.

Вместе с командующими 2-й ударной и 67-й армиями генерал-лейтенантом В. З. Романовским и генерал-майором М. П. Духановым над картами склонились заместитель Верховного Главнокомандующего, генерал армии Г. К. Жуков, представитель Ставки Верховного Главнокомандования, член Политбюро ЦК ВКП(б), Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, которые прибыли координировать действия двух фронтов, командующие фронтами генерал-лейтенант Л. А. Говоров и генерал армии К. А. Мерецков, его заместитель генерал-лейтенант И. И. Федюнинский. На командном пункте Ленинградского фронта с самого начала операции находился А. А. Жданов. Выехав на Волховский фронт, вошел в состав Военного совета 2-й ударной армии А. А. Кузнецов. Уже не раз с тем же нетерпением и с той же тревогой ждали они результатов атак, нацеленных на сокрушение вра-

жеского кольца. И уже не раз все кончалось продвижением на считанные километры, каждый из которых оплачивался большой кровью.

Теперь картина складывалась иная. Все как будто бы повторялось только на флангах прорыва с ленинградской стороны, но в центре успех был несомненный: плацдарм, захваченный к исходу дня на восточном берегу Невы, достигал 5 километров по фронту и 3 километров в глубину. 2-я ударная армия тоже преодолела первую линию вражеской обороны практически во всей полосе прорыва и прошла вперед на 2—3 километра. Проклятый перешеек сузился с 12—15 километров до 8.

Утром 13 января снова взметнулись вверх огненные стрелы «катюш», загрела артиллерия, а через 20—30 минут по всему фронту опять устремились вперед пехота и танки. На Невском «пяточке» наступающие натолкнулись на мощную контратаку. Застопорилось и наступление 2-й ударной с волховской стороны. Пьяные, с налитыми кровью глазами, фашисты шли прямо на пулеметы. И уже не бежали. Они оставались в дзотах, на огневых точках даже в том случае, если оказывались у нас в тылу.

— Солдаты,— восклицал в своем приказе командир одной из фашистских дивизий, противостоявшей волховчанам, генерал Скотти,— наша дивизия обескровлена, но мы должны до конца выполнить свой долг. Ни шагу назад. Восстановим утраченное положение. Через могилы — вперед!

В 11.30 фашисты контратаковали 268-ю дивизию, нанося удар во фланг главным силам прорыва. Появились и одиночные танки. Похоже, что штаб Линдемана намеревался отрезать от неевского берега дивизию, шедшие навстречу волховчанам. Превосходство в силе было, однако, у нас. Передовые цепи 268-й дивизии, отбрасывая контратакующих, все плотнее охватывали 8-ю ГЭС с ее городками.

Командовал 268-й дивизией Семен Николаевич Борщев, в то время еще полковник. Коммунист ленинского призыва, незадолго до войны

он закончил Военную академию имени М. В. Фрунзе, служить начинал в 168-й дивизии, прославившей себя в боях под Сортавалой и на подступах к Павловску и Колпину. Тогда ее командиром был один из героев первых недель войны — Андрей Леонтьевич Бондарев. Борщеву будет суждено дойти до Германии, это к нему направит своих парламентаров совершивший акт высшего гражданского мужества начальник гарнизона немецкого города Грейфсвальда полковник Рудольф Петерсхаген. Но все это будет впереди, а пока трудно предугадать развитие событий даже в течение ближайшего получаса. Борщев еще в 5 утра перебрался на левый берег, расположившись в обжитом, просторном блиндаже. Рассчитывал, что продвижение будет стремительным, но положение осложнялось, в бой пришлось ввести вторые эшелоны, и Борщев уже обращался к Духанову с просьбой о подкреплении:

— У нас нет танков, мало артиллерии.

Никто в тот момент еще не знал, что из-под Тосно во Мгу прибыли три эшелона с немецкой пехотой, эшелон с артиллерией, что противник подтягивает к месту прорыва танки. Когда в 16.30 Борщеву доложили об их появлении, в первый момент он не поверил:

— Бросьте! Это, наверно, волховчане или наши с «пяточка» прорвались.

Николай Руденко, адъютант Борщева, и заместитель начальника оперативного отдела дивизии Авенир Казанцев, молодые, крепкие парни, выскочили из блиндажа посмотреть, что делается вокруг. Неожиданно на них полетели снаряды с фланга, от 2-го городка. Вот уже и автоматные очереди полосуют снег, появляются отступающие к штабу бойцы. Казанцев и Руденко, сунув пистолеты в кобуры, вооружились винтовками, положили рядом гранаты и распластались на перекрытии командного блиндажа. Все, кто был поблизости, тоже приготовились к бою, заняв круговую оборону. Из дыма и тумана выскочил танк, он с ходу раздавил противотанковое орудие, поворотил к блиндажу, но на подхо-

де к нему левой гусеницей угодил в траншею. Машина еще вела огонь из пушки и пулеметов, но выбраться из траншеи не могла, и тогда кто-то из солдат вспрыгнул прямо на броню. На что рассчитывали фашистские танкисты, сказать трудно, но крышка люка вдруг поднялась. Тот час туда полетели гранаты.

Из трех танков, вышедших непосредственно в район командного пункта 268-й дивизии, подбили два. Третий убрался восвояси сам. Уцелевшие немецкие автоматчики тоже отступили, но недалеко. Они засели в деревянных домиках перед 2-м городком и повели огонь по переправе через Неву.

Главные события развернулись тем временем перед фронтом дивизии. Там, в заболоченном лесу, в бой с фашистами вступил и без того поредевший 952-й полк подполковника Александра Ивановича Ключанова. Еще в первой половине дня погиб один из его комбатов, Сергей Георгиевич Зуйков,— спортсмен, человек огромной силы: его нашли в окружении 14 вражеских трупов, он был буквально изрешечен свинцом, ему выломали руки, выкололи глаза, фашисты мстили уже мертвому. Теперь смерть настигла командира другого батальона — Николая Никифоровича Кукареко, шесть раз в течение дня водившего своих бойцов в контратаки. Сменивший его старший политрук Александр Николаевич Сальников получил смертельную рану в рукопашной, но, умирая, еще нашел в себе силы задушить схватившегося с ним гитлеровца.

Истребительно-противотанковый дивизион, которым командовал Николай Иванович Родионов, к моменту, когда в контратаку пошла броневая сила фашистов, занимал позиции против 2-го городка, прикрывая правый фланг дивизии. Сориентировавшись в обстановке, Родионов оставил там только три орудия, а все остальные стал спешно перемещать в полосу возможного прорыва. Родионова по сей час многие хорошо помнят. Высокий, крупный, но легкий и проворный в движениях. Открытое лицо. Улыбающиеся глаза. Товарищеская манера держаться. У своих под-

чиненных он пользовался беспредельным уважением. В валенках (мороз в тот день был градусов 15—17), в измазанном полушубке. Опасность словно придавала Родионову энергии. Он был оживлен, сосредоточен. Встретив командира 106-го отдельного моторизованного инженерного батальона И. И. Соломахина, сказал ему:

— Здесь на фланге им больше не пройти, а Ключанова они могут смять.

Пожалев про себя, что переправы для наших тяжелых и средних танков только еще строятся, Соломахин приказал командиру одной из рот:

— Берите мины, идите с дивизионом Родионова.

Соломахин видел, как Родионов, перекрывая возможную полосу прорыва, расставлял орудия на осушенном болоте. Бой шел еще там, за пределом видимости, но разрывы гранат и автоматные очереди, пушечные выстрелы приближались с каждой минутой.

Из леса на болото с редкими чахлыми деревьями выползали вражеские броневые машины с прижавшимися к башням автоматчиками.

Первые снаряды наших сорокопятков, ударившись о лобовую броню, отскочили словно орехи от бетонной стенки. Что же остановит эти чудовища!?

Неизвестно, кто принял такое решение, но на встречу танкам уже ползли и бежали саперы, разбрасывая прямо по снегу мины. Саперов скашивает пулеметный огонь, но оставшиеся в живых упорно продвигаются вперед, и вот уже мины летят чуть не под самые гусеницы. Танки тормозят, выскивают безопасные проходы на ставшем смертоносным кочкарнике, разворачиваются, невольно подставляя борта дивизиону Родионова.

Артиллеристы приободрились, сыпят и сыпят снаряды. Зачадил один из танков, у другого сползает гусеница... Танковая контратака приостановлена, но фашисты не пьются, отвечают огнем, автоматчики ссыпались с брони и где перебежками, где ползком подбираются к артиллерийским позициям, которые танки пытаются

обойти справа. По приказу Родионова батарея младшего лейтенанта Ольгина сдерживает пехоту. Остальные орудия разворачиваются навстречу танкам. Командир одной из батарей 20-летний лейтенант Федор Чернышев тяжело ранен, но, истекая кровью, продолжает подавать команды. Его ранит еще раз — смертельно. Разбито одно орудие, перевернуто другое...

В штабе фронта и 67-й армии уже давно всем очевидно: фашисты нацелились на прибрежный сосняк, на переправы, под корень хотят подсесть наступающих, отрезать их от реки, лишиться связи с тылами. Немецкая дальнобойная артиллерия крушит уже не только Невский «пяточок», но и главную полосу прорыва, наши тылы. Тяжелыми снарядами накрыты командные пункты Ленинградского фронта и 67-й армии. Ранены командарм М. П. Духанов и начальник оперативного отдела штаба фронта генерал А. В. Гвоздков.

— Товарищи генералы, вам нужно в госпиталь, — настаивают, сделал перевязку, врачи.

— Потом, по окончании операции, — отмахивается Духанов.

Отходя, 268-я дивизия обнажила правый фланг 136-й, где наступал Ленинградский полк, и туда уже просачивались группы вражеских автоматчиков, перестрелка то и дело возникала даже у переправ. Немецкие рации захлебывались от радости, недавнее отчаяние гитлеровских вояк сменилось безудержным ликованием:

— Отрезаем их от переправ, отрезаем!

— В Шлиссельбурге держитесь, к вам идут подкрепления!

— Подходят резервы. Много резервов. Они разгромят наступающих русских.

Михаил Павлович Духанов, сухощавый, очень подвижный, внешне вел себя как обычно, оставаясь предельно выдержанным и корректным. Только по тому, что он курил папиросу за папиросой, можно было угадать, в каком напряженном состоянии он сейчас находился. Участник первой мировой и гражданской войн, член партии с 1918 года, в 41-м Духанов был помощ-

ником командующего Ленинградским военным округом по военным учебным заведениям, и за ним прочно закрепилась репутация грамотного, высококультурного и вместе с тем боевого генерала. В начале войны вместе с ленинградскими курсантами он принял боевое крещение на лужском рубеже, а в тяжелые сентябрьские дни вступил в командование 10-й стрелковой дивизией, после того как гитлеровцы нанесли ей тяжелое поражение при попытке отбросить их от Урицка и Петергофа. Словом, повидать и пережить Михаилу Павловичу довелось в жизни немало, и все-таки еще никогда не возлагалось на него такой ответственности, как сейчас, никогда еще не приходилось ему попадать в эпицентр военной операции такого масштаба и такого значения.

Духанову конечно же сразу доложили о ликовании врага. Что это? Действительно, уверенность в своих силах? Конечно, 11—12 дивизий в самое короткое время сюда могут перебросить фашисты. Значит, надо спешить. Одно из условий успеха операции в том и состоит, чтобы провести ее возможно быстрее и, сомкнув фронт с волховчанами, развернуть его к югу, к Синявинским высотам, ко Мге — навстречу врагам, которых двинут сюда, чтобы заделать брешь в осадном кольце.

Черные от порохового дыма и торфяной пыли цепи ханковских батальонов Симоняка прибавляли шагу. Солдаты не без тревоги поглядывали назад и вправо, где продолжали греметь наши и вражеские орудия, дробно, заливисто стучали наши и вражеские пулеметы, автоматы. Шедшие почти сразу за передовыми цепями комбаты Х. С. Ефименко и И. Н. Душко поторапливали задержавшихся:

— Вперед, ребята. За фланги отвечают старшие начальники. Наше дело идти вперед,

— Охранение бы на фланг.

— Охранение будет. Привыкайте наступать. Нам теперь до самого Берлина идти.

...Отступив на 1½—2 километра, примерно к линии, достигнутой к концу первого дня наступ-

ления, 268-я дивизия выстояла, не позволив танкам пробиться к переправам и ударить во фланг ханковцам. Когда все стихло, С. Н. Борщев со своими штабистами пошел на позиции Родионова. Метрах в 200 от них догорало 11 фашистских танков, 12-й чадил в нескольких метрах от одного из наших орудий. Рядом с ним лежал сраженный пулеметной очередью Родионов. В последние минуты он остался один, сам был за заряжающего и наводчика.

В ночь на 14-е по четырем переправам, наведенным саперами под руководством командующего инженерными войсками Ленинградского фронта генерал-майора инженерных войск Б. В. Бычевского, пошли средние и тяжелые танки. Переправлялись на плацдарм части второго эшелона. Говоров и Духанов не сомневались, что наутро гитлеровцы попытаются пройти снова там же, где накануне им преградила путь 268-я дивизия, и в случае их успеха ушедшие вперед ханковцы будут обречены на уничтожение. Может, все-таки придержать Симоняка, дать максимум подкреплений Борщеву, встретить новые контратаки мощным контрударом? Силы есть. Но как же тогда с расчетом на стремительность удара?! Стоит вязаться в бой на второстепенном направлении, наступление замедлится; Линдемман, даже если его танки не пробьются к переправам, успеет подтянуть новые дивизии и снова расширить сужающийся перешеек. Духанов связался с Н. П. Симоняком. Тот был настроен решительно:

— Завтра снова пойдем вперед! Порох в пороховницах ханковцев не отсырел.

14 января основательно ослабленная 268-я дивизия осталась на месте, так же как и свежая 102-я стрелковая бригада А. В. Батлука. Натиск противника они сдерживали с большим трудом и с большими потерями. Днем через Неву спешно переправились, и в 14.00 атаковала фашистов, снова и снова пытавшихся пройти к переправам, 123-я стрелковая дивизия, она играла роль своего рода флангового щита.

— Главное — прикрыть Симоняка, — преду-

предили командира дивизии полковника А. П. Иванова.

268-ю дивизию подкрепили 152-й танковой бригадой и 142-й морской стрелковой бригадой. Симоняк, прислушиваясь к неутихавшей канонаде, позвонил Иванову:

— Как там у вас?

Иванов его успокоил:

— Трудно, но фашистов к тебе не пустим. Иди вперед!

Духанов, угадывая беспокойство Симоняка, подтвердил:

— Фланги твои прикрою. Артиллерии подкину. Давай вперед, Николай Павлович!

С волховской стороны до ханковцев уже долетали звуки боя. К ночи на 15 января два острия прорыва сблизились на четыре километра. Волховчане еще вечером были на восточных подступах к Рабочему поселку № 5. 15 января в полдень рота Владимира Михайлова из батальона Федора Собакина 269-го полка ворвалась на северную окраину поселка. Михайлов, ленинградец, человек богатырского сложения, отличился еще при форсировании Невы: в рукопашной уничтожил несколько фашистов. В мужестве Михайлова Симоняк не сомневался, но все же повременил сообщать об успехе: силы врага нарастали.

Осторожность Симоняка оправдалась: Михайлову пришлось отойти. Волховчане атаковывали Рабочий поселок № 5 трижды и трижды откатывались назад. Он был настоящей крепостью. Каменные здания фашисты превратили в доты, построили дзотов, блиндажей, возвели забор из двух рядов толстых бревен, засыпав пространство между ними землей, кирпичом и камнем. Прикрылись несколькими рядами колючей проволоки, плотными минными полями, эскарпами, противотанковыми рвами.

Еще три дня, отбиваясь от возрастающего по силе сопротивления гитлеровцев, 67-я и 2-я ударная армии шаг за шагом шли на сближение по всему фронту. 16 января с утра, оставив 342-й полк на левом фланге для перехвата гитлеров-

цев, все еще остававшихся в Шлиссельбурге, Симоняк двинул два других полка — 270-й ленинградский и 269-й — вперед, но на этот раз не прямо на Рабочий поселок № 5, а в обход. Бой уже разгорелся, когда на наблюдательном пункте появились К. Е. Ворошилов и Л. А. Говоров.

— Рассказывай, Симоняк, как воюешь, — Климент Ефремович подошел к карте. — Где у тебя полки?

Симоняк доложил. Говоров нахмурился:

— Медленно. Что вам сейчас требуется, чтобы смять противника и соединиться со 2-й ударной армией?

— Ничего не требуется. Все есть.

— И артиллерии хватает? И снарядов?

— Мы из трофейных орудий составили несколько батарей. Снарядов у них вдоволь.

Они тут же уехали, но вскоре позвонил М. П. Духанов:

— Командующий распорядился направить тебе еще один стрелковый батальон.

Обойти 8-ю ГЭС не удалось. Шлиссельбург гитлеровцы удерживали еще 17-го, но 18-го с утра, оставив прикрытие, устремились в сохранившуюся узкую извилистую горловину. Встречной атакой двух полков от Синявина фашисты попытались вызволить шлиссельбургскую группировку, но были отброшены: перешеек практически переставал существовать.

Вечером 17 января, когда до волховчан оставалось около километра, Симоняк вызвал к себе Алексея Бровкина, командира взвода разведки, лихого парня. В прошлом топограф, он прекрасно ориентировался на местности. Дня за два до этого генерал в чем-то понапрасну упрекнул разведчика и теперь чувствовал себя не очень удобно. Бровкин держался подчеркнуто официально: обиды он прощал неохотно и трудно.

— Вот тебе задание: пройди фронт, свяжись с волховчанами. Скажи, где мы, — коротко приказал Симоняк. — Чтоб, не ровен час, не перестрелять друг друга.

Командир одной из рот 269-го полка ханковец Владимир Михайлов, уже побывавший, как

говорилось, в Рабочем поселке № 5, посоветовал Бровкину:

— Видишь, высотка 11,8. У него там пулеметы. Возьмешь левее и через дорогу, что проложена по насыпи узкоколейки, рельсы там сняты.

Бровкин по сей день помнит почти всех, кто был тогда с ним. Савинский Леня — Леонид Юрьевич, ныне технолог на фарфоровом заводе в поселке «Пролетарий» Новгородской области; Дмитриенко Афанасий Николаевич — плотник в колхозе под Киевом; Рединов Саша — Александр Георгиевич — в Брянской области мастером на сахарном заводе; Гриша Гниловщенко, мордвина Петр Власкин и Соколов (они погибли, но не тогда, а позднее). Не забыл Бровкин и Петрунина Ивана Евдокимовича, тоже мордвина, только судьбы его не знает.

К насыпи они вышли к утру. По ней уже тащились фашисты, надеясь пробиться к Синявину. Было их много, и, не дождавшись, пока они пройдут, Бровкин решил прорываться силой. На насыпь полетели гранаты, с автоматами в руках разведчики выскочили из леса, но тут же один за другим прекратили огонь: гитлеровцы бросали оружие, покорно поднимали вверх руки. Отправив с сопровождающими пленных в тыл, Бровкин повел разведчиков дальше. Прошли они немного, когда увидели солдата. Коренастый, небольшого роста, в шинели, с вещмешком за плечами и с винтовкой. Ленинградцы, наступавшие в первой линии, по преимуществу были в полушубках, с автоматами, а вещмешки оставляли в обозе. Значит, волховчанин. Бровкин махнул ему рукой, тот продолжал медленно идти вперед, но не ответил, а принялся стаскивать с плеча винтовку.

— Ну, ты брось, брось, — встревожился Бровкин. — Не видишь, что свои? Из какой ты дивизии?

Волховчанин насторожился еще больше, так и стреляет глазами по сторонам, ищет, видно, где бы укрыться.

— Да свои мы, свои, дубина стоеросовая, ле-

нинградцы,— чуть не плача повторяет Бровкин, но с места не двигается и автомат не трогает. Выстрелит ведь, не побоится, не потянет вверх руки, не из таких.

Бровкин не помнит, как они убедили солдата, заплутавшего по пути в свой штаб, что перед ним действительно ленинградцы. Поверив, волховчанин вдруг ткнулся лицом Бровкину в грудь и зарыдал в голос:

— Знал я, знал, что вы близко. Нам говорили.

Пока он успокаивался и тер мерзлой рукавицей глаза, Бровкин сокрушался:

— Выпить бы сейчас по такому случаю, вот взять не догадались, мы у немцев шесть ящиков коньяку захватили. Ну, да ничего, успеется. Ты, парень, беги к своим, скажи, где мы, что скоро атакуем Пятый поселок...

В 11.45, вторично ворвавшись в Рабочий поселок № 5, ханковцы из 269-го полка сошлись наконец с передовой цепью 424-го полка 18-й стрелковой дивизии Волховского фронта. Через 15 минут правее Рабочего поселка № 5 волховчан заключили в объятия бойцы 270-го Ленинградского полка 136-й дивизии ханковцев. Здесь и там звучало: «Пароль?» — «Победа!» — «Отзыв?» — «Смерть фашизму!» На этот раз все было не как у Бровкина. По правилам, договоренным заранее.

Поначалу считалось, что это и были первые точки соприкосновения двух фронтов. Скоро, однако, выяснилось, что еще раньше, в 9.30 утра, на восточной окраине Рабочего поселка № 1 встретились с волховчанами бойцы 123-й стрелковой бригады, которая с вечера 13 января наступала слева от ханковцев, бок о бок с ними. Фронты смыкались в те часы по всей 13-километровой полосе прорыва, а в 14.00 красный флаг взвился и над Шлиссельбургом: его поднял над полуразрушенной колокольней солдат М. Г. Губанов.

В ночь на 19 января ленинградское радио не прекращало передач до утра. Снова звучал родной голос Ольги Берггольц:

...Нам только надо в городе прибраться,—
он пострадал, он потемнел в бою.
Но мы залечим все его увечья,
следы ожогов злых, пороховых.
Мы в новых платьях выйдем к вам
навстречу.
К «Стреле», пришедшей прямо из Москвы.

Как раз в это время советские войска завершили разгром гитлеровцев под Сталинградом, и теперь уже не оставалось сомнений, что здесь, на северо-западном направлении, инициатива также окончательно перешла в наши руки. Наступил переломный момент в грандиозной битве за Ленинград.

Через две недели, в ночь на 6 февраля, по проложенной в рекордно короткий срок железной дороге Шлиссельбург — Поляны прошли первые поезда. Фашисты еще просматривали с Синявинских высот коридор, пробитый в блокадном кольце, яростно, с остервенением обстреливали буквально каждый шедший по новой дороге поезд, но сухопутная связь осажденного города с Большой землей все равно уже была восстановлена.

Еще год в осаде

Эту коротенькую историю ленинградская учительница, а в годы блокады начальник детского приемника-распределителя Н. Трунина припомнила уже после войны. Шло занятие в дошкольной группе. Самое обыкновенное занятие. И вопрос был задан обыкновенный:

— Что падает с неба?

Она задавала этот вопрос, вероятно, сотни раз. И столько же раз ей отвечали: снег! Но воспитательнице хотелось, чтобы ребята посоревновались в наблюдательности, рассказали, каким он бывает. Сейчас неожиданно для себя она услышала:

— Бомбы.

В растерянности воспитательница попыталась повернуть разговор в привычное для нее русло:

— А что еще?

— Снаряды.

— Осколки.

— Кирпичи с крыши.

— Парашютисты.

О снеге никто так и не вспомнил. Ребята начинали сознательно воспринимать мир в годы войны, и небо существовало для них совсем в другом качестве, нежели для их довоенных сверстников. В 1943 году оно оставалось грозным и часто несущим смерть. Несмотря на то, что ленинградская противовоздушная оборона постепенно набирала прежнюю мощь. Гитлеровцы посылали теперь на Ленинград одиночные бомбардировщики или небольшие их группы. В марте и в апреле они прокрадывались в наше воздушное пространство чаще всего в сумерках

или в ясные лунные ночи, когда наблюдение за ними затруднено, а в мае стали появляться днем, пересекая линию фронта на большой высоте, с приглушенными моторами и с разных направлений. Бомбардировки несли не только жертвы и разрушения, многочасовые воздушные тревоги нарушали деловую жизнь города. 22 мая, слушая отчет командования армии ПВО, бюро горкома партии потребовало от него решительнее переходить к контратакам. Рекомендации бюро горкома партии были приняты к исполнению, и наступательная тактика, в частности штурмовые удары по вражеским аэродромам, дала свои результаты. В июне по сравнению с прежним к городу прорвалось в девять раз меньше вражеских самолетов.

Во второй половине года от бомб пострадало всего 12 человек, причем убитых не было вовсе, только раненые.

Главной опасностью с этого времени стали артиллерийские обстрелы.

Свои крупнокалиберные батареи фашисты оттянули на позиции, до которых большинству наших артиллерийских систем было не достать. Чтобы как-то бороться с ними, на кораблях по фарватеру в Финском заливе, проходившему в трех километрах от берега, занятого врагом, на Ораниенбаумский плацдарм наше командование перебросило два артиллерийских полка и ряд других подразделений. Фашистские артиллеристы, разрушавшие город, теперь не оставались безнаказанными, но уничтожить их не удавалось: в 43-м году в Ленинграде разорвалось свыше 68 тысяч снарядов — намного больше, чем в 42-м.

Все еще не исключалась вероятность вражеского штурма города. Меры, направленные на укрепление его обороны, обсуждались 17 мая на городском собрании партийного актива. Ленинградцы снова взялись за кирки и лопаты: приводили в порядок созданные ранее оборонительные линии, строили и новые огневые точки. Рабочие батальоны, составлявшие внутренний гарнизон города, получали на вооружение танки, полевые

пушки, минометы, противотанковые ружья, пулеметы и автоматы. К 19 учебным пунктам в городских районах прибавилось 25 новых учебных центров на крупных предприятиях, причем курс военной подготовки наравне с мужчинами проходили женщины.

Да, враг оставался у стен Ленинграда, но город продолжал набирать силы. Сразу после прорыва блокады в Москву вызвали главного инженера «Электросилы» Д. В. Ефремова: крупный специалист-электротехник, профессор, он был в числе тех 16 с лишним тысяч ленинградцев, которые вступили в партию в тяжелейшем 1942 году. Ефремова прямо спросили:

— Способно ли предприятие в сложившихся условиях нормально работать?

Он не колебался:

— Мы мечтаем о восстановлении довоенного производства и готовимся к этому. Электросиловцы с радостью возьмут на себя любое, самое сложное задание.

Постановление «О мерах по восстановлению производства турбогенераторов, гидрогенераторов и крупных электромашин на заводе «Электросила» Государственный Комитет Обороны принял 6 марта. На второе полугодие заводу дали производственную программу. С Большой земли ему отправляли сотни металлорежущих станков, литье, поковки валов, листовое железо и многое другое. 500 строителей выделила заводу армия, 15 строительно-монтажных бригад организовали на самом заводе. Общезаводское партийное собрание, состоявшееся 23 марта, обязало всех членов и кандидатов партии принять личное участие в восстановительных работах, прежде всего в монтаже оборудования. Квалифицированных монтажников тем не менее доставало — их собирали, по указанию горкома партии, со всех предприятий города, на «Электросилу» было командировано 110 слесарей. Потом выяснилось, что необходимого оборудования в срок с Большой земли не доставить. Как быть? Работники горкома партии посоветовали:

— Пройдите по предприятиям — может, найдете, что вам нужно. Мы даем на это добро.

Коммунисты обошли 50 предприятий и действительно отыскали больше 90 станков.

Наступала третья декада апреля, а график выдержать не удавалось. 23 апреля партийное бюро «Электросилы» собралось на экстренное заседание. В числе принятых им решений были такие: всех коммунистов, знакомых с монтажом, мобилизовать на сверхурочную работу; длительность рабочего дня не ограничивать. Полуразрушенный турбогенераторный корпус восстанавливался на глазах, его южный фасад скоро заблестал в лучах солнца непривычными для ленинградцев-блокадников огромными застекленными окнами.

— Везде стекло, ни одной фанерки, — радовались электросиловцы. — Лучше, чем до войны.

Уже чувствовалось приближение Первомайского праздника, и ленинградцы готовились к нему. 24 апреля отдел торговли Ленгорисполкома известил о крупной выдаче продуктов сверх плана. В извещении, в частности, говорилось: «...грибы сухие, овощи сухие, сельдь, грецкие орехи, мука, манная крупа выдаются за счет продовольствия, поступившего от трудящихся Горьковской и Ярославской областей, Приморского и Красноярского краев, Узбекской ССР, Казахской ССР и других областей и краев...» Значительная часть подарков передавалась прямо на предприятия. Словом, все налаживалось, до пуска цеха оставалось четыре дня, когда вдруг 26 апреля один за другим на территории завода начали рваться снаряды. 48 разрывов, 25 убитых и раненых. Новые разрушения. В том числе и в только что восстановленном цехе. В воздухе еще висела пыль, а люди уже возвращались на рабочие места. Увидев воронки там, где стояли станки, а в остекленном фасаде рваные раны, оцепенело останавливались. В первый момент казалось, что все рухнуло, ничего уже не поправить. Потом кто-то взялся за лопату, кто-то за кирку, кто-то за лом:

— Что ж делать!? Начнем снова!

1 Мая, в день пролетарского праздника, как и было назначено, в цехе ровно и мощно заехали станки. В 1943 году электросиловцы поставили гидрогенератор для Рыбинской ГЭС, которая давала тогда ток столице, 100-тысячный турбогенератор для Челябинской ТЭЦ, турбогенераторы для Алтайского тракторного и Челябинского металлургического заводов, машины для восстанавливаемых донецких электростанций и металлургических заводов и многое другое.

Кроме «Электросилы» задания ГКО или наркоматов в первом полугодии получили еще 26 предприятий. Сегодня факт этот звучит буднично. Между тем выполнение таких заданий требовало усилий, далеко выходящих за пределы обычного даже по меркам военного времени. На «Русском дизеле», например, сгорели все цехи. Коллектив стекольного цеха «Светланы» состоял из двух инженеров и единственного рабочего-выдувальщика. На Кировском заводе искали, но не нашли ни одного трудоспособного прокатчика, а первый квалифицированный литейщик появился только в конце года, и лишь потому, что после тяжелого ранения его демобилизовали. Довоенного оборудования в целом по городу оставалось не больше 30 процентов, пускать в ход приходилось даже станки, списанные на лом. Склады пустовали: почти все запасы сырья и материалов были или вывезены или израсходованы.

Как быть!? В Ленинграде работало уже свыше 80 процентов населения, в том числе много людей пенсионного возраста и 14—15-летних подростков. Татьяна Андреевна Петрова, в то время второй секретарь Смольнинского райкома партии, в своем рассказе, записанном еще в 1943 году, процитировала такую «накладную» 15-летнего бригадира кровельщиков. Он жаловался на одну из своих работниц: «Я сделал ей замечание, так как она плохо работала, потому что она принесла с собой куклу и играла на крыше с куклой. Когда я сделал ей замечание, то она после обеда принесла кроме куклы еще и куклину кровать. Прошу принять меры...» Да,

Все резервы рабочей силы были исчерпаны, единственный выход состоял в том, чтобы перераспределить работающих, и в Ленинграде снова пошли на это. По решению горкома партии, принятому в июле, законсервировали еще несколько заводов, ликвидировали или слили в более крупные десятки артелей, проектных организаций, высвободив около 20 тысяч рабочих. 10 тысяч работников дало сокращение управленческого аппарата. Понятно, что одной из важнейших партийных забот стало профессиональное обучение. Обретали прежнюю силу нормы партийной жизни. Состояние внутрипартийной работы рассматривалось, в частности, на прошедших летом пленумах райкомов и собраниях партактива, снова стали проводиться отчеты и выборы в первичных парторганизациях, в ноябре во всех районах прошли собрания районного партийного актива, где по существу обсуждались отчеты райкомов партии. Снова открылись курсы пропагандистов, возобновлялись занятия в сети политического просвещения. В ряды партии в течение 1943 года вступило свыше 20 тысяч человек. Если учесть, что населения в городе осталось немного, что во всей партийной организации к началу года не было и 44 тысяч человек, что коммунисты продолжали уходить на фронт, то это очень большая цифра.

Крепнущая боеспособность партийных организаций давала себя знать в непрерывно растущей инициативе, энергии трудовых коллективов. Комсомольцы Адмиралтейского завода выступили с призывом пересмотреть нормы, намеренно заниженные зимой 1941/42 года, когда рабочих косила голодная смерть; повсюду теперь вводили в действие технически обоснованные, расчетные нормы. Оживало рационализаторское движение. Новыми формами обогащалось социалистическое соревнование. На «Электросиле» завели книги подарков фронту, входили в обычай трудовые стахановские вахты в честь освобождения советских городов.

План производства промышленной продукции ленинградцы выполнили досрочно, по итогам

Всесоюзного социалистического соревнования 11 производственных коллективов заняли первые места и были награждены переходящими Красными знаменами ГКО, 99 предприятий получили Красные знамена ВЦСПС или ЦК профсоюзов и наркоматов. Продукции выпустили на 2,5 миллиарда рублей. Ленинградские заводы вновь стали поставлять крупнокалиберную морскую артиллерию, строить малые корабли и катера, в том числе тральщики. Был налажен выпуск мин, снаряженных новыми видами пороха, развернуто массовое производство артиллерийских снарядов. Автоматов в Ленинграде изготовили свыше 160 тысяч, ручных и станковых пулеметов — в четыре раза больше, чем в предыдущем году.

Что еще примечательнее, в городе появились предприятия, частично или даже полностью перешедшие на мирную продукцию. На заводе имени Воскова вновь стали выпускать инструменты, на «Светлане» — электровакуумные приборы; на заводах имени Ильича, Макса Гельца, имени Второй пятилетки и других возрождали станкостроение. В городе действовало 13 вузов, правда, занятия в них проводились большей частью по вечерам, так как студенты в основной своей массе работали. Расширяли тематику исследований научно-исследовательские институты.

Ленинградские художники представили на свою весеннюю выставку свыше 300 произведений живописи, скульптуры, графики. Музыканты провели конкурс на лучшее симфоническое и вокальное произведение. Александр Прокофьев и Вера Инбер писали свои поэмы «Россия» и «Пулковский меридиан», которым суждено было приобрести широкую известность, так же как созданным в Ленинграде стихам Николая Тихонова, Ольги Берггольц, Михаила Дудина.

3 июня в торжественной обстановке началось вручение медалей «За оборону Ленинграда», отчеканенных в Ленинграде на Монетном дворе. До конца года эту почетнейшую награду получили около 300 тысяч ленинградцев.

Да, враг еще стоял перед Пулковскими высотами и перед Колпином, в Лигове, в Пушкине, в Петродворце, город еще оставался под огнем вражеских батарей, но никто уже не сомневался, что Ленинград выстоял. Выступая на торжественном заседании, посвященном 26-й годовщине Великого Октября, второй секретарь горкома партии А. А. Кузнецов сказал:

— Сейчас перед нами не стоит проблема обороны города. Эта проблема решена. Мы должны быть готовы к тому, чтобы полностью снять блокаду Ленинграда, нанести сокрушительный удар по немецко-фашистским захватчикам.

Этот вывод ни для кого не был неожиданным, ленинградцы готовились к снятию блокады.

Еще 15 сентября гвардейские дивизии 30-го стрелкового корпуса генерал-майора Н. П. Симоняка после мощной артподготовки, разрушившей всю систему вражеских траншей и ходов сообщения, после трех дней боев захватили наконец Синявино и утвердились на Синявинских высотах; железная дорога, связывавшая Ленинград со страной, была теперь вне поля зрения вражеских артиллеристов.

И прежде ленинградцы не просто мечтали о будущем, а планировали его. Горком партии и горисполком еще зимой 1941/42 года сочли необходимым позаботиться об обеспечении города проектами и сметами восстановительных работ. Теперь наступала пора рабочих чертежей. В октябре 1943 года по решению горкома партии и горисполкома в Ленинграде энергично взялись за разработку основных положений генерального плана восстановления Ленинграда и плана восстановительных работ первой очереди. Инициативу Ленинградской партийной организации сразу же поддержало Советское правительство. 9 ноября оно приняло решение «О восстановлении и развитии промышленности строительных материалов в г. Ленинграде». Под проекты ленинградцев закладывалась солидная материальная база. В ноябре — декабре проводятся собрания коммунистов, курс сразу берется на максимум возможного, речь идет не только о восста-

новлении разрушенного, но также о новом градостроительстве, в том числе о необходимости «повернуть Ленинград лицом к морю», преобразовать хаотически застроенную прибрежную зону в морской фасад города.

В мечтах и проектах забежали на годы и годы вперед, и, чем смелее и дерзновеннее получались проекты, тем больше хотелось строить уже сейчас, несмотря на продолжавшуюся войну. Оделись в строительные леса Ленинградский филиал музея В. И. Ленина, Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Академический театр оперы и балета имени С. М. Кирова, Адмиралтейство, Русский музей, другие здания. В некоторых районах принялись высаживать кустарники и деревья. Приступали к очистке каналов и рек. Ремонтировали жилье, дороги...

Вести, доходившие из Ленинграда до гитлеровцев, приводили их в неистовую злобу, они еще могли мстить за свое поражение и мстили. Гитлер приказал обстреливать город непрерывно, притом, как он особо настаивал, «не столько оборонительные сооружения, сколько жилые кварталы». Обстрелы продолжались многие часы подряд, был день, когда в городе разорвалось свыше двух тысяч снарядов. Нанести максимальный урон всему советскому — такие цели ставило теперь перед собой командование группы армий «Север». Оккупированные ими районы фашисты вознамерились превратить в зону пустыни и теперь торопились вывезти все оставшееся в живых население в свои тылы...

* * *

Странно видеть этот одинокий домик посреди пустынного, кочковатого луга. Почему бы не перебраться ему на пригорок? Или хотя бы к лесу? Наконец, прямо к воде? Только когда подойдешь поближе, становится понятным, что помешало строителю выбрать участок удобнее. По обе стороны небольшой быстрой речушки (это хорошо известная ленинградцам Оредеж) тянутся ста-

ринные булыжные дороги. И тесно, один рядом с другим,— фундаменты домов да развалины русских печей. Домик поставлен точно там, где был до войны, на исчезнувшей деревенской улице. Словно солдат, первым прибежавший на поверку и застывший на привычном ему месте. Только затянулась поверка. Никого не появилось больше в шеренге. Некому заново рубить дома, складывать печи, рыть колодцы...

— Большим Заречьем называли наше село. Большим,— напоминает хозяин домика Григорий Васильевич Федотов. Когда я был у него в 1971 году, он служил у метеорологов, наблюдал за уровнем воды в Оредеже.— Дворов у нас набиралось около 180. Во многих дворах по два-три дома. Улицы и на той стороне реки были, и за погостом. Все пожгли фашисты. С факелами ходили. Людей поизничтожили. Здесь погибли жены двух моих братьев — Евдокия и Пелагея...

Мы приезжали в Большое Заречье вместе со скульптором Марией Тимофеевной Литовченко. Она — один из авторов мемориала, который вскоре встал над Оредежем: площадка, цветник над братской могилой, две невысокие стелы и огромная фигура партизана, склонившего голову перед павшими. Высота памятника вместе с пьедесталом почти семь метров.

— Сколько я вариантов перепробовала,— взволнованно делилась Мария Тимофеевна.— На фигуре партизана остановилась уже потом. Сначала лепила рельефы, хотела воспроизвести трагические сцены гибели деревни...

Трудно представить это, но он был, последний для Большого Заречья день — 5 октября 1943 года. Пылающие избы под хмурым небом. Слякоть. Фигуры фашистов с канистрами, полными бензина, или с факелами в руках. Отчаянные женские мольбы. Детский плач. Сухой треск автоматных очередей.

— Как зверей, вылавливали,— глухо звучит голос Федотова.— Гранаты кидали в землянки. Пятерых женщин нашли вон там, в бункере. Всех постреляли. Многих погнали в Глумицы. Заперли в избу и сожгли...

Всего, по неполным данным, 5 октября было сожжено заживо 53 человека, расстреляно — 13. Рысовых пятеро, в том числе детей двое, один трех лет, другой трех месяцев, Лукиных шестеро, в том числе детей трое, восемь Максимовых, семеро Тимофеевых, в том числе детей пятеро — Миша, Федя, Галя, Лида, пятое имя не вспомнили; трое Шумиловых и ребенок, Егорова Евгения Георгиевна и двое ее детей, учительница из деревни Донцо, фамилия ее забылась... Это из списка сожженных. Дальше расстрелянные: Федотовы Пелагея Михайловна и Евдокия Васильевна, 13-летний Борис Куприянов, жена мельника Мария Степановна...

— Кто остался, поселились после войны в Глумицах, там много сохранилось пустых изб. Так и получилось, что я тут один...— говорит Григорий Васильевич.

Списки погибших как незажившая рана. Время может притушить боль, но она снова и снова будет возвращаться в сердца детей, внуков, правнуков. Мемориал — вещественное воплощение неутихшей боли. Одна из стел напоминает о сожженных и расстрелянных. Вторая — о партизанах, сложивших головы неподалеку от Большого Заречья. Среди них были: первый секретарь Волосовского райкома партии В. Т. Кашерин, тогдашний председатель Волосовского райисполкома Н. В. Суворов, еще один секретарь райкома — В. А. Ключин, народный судья О. И. Конькова. Один из героев партизанского движения, командир 12-й партизанской бригады А. А. Ингинен знал их лично и хорошо помнит.

— В апреле 42-го по их следам много дней неотступно шли каратели,— рассказывает Александр Адольфович.— Партизаны было оторвались от карателей, но в деревне Черное их выдал староста.— К счастью, немецкий офицер был пьян, орал, солдаты галдели, партизаны услышали шум и успели скрыться. Целую ночь, оборванные, голодные, шли по болотам к Большому Заречью. Там их обогрели, собрали для них продукты, одежду. Они пошли дальше, но кара-

тели снова стали наступать их. В одном из хуторов, километрах в шести от деревни, им пришлось занять круговую оборону. Отбивались до последнего. Живым фашисты взяли только израненного Ивана Николаевича Пантина, секретаря райотдела НКВД. Пытали его, издевались над ним, но он ничего не сказал...

От Волосовского партизанского отряда осталось человек десять — группа Ингинена, скомплектованная из лучших лыжников, она выполняла другое задание. В те дни фашисты кидались по каждому лыжному следу, выезжали на каждый выстрел, жгли дальние хутора и деревни. Хотели разом положить конец партизанскому движению. Уцелевшие партизанские группы уходили от преследователей, неся большие потери. Но не сдавались. Нападали сами, расклеивали листовки по деревням, вели разведку, снова и снова собирали силы, комплектовали новые отряды.

— Еще в 1942 году повсюду стали создаваться по решению Ленинградского обкома подпольные межрайонные партийные центры. В 1943 году только в северо-западных районах Ленинградской области партизаны освободили свыше 400 населенных пунктов. Фашисты уже чувствовали, что им не удержаться на чужой земле, и готовились к тому, чтобы оставить после себя пустыню, увести за собой все население. Приказ о массовой эвакуации они издали 21 сентября 1943 года. Было объявлено: уклоняющиеся от выезда будут рассматриваться как партизанские пособники.

— Народ повалил к партизанам. Мирное население переполнило партизанские лагеря. Часть населенных пунктов мы взяли под вооруженную охрану и не допускали туда фашистские эвакуационные команды. На Большое Заречье сил у нас не хватило, деревня была расположена слишком близко к крупным немецким гарнизонам. Но жители все-таки пытались спастись, никто не хотел в неволю. Тогда и разыгралась трагедия. Не только в Большом Заречье. Горели десятки деревень...

Оценив сложившуюся обстановку, 24 сентября 1943 года Ленинградский обком партии обратился к населению оккупированных районов с призывом:

— Поднимайтесь все на беспощадную истребительную войну против немецких оккупантов!

По данным на 1 января 1943 года, в партизанских отрядах насчитывалось около 3 тысяч человек, 1 ноября партизан было уже свыше 14 тысяч, в декабре — 35 тысяч. В течение года ленинградские партизаны истребили без малого 36 тысяч гитлеровцев, разгромили 94 вражеских гарнизона, взорвали 447 мостов, вывели из строя свыше 600 километров линий связи...

Это были уже не отдельные диверсии, налеты, рейды. Это было массовое всенародное восстание.

Победы светлый час!

По заснеженным, затемненным московским улицам быстро катит машина, сухой колючий снежок слепит ветровое стекло. Она подъезжает к Кремлю. В машине генерал И. И. Федюнинский.

Почему его так срочно отозвали с Белорусского фронта, Иван Иванович начал догадываться только в тот момент, когда его пригласили в кабинет И. В. Сталина: там были А. А. Жданов, заместитель начальника Генерального штаба генерал армии А. И. Антонов, командующий Ленинградским фронтом Л. А. Говоров. Сталин поздоровался с Федюнинским за руку:

— Здравствуйте, товарищ Федюнинский!

— Здравствуйте, товарищ Сталин!

Сталин внимательно смотрит на него. Спрашивает:

— Охотно ли вы поедете в Ленинград? Не жаль будет расставаться с Белорусским фронтом?

Федюнинский не успевает ответить. В разговор вступает Жданов:

— Мы считаем генерала Федюнинского ленинградцем. Так ведь, Иван Иванович? И мысли не допускаем, чтобы он отказался вернуться на Ленинградский фронт.

— Ленинград мне очень дорог,— у Федюнинского вырывается это само собой.— С ним в моей жизни связано многое.

На лицо Федюнинского набегают тень; трудные это воспоминания. Командующий 42-й армией в сентябрьские дни 41-го, когда судьба

Ленинграда решалась на Пулковских высотах, потом некоторое время командующий Ленинградским фронтом, в тяжелых ноябрьских боях под Волховом командующий 54-й армией; фашистов тогда остановили перед самым Волховом, не позволив им выйти к восточному берегу Шлиссельбургской губы, а потом и разгромили всю действовавшую там группировку «Бекман». Наконец, в дни прорыва блокады в январе 43-го — заместитель командующего Волховским фронтом...

Сталин поворачивается к Говорову:

— Какой армией поручено командовать товарищу Федюнинскому?

— 2-й ударной, она генералу Федюнинскому знакома по прорыву блокады.

— Сколько в составе армии стрелковых корпусов и танковых бригад? — поинтересовался затем Сталин.

Выслушав Говорова, помолчал. Потом проговорил:

— Армию следовало бы усилить еще одним стрелковым корпусом и танками...

И. И. Федюнинский сдерживает облегченный вздох, он и сам успел подумать, что силенок у него будет, пожалуй, маловато, фашисты столько там всего понастроили за два с лишним года и цепляться, конечно, будут за каждую высотку и каждый опорный пункт.

По приглашению Сталина все садятся за стол. Докладывает Говоров. С первых слов Федюнинскому становится ясно, что речь идет о полном разгроме фашистов под Ленинградом. В январе 1944 года предстоит масштабная стратегического характера операция, к ее проведению привлекаются силы трех фронтов — Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского. Сокрушить предполагается все северное крыло фашистского восточного фронта.

Говоров предельно краток; нетороплив:

— Успех операции требует быстрых темпов, с тем чтобы не позволить противнику остановить наступательные действия на многочисленных, заблаговременно подготовленных противником

рубежах, вплоть до реки Нарвы и Псковского укрепленного района...

Ни конспекта, ни каких-либо записок у Говорова в руках нет, десятки цифр он называет по памяти. Только группировки Ленинградского и Волховского фронтов, противостоящие 18-й немецкой армии, насчитывают свыше 700 тысяч солдат и офицеров, свыше 12 тысяч орудий и минометов, свыше 1100 танков и самоходно-артиллерийских установок. Таким образом, они превосходят противника по численности личного состава больше, чем в два раза, по артиллерии — более чем в три раза, по танкам и самоходным артиллерийским установкам (САУ) — в шесть раз.

Сталин время от времени задавал вопросы, уточняя, где и какие сосредотачиваются силы и средства, куда и какими путями, в какие сроки подвозятся, перебрасываются войска, боевая техника, оружие, боеприпасы. Еще раз с видимой озабоченностью напомнил:

— Необходимо переправить на Ораниенбаумский плацдарм побольше танков. На этом участке фронта у противника много сильно укрепленных опорных пунктов. Пехоте без танков будет трудно двигаться вперед.

Напутствуя командующих фронтами и армиями, не без удовлетворения заключил:

— Уверен, что разработанная нами операция будет осуществлена в соответствии с нашим замыслом и враг под Ленинградом будет разгромлен...

Начало наступлению положили армии 2-го Прибалтийского фронта, которым командовал М. М. Попов; их действия носили вспомогательный характер, главная задача состояла в том, чтобы сковать 16-ю немецкую армию и не дать ей возможности перебросить свои части к Ленинграду.

С утра 14 января сражение развернулось на направлениях главного удара. 59-я армия Волховского фронта пошла на прорыв немецкой обороны севернее Новгорода, 2-я ударная армия Ленинградского фронта, поддержанная кора-

бельной артиллерией и морскими береговыми батареями, устремилась вперед, с тем чтобы перерезать пути отхода петергофско-стрельнинской группировки противника. Волховчанам удалось овладеть только первой траншеей. Ленинградцы протаранили всю первую позицию главной полосы обороны врага, а местами и вторую.

В ночь на 15-е на небе высыпали крупные звезды. На западе, в районе Ораниенбаумского плацдарма, полыхали багровые всплески, оттуда слышался грозный и глухой гул. К утру, однако, снова напоззли низкие облака, моросило, туман, правда, поднялся только в низинах, позиции противника просматривались достаточно хорошо. Л. А. Говоров и А. А. Кузнецов поднялись на наблюдательный пункт, оборудованный на недостроенном ДOME Советов — здании на Московском проспекте, перед которым установлен ныне аникушинский памятник В. И. Ленину. Томительно тянулись последние минуты, тишина, никакого движения, даже не верилось, что все там зальет сейчас яростное, всепожирающее пламя.

9 часов 20 минут. Дрожь пробежала по земле, как будто ее всколыхнуло. Не считая реактивной артиллерии, 2300 орудий перепыхивают сейчас главную полосу прорыва, посылая туда снаряд за снарядом, с резким свистом пролетают они над нашими позициями, огонь и дым поднимаются над траншеями. Грозные взлески над Невой, над Финским заливом: в разрушении бетонированных укреплений врага участвуют линейный корабль «Октябрьская революция», крейсера «Киров» и «Максим Горький», лидер «Ленинград», эскадренные миноносцы — те самые корабли, чья артиллерия преграждала фашистам дорогу к Ленинграду в сентябре 41-го. Крошится, раскалывается, стонет бетон фашистского «северного вала», с грохотом взлетают на воздух минные поля, сравниваются с землей траншеи, растапливаются опаленные жаром лед и снег, на поверхности промерзшей за зиму земли проступает вода.

Солдаты на переднем крае безбоязненно поднялись на брустверы: пришел он наконец — час возмездия!

10.15. Со стороны Ленинграда нарастает мощный гул: летят чернокрылые штурмовики... Канонада достигает таких высот насыщенности, что даже выдавшие виды военачальники, даже М. С. Михалкин, который командует артиллерией 42-й армии, с некоторым недоверием к собственному восприятию прислушиваются к ошеломляющим раскатам грома и грохота, способным, кажется, сотрясти само небо.

В первой цепи поднимаются в атаку более 10 тысяч бойцов и офицеров.

Наблюдательный пункт генерала Симоняка — на главной Пулковской высоте, вблизи развалин обсерватории, в траншее, перекрытой бревенчатым накатом. Тут же землянка, где можно отдохнуть, под рукой рация, перископ, стереотруба, карта — все самое необходимое. За последние месяцы у генерала явно прибавилось седины, а на лице глубже залегли суровые складки: в сентябре прошлого года фашисты сбили самолет, на котором летели в Ленинград его жена и сын, пятилетний Витька. Симоняк, однако, не растерял прежней своей энергии, напористости, сейчас он весь внимание. Пристальнее всего он вглядывается в происходящее на пути к Большому Виттолову. Эта высота, превращенная фашистами в мощный опорный пункт, располагается между Пушкином и Красным Селом, она словно хитроумный замок, не сбив который вражеской обороны здесь не взломать.

Наступал прямо на Большое Виттолово батальон гвардии майора Дмитрия Зверева, жизнерадостного сибиряка, с серьезными, вдумчивыми глазами. Перед самой войной он окончил пехотное училище, попал на Ханко и был там с первого до последнего дня обороны. За мужество при прорыве блокады его наградили орденом Красного Знамени. По молодости лет порою излишне горячий и резкий, он на глазах обретал способность быть выдержанным, настойчивым во всем, что касалось дела. Сейчас, перед

атакой, Зверев поднял своих солдат на ноги минут за пять до конца артиллерийского наступления:

— Только не медлить. В траншеях первой цепи не задерживаться.

Они достигли ее практически беспрепятственно. Глубокий противотанковый ров за нею тоже преодолели без особого труда: фашисты не успели его затопить, как планировали. И вторую траншею пересекли быстро. В третьей кое-кто из фашистов успел взяться за оружие, но было уже поздно: огневые точки тут же забрасывались гранатами, глушились автоматными очередями.

За третьей траншеей первую цепь сменила вторая, и скоро сюда добежал сам Зверев. Устроившись в небольшом овражке, он рассматривал теперь в бинокль Большую Виттоловскую высоту: впереди открытое пространство, его надо обязательно преодолеть до тех пор, пока гитлеровцы в панике.

Неожиданно для себя Зверев вдруг заметил дот у самого подножия высоты. Совершенно неразрушенный. Тронув за плечо залегшего рядом с ним командира артиллерийского дивизиона, спросил:

— Видишь дот?

— Вижу. Целехонек...

Как только снаряды принялись рвать неподатливые серые стены дота, Зверев приказал:

— К доту — штурмовую группу. Передайте им: как только артогонь прекратится — сразу вперед.

Еще оседали поднятые взрывами в воздух битый лед и мерзлые комья земли, а солдаты штурмовой группы, поднявшись во весь рост, уже обтекали дот, блокировали его со всех сторон.

Три бесконечных километра, самый мощный обвод «северного вала», три огненных километра, где гибельной могла стать каждая сотня метров, батальон Зверева прошел за 60 минут. Фашисты уже огрызались, но бойцы где перебежками, где ползком вклинивались в незанятое пространство между вражескими огневыми па-

зициями, нападали с флангов, с тыла, спу-
скали гранаты в печные трубы землянок и
блиндажей. Соседей у вырвавшегося вперед ба-
тальона Зверева уже не было, но вражеский
гарнизон в Большом Виттолове тоже оказался
отъединенным от основных сил. Фашисты сопро-
тивлялись до последнего. В батальоне Зверева
ранило или убило большинство командиров
взводов, погибли парторг батальона Павел Юда-
ков, командир 3-й роты Иван Скобичев, тяжело
ранило замполита Ивана Рухмакова... Фашист-
ские огневые точки, однако, умолкали одна за
другой. К 14.00 оставшиеся в живых гитлеровцы
сдались в плен. Высота стала нашей. Вскоре ко-
мандир полка Яков Иванович Кожевников пере-
дал комбату:

— Командир корпуса награждает тебя имен-
ными золотыми часами. Молодец! Не подвел.

У Симоняка, во всех трех его дивизиях, забот
и проблем достаточно, но в общем-то здесь уже
устанавливалось победное, наступательное на-
строение: пусть местами, с большим трудом и не-
малыми потерями, но гвардейцы все-таки шли и
шли вперед. Общая картина, однако, была не
столь радостной. Наступавший левее Симоняка
110-й стрелковый корпус довольно быстро за-
хватил первые и вторые траншеи, но дальше
стал увязать, его полки залегли перед Александр-
ровкой, похоже, что там каждый дом превращен
в дот. На правом фланге в полосе от Лиговского
канала до Петергофского шоссе перед 109-м
корпусом немецкую оборону и вовсе не удалось
разрушить. Под Урицком фашисты не подпу-
стили атакующих даже к первой траншее, на
других участках наши бойцы лишь местами вор-
вались в первую траншею и сразу же были
контратакованы.

Фашистам снова удалось затормозить фланги
устремившейся вперед армии, и только в самом
центре прорыва уже не дивизия, а корпус Си-
моняка пробил пятикилометровую брешь в пер-
вой позиции обороны противника, продвинув-
шись местами на расстояние от полутора до
четырёх с половиной километров.

18 января части гвардейского корпуса Симоняка ворвались в Красное Село. Фашисты взорвали плотину у Красногородской бумажной фабрики, которая поддерживала высокий уровень воды в Дудергофском озере, и вода затопила всю низину вокруг станции Красное Село. Это создало дополнительные трудности. Опасным было и то, что в руках у врага оставалась Воронья гора; высота ее достигает 172 с лишним метра, на приневских равнинах этого достаточно, чтобы обозревать окружающую местность на десятки километров вокруг.

Полковнику А. Ф. Щеглову, командиру 63-й стрелковой дивизии, принявшему ее от Симоняка, еще днем 17-го донесли, будто какой-то из батальонов захватил Дудергоф — поселок у самого подножия Вороньей горы. Донесение было не очень четкое, и Щеглов вызвал к себе Алексея Бровкина (как и год назад, он служил в дивизионной разведке):

— Возьми автоматчиков, пойдя к Дудергофу. Посмотри, что там...

На месте сразу же выяснилось, что Дудергоф все еще у фашистов.

— Видишь противотанковый ров, там они, во рву. Не пройдешь...

Гвардейцы, однако, уже подступали здесь и там к подножию высоты, и командир 188-го полка А. И. Шерстнев расположил свой командный пункт в непосредственной близости от нее — в захваченном у фашистов блиндаже на территории Красносельского военного лагеря, где еще в давние, дореволюционные времена традиционно проводились маневры.

— Вот что, Алексей,— сказал он Бровкину.— Дам я тебе бронебойщиков, кое-какое подкрепление, а ты обеспечь мне этой ночью захват Горской, она на склоне Вороньей горы.

Путь к Горской разведчикам преграждал противотанковый ров, и когда они приблизились к нему, на гребне четко прорисовывались два пулемета. Каким-то образом, Бровкин точно не помнит, в руки его солдатам попала пушка, и Василий Скопин точными выстрелами уничтожил

обе огневые точки. Таиться дальше не имело смысла, они поднялись с криком «Ура!». В землянку, выкопанную фашистами под домом, Бровкин ворвался вместе с Иваном Конышем и Иваном Черевиком. Девятерых гитлеровцев они скосили сразу, десятый схватился за автомат, ранил Коныша, он мог бы их всех перестрелять, но Черевик все-таки опередил его.

Днем 18 января Воронью гору окончательно отрезали от Красного Села, и 190-й полк А. Г. Афанасьева, хоть и значительно ослабленный, все-таки попытался с ходу взойти на самый верх. На полпути к вершине гвардейцы попали под жестокий обстрел и отступили. К Вороньей горе выдвинулась и рота автоматчиков одного из храбрейших офицеров полка Владимира Масальского.

Уже в сумерках в Красносельском лагере на командном пункте Афанасьева появился командир дивизии А. Ф. Щеглов и еще несколько человек. В легком солдатском ватничке без погон, с палкой-посошком в руках, многим заменявшей тогда миноискатели, им пришлось пробираться сюда сначала по неглубокой траншее у самого подножия Вороньей горы, а потом броском перемахнуть через открытое, обстреливаемое пространство.

— Топчетесь вы что-то, совсем у тебя застопорилось,— едва поздоровавшись, упрекнул командира полка Щеглов.— Давайте-ка соберемся, обсудим, как дальше действовать.

Скоро в бункер пришли все командиры полков. Когда план штурма окончательно определился, Щеглов решительно заключил:

— Утром я должен быть на высоте. Там будет мой НП...

Бой не утихал всю ночь, кольцо вокруг Вороньей горы смыкалось все туже. Шаг за шагом расшатывали и расчленили вражеские порядки батальоны майора В. А. Панфилова, капитанов А. А. Трошина, Е. А. Лучинского. Небо уже серело, крепчал мороз, когда гвардейцы, подкрепленные танками и саперными подразделениями, с разных направлений принялись карабкаться по

обожженным взрывами склонам, укрываясь за деревьями, валунами, в ложбинках. Сразу чуть ли не со всех направлений!

Воронья гора, а потом и Красное Село окончательно были освобождены утром 19 января, и фашисты побежали из Урицка, Стрельны, Володарского, из Петергофа в надежде вырваться из мешка, горловина которого вот-вот могла затянуться. По приказу Говорова навстречу 2-й ударной армии устремилась подвижная армейская группа в составе двух танковых бригад и двух самоходно-артиллерийских полков с частями усиления. Танки и самоходки, безостановочно катившие по шоссе, сопровождали штурмовики, то и дело опережая колонну, выискивая и подавляя противотанковые батареи. К деревне Телези головные машины подошли уже в темноте; командиру шедшей впереди танковой роты, в то время лейтенанту, а в будущем полковнику, Герою Советского Союза Александру Сидоровичу Мнацаканову было известно, что это крупный опорный пункт.

— Включить фары,— передал по радиации Мнацаканов.

С зажженными огнями по ночным дорогам обычно передвигались фашисты. В Телези никто не поднял тревоги. Мнацаканов даже подумал, что противник ушел оттуда, когда вдруг увидел в свете фары-прожектора одну машину, вторую, танк, орудия — деревня была буквально забита вражеской техникой. Приказав открыть огонь, Мнацаканов решительно скомандовал:

— Вперед, в бой не ввязываться!

Через считанные минуты впереди снова были темные пустынные поля, перелески. Убедившись, что все танки целы, Мнацаканов передал шедшим за ним:

— Телези проскочил. Берегитесь! Там много противотанковых орудий.

В этот день по радио передавали приказ Верховного Главнокомандующего генералу армии Говорову:

«Сегодня, 19 января, в 21 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доб-

лестным войскам Ленинградского фронта, прорвавшим оборону немцев и овладевшим городом Красное Село и Ропша,— двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий».

В Ленинграде наступала еще одна счастливо-бессонная ночь. Над Красной площадью, над Кремлем рассыпались многоцветными искрами победно-праздничные ракеты, а Мнацаканова в это время по-прежнему трясло и мотало в танке. У Русско-Высоцкого он попытался повторить тот же маневр, но ничего не получилось: его танки напоролись на орудийные выстрелы. Пришлось рассредоточиваться, завязывать огневой бой, искать обходы. Часа через полтора дорога расчистилась, и Мнацаканов снова вывел на шоссе свою роту. Неожиданно по броне забарабанили. Приказав остановить машину, Мнацаканов откинул люк:

— Что случилось?

Лица у десантников были тревожными.

— Танки какие-то впереди, товарищ лейтенант.

— А ну, давайте вперед, по кювету.

Громыхавшие навстречу танки остановились. Погасив огни, две грозные колонны настороженно застыли друг перед другом. Когда немного стихло, из кустов послышались солдатские голоса:

— Кто такие?

— Ленинград!

Ответ в пароле был тем же, что и при прорыве блокады:

— Победа!

С той и другой стороны вспыхнули фары, танкисты, десантники выбегали на дорогу. Мужчины, суровые, перемазанные, с закопченными лицами, обнимались, и глаза у них делались мокрыми. Наступавшие навстречу друг другу передовые отряды 2-й ударной и 42-й армий перекрыли пути отступления петергофско-стрельнинской группировки врага. Фашистская оборона рушилась.

27 января разноцветные сполохи салюта заиг-

рали на заснеженной молчаливой Неве, на гранитных ее парапетах. На набережные, улицы и площади вышел весь Ленинград. Люди плакали от радости. Вражеская блокада была снята.

Фронт пришел в движение, уже не отдельные группы, а целые дивизии, корпуса вырывались на оперативный простор и уходили все дальше и дальше от Ленинграда.

К концу февраля войска Ленинградского, Волховского, 2-го Прибалтийского фронтов и Краснознаменного Балтийского флота взломали оборону врага на фронте до 600 километров и прошли с боями на юг, на юго-запад и запад от 220 до 280 километров, разгромив в общей сложности 26 дивизий врага, в том числе три были полностью уничтожены. Пресловутый «северный вал» окончательно рухнул, потерял устойчивость весь северный фланг гитлеровского вермахта на советско-германском фронте, создались благоприятные условия для наступательных операций советских войск в советской Прибалтике, на Карельском перешейке, в Карелии.

Уже 11 апреля 1944 года в историческом Актовом зале Смольного, где люстры наконец-то горели в полный накал, собрался первый в годы Великой Отечественной войны пленум Ленинградского городского комитета партии. Открывал его Алексей Александрович Кузнецов. Кажется, он остался таким же, каким был в памятный всем последний предвоенный день, только глубже залегли и резче обозначились складки на его лице да в глазах словно бы застыла тяжелая, трудная память о пережитом. У многих навернулись на глаза слезы, когда прозвучало такое обычное и вместе с тем дорогое:

— Пленум городского комитета партии объявляю открытым... Бюро горкома партии выносит на пленум следующие вопросы:

1) О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства города Ленинграда в 1944 году (постановление Государственного Комитета Оборона от 29 марта с. г.). Докладчик товарищ Жданов...

На трибуну поднялся Андрей Александрович Жданов.

Ленинградцы, опираясь на поддержку партии, правительства, всей страны, приступали к делу, которое со стороны представлялось необъятным, даже неисполнимым, но которое все же будет исполнено, и это тоже станет подвигом, замечательным подвигом созидания, который назовут легендарным и героическим.

Так вот оно было. Вернемся ненадолго к истории. В июле 1941 года, появившись в штабе группы армий «Север», Гитлер, будучи неколебимо убежден, что Ленинград вскоре будет взят, предрекал, что с его падением «дух славянского народа» окажется «серьезно подорванным» и может даже наступить «полная катастрофа». Гитлеровцам не удалось захватить Ленинград ни с ходу, ни штурмом, ни осадой и измором. Долгих 29 месяцев они вели ожесточенную, кровопролитную битву с городом, который по своему вкладу в общую борьбу сравнялся с фронтом. Ленинградцы пережили ужасы голода и холода, бомбежки и обстрелы, понесли ни с чем не сравнимые потери, но не сдались. Город-фронт не просто выстоял. В этой беспримерной схватке были разгромлены блокировавшие его войска. Seriously подорванным в итоге оказался дух самих гитлеровцев, населения Германии, ее сателлитов. Фашистский блок дал новые трещины: финское правительство, в частности, вступило в непосредственные переговоры с Советским Союзом, выясняя, на каких условиях Финляндия могла бы выйти из войны.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин в январе 1945 года при вручении городу-герою ордена Ленина говорил:

«Победа, которую завоевал город, исключительно велика. Это мировая победа. Ленинградская победа — это военная победа, имеющая значение не только для Ленинграда, но и для всего хода борьбы советского народа против немецких захватчиков.

...Без колебаний могу сказать, что другого-такого патриотизма, как тот, какой проявило население великого города Ленина в борьбе с самым отъявленным врагом прогрессивного человечества, с врагом, который возымел дерзкую мысль — подчинить человечество взбесившейся банде закоренелых реакционеров,— мир еще не видел.

Пройдут века, но дело, которое сделали ленинградцы — мужчины и женщины, старики и дети этого города,— это великое дело, дело Ленина, никогда не изгладится из памяти самых отдаленных поколений».

Сбылись эти, поистине вещие слова Михаила Ивановича.

Я не ошибусь, если скажу, что каждый, кому в наши дни доводится бывать в Ленинграде, непременно посещает Пискаревское мемориальное кладбище. Только здесь, только на одном этом кладбище, захоронено около 470 тысяч ленинградцев. Даже по сегодняшним меркам это население крупного, полного энергии, с развитой промышленностью города. Мужчины, женщины, дети... Они тоже хотели жить, но они не могли представить себе жизни в неволе, под пятой врага, они считали себя не вправе отступить с рубежей, завоеванных Октябрем. И они умирали во имя и ради будущего, которое стало сегодня нашим счастьем.

«Чем дальше уходят в историю те овечьи славой дни, тем все яснее видно, что ни одна капля крови, пролитая на ленинградской земле, не пропала даром,— писал в предисловии к одному из сборников воспоминаний защитников Ленинграда член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романов.— Защитники города, сменившие солдатские гимнастерки на рабочие спецовки, их дети и внуки в невиданно короткое время сумели не только залечить раны, нанесенные Ленинграду войной, но и сделать его еще краше, умножить его индустриальную мощь».

Больше всего разрушений фашисты оставили в южных ленинградских пригородах. Петродво-

рец, Пушкин, Павловск лежали в руинах, разметанные взрывами, выжженные пожарами, загаженные фашистской солдатней. Потери казались безвозвратными, невозполнимыми. На восстановление и реставрацию понадобились не годы, а десятилетия, работы продолжают и сегодня, но уже к пригородным музеям, дворцам, паркам Ленинграда вернулось прежнее их великолепие. Снова по всему миру идет слава о Петродворце, одном из совершеннейших художественных созданий человечества. Словно музыка, застывшая в камне, подобны величавым аккордам торжественной симфонии фасады Екатерининского дворца в Пушкине; и так же, как при Пушкине, полон таинственности и очарования «прекрасный Царскосельский сад». В деталях, в мелочах, во всех своих частностях восстановлены внешний вид и убранство Павловского дворца...

· О пригородах можно рассказывать еще и еще. А о самом Ленинграде?

Мало сказать, что к городу вернулась былая его красота. Таким прекрасным, как сейчас, он никогда не был, и это относится в том числе к его историческому центру. Всемирно известные архитектурные ансамбли предстают перед нами в их первозданном очаровании, во всей чистоте и строгости первоначального замысла создававших их гениальных архитекторов. За послевоенные годы городской жилищный фонд вырос больше чем в 2 раза: рядом с довоенным встал еще один такой же по вместимости город.

Не один день пройдет, пока объедешь, рассмотришь новый, выросший после войны Ленинград, и это несомненно будет удивительно интересная поездка.

Сравнительно недавно можно было обойти едва не весь Ленинград, но так и не увидеть моря: город отгораживался от него портовыми сооружениями, верфями, заводами и просто болотами, где жировали дикие утки. Еще Петр I пытался строить на прибрежной кромке Финского залива, работные люди сотнями вгоняли в

зыбучий грунт свай — вбивались они легко, слишком легко, безвозвратно утопая в бездонной трясине: тверди никак не получалось. Теперь там, на тех же примерно местах, построены первые десятки метров морской набережной, встала у финских вод гостиница «Прибалтийская», раскинули свои корпуса жилые кварталы. Город выходит, наконец, к заливу. Выходит широким фронтом.

Сейчас в Ленинграде по решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР приступают к осуществлению еще одного, поистине дерзкого проекта. Одиннадцать восьмиметровой высоты дамб общей протяженностью более 25 километров пересекут Финский залив от Горской на Карельском перешейке через Кронштадт к Ломоносову, чуть западнее того маршрута, которым 2-я ударная армия генерала И. И. Федюнинского и приданные ей войска переправлялись под носом у гитлеровцев на Ораниенбаумский плацдарм, чтобы нанести удар по осаждавшим Ленинград гитлеровским бандам. Дамбы навсегда оградят город от наводнений и в то же время станут еще одним его украшением: рядом с яхтами и судами, словно соревнуясь с ними, побегут потоки машин, сблизятся, окажутся по соседству северные и южные пригороды Ленинграда.

Исчезает в прежнем его значении понятие окраины, в том числе одна из самых верных их примет: закопченные, неказистые заводские и фабричные здания. Нарядными, светлыми корпусами образуют теперь свою фасадную линию объединения «Электросила», «Металлический завод», «Кировский завод», «Светлана»... В обновленном внешнем облике находят отражение многократно выросшие возможности, современная мощь ленинградской индустрии: по сравнению с довоенным уровнем она дает в 12 раз больше продукции. Продукция эта несравнима с прежней: многое из того, что отмечено ленинградской маркой, конструируется, изготавливается и проектируется впервые у нас в стране, а часто и в мире.

В 1940 году, например, максимальная мощ-

ность генераторов достигала 50 тысяч киловатт, теперь она поднялась до 1 миллиона 200 тысяч, а в планах конструкторов — турбогенераторы мощностью 1600—2000 тысяч киловатт. В нулях запутаешься, пока пишешь, — такие цифры входят в хозяйственный, технический обиход. Атомные ледоколы, атомные реакторы, трехсотсильные «Кировцы», промышленные роботы, станки с программным управлением, крохотные полупроводниковые приборы, способные заменить тысячи и тысячи радиоламп, — сам этот перечень до войны звучал бы как строки из научно-фантастического романа о неблизком будущем. Во многих народнохозяйственных стройках страны ленинградцы участвуют непосредственно. Это БАМ, Усть-Илимский лесопромышленный, Красноярский и Саянский комплексы, КамАЗ, «Атоммаш», Кулундинский канал, советско-монгольское горно-обогатительное предприятие «Эрдэнэт» и многие, многие другие. Переводя на рельсы интенсификации сельское хозяйство своей области, Ленинград вносит серьезный вклад в преобразование всего Нечерноземья.

Качественно новые возможности, масштабы ленинградской экономики — прежде всего результат огромной, неослабной заботы ленинского ЦК, его Политбюро, лично товарища Л. И. Брежнева о городе Ленина. Опираясь на поддержку и помощь партии и правительства, Ленинградская партийная организация активно ведет поиск наиболее эффективных методов хозяйствования. Концентрация, специализация производства, модернизация и обновление производственных фондов, комплексное решение экономических и социальных проблем — вот та благодатная основа, на которой возникают новые и новые ленинградские начинания, нередко имеющие всесоюзный резонанс. В этих начинаниях и находят сегодня выход неукротимый дух, неодолимая воля к победе и несокрушимая вера в победу отцов, дедов наших — всех тех, кому Ленинград обязан своей славой и процветанием.

Вспомним еще раз о них. Их кровь и сегодня стучит, пламенеет в наших сердцах, вдохновляя на труд во имя коммунизма, одаряя неистощимым оптимизмом и неколебимой стойкостью. Они и сегодня с нами, и никто из них не забыт, и ничто не забыто.

Содержание

Удар с юго-запада	7
На лужском рубеже	22
Огненные километры	42
Перед Пулковскими высотами	61
Тяжелые решения	82
Черная зима	92
Симфония мужества	129
Прорыв	144
Еще год в осаде	168
Победы светлый час!	181

*Владимир Викторович
Михайлов*

ЛЕНИНГРАД

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *Д. И. Жеребкина*
Младший редактор *И. А. Дегтярева*
Художник *А. А. Брантман*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *Н. П. Межеричкая*

ИБ № 1856

Сдано в набор 27.11.79. Подписано в печать 14.04.80. А08181.
Формат 75×90¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 8,44. Учет-
но-изд. л. 9,62. Тираж 200 000 (1—100 000) экз. Заказ 5291.
Цена 45 коп.

Политиздат, 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Набрано и сматрицировано
в ордена Ленина типографии «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Отпечатано с матриц в типографии
«Горьковская правда», г. Горький, ул. Фигнер, 32.

45 коп.

В художественно-документальной повести ленинградского журналиста В. Михайлова рассказывается о героическом подвиге Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, о беспримерном мужестве и стойкости его жителей и воинов, о помощи всей страны осажденному городу-фронту. Наряду с документальными материалами автором широко использованы воспоминания участников обороны, воссоздающие незабываемые картины тех дней.

ЛЕНИНГРАД

